

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ**

**РОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ**

Аналитический доклад

*Подготовлен в сотрудничестве
с Представительством
Фонда имени Фридриха Эберта
в Российской Федерации*

Москва – 2007 г.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
1. Материальное положение россиян и самооценка ими своей жизни	10
2. Социально-психологическое самочувствие россиян и самооценка ими своего социального статуса	19
3. Особенности самоидентификации россиян	27
4. О традиционализме и модернизме в российском обществе	36
5. Особенности жизненных ценностей и устремлений россиян	53
6. Демократические ценности в структуре массового сознания россиян	68
7. Политическая активность и гражданское участие	81
8. Историческое самосознание и национальный менталитет россиян	90
9. Внешнеполитические аспекты российской идентичности	100
10. Социокультурные аспекты российской идентичности	112
К общим выводам	125

© Институт социологии РАН
e-mail: isras@isras.ru
<http://www.isras.ru>

© Представительство Фонда
им. Ф. Эберта в РФ

Предисловие

Первую попытку всмотреться через «социологическое зеркало» в особенности российской идентичности под воздействием трансформационных процессов, ученые ИКСИ РАН (с 2005 г. Институт социологии РАН) предприняли в июне–июле 1998 г., фактически накануне разразившегося острейшего финансово-экономического кризиса. Именно в тот, еще относительно спокойный период в жизни страны, в сотрудничестве с Фондом им. Ф. Эберта и немецкой социологической службой «Синус» (Мюнхен) было осуществлено общероссийское социологическое исследование под названием «Граждане России: Кем они себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить?».

Цель данного исследования состояла в выявлении определенных типов восприятия исторических, социальных, экономических и политических фактов, явлений и процессов представителями различных поколений россиян – возрастными группами от 16 до 65 лет включительно, которые оказывают основное влияние на текущее развитие страны или будут оказывать таковое в ближайшем будущем.

Всего в ходе проведенного исследования было опрошено 3000 респондентов. Опрос проводился по тщательно составленной квотной выборке. Причем выборка строилась по двум моделям. Первая давала возможность осуществить сопоставительный анализ данных по различным поколенческим группам (когортный анализ). Вторая модель являлась территориальной, многоступенчатой, с квотным отбором респондентов на последнем этапе. Это обеспечивало общую репрезентативность результатов исследования для демографической группы населения России в возрасте 16–65 лет.

Какими же оказались основные результаты исследования 1998 г.? Были получены веские доказательства того, что после первой семилетки радикальных реформ структура российского социума продолжала обеспечивать достаточно надежную трансляцию базовых жизненных ценностей, мотиваций и способов восприятия действительности. Несмотря на революционно-взрывной характер происходившей смены социально-экономического строя, социокультурные стереотипы, определяющие общий склад сознания, изменялись достаточно плавно, эволюционно. Некоторое отклонение от этой тенденции касалось в основном «индекса агрессивности» молодежи, готовности довольно существенной части ее представителей «драться за свое место под солнцем», не особенно стесняясь в выборе средств самоутверждения.

Среди доминант массового сознания выделялись смысложизненные установки, имеющие глубокие социокультурные корни. В своей совокупности они характеризовали тип «среднего» россиянина (русского) как готового к самым неожиданным поворотам судьбы, обладающего хорошими адаптационными способностями и склонного к автономности человека. Свое призвание он видел не столько в приумножении благ, сколько в стремлении жить как хочется, получая от этого моральное удовлетворение. В то же время обращал на себя внимание преимущественно «неэкономический» характер положительных качеств русских. Объективно тормозя вхождение России в рынок, они, вместе с тем, способствовали тому, чтобы менее болезненно вписаться в тенденции постиндустриальной цивилизации. Во всяком случае, устоять и выжить в условиях радикальных изменений и сопутствующего им глубочайшего кризиса *русскому человеку помогали в основном смелость, изобретательность, приспособляемость и терпеливость.*

Результаты проведенного исследования дали основание отнести к числу бесспорных доминант массового сознания россиян и их представления о роли и функциях государства. Речь идет о понимании государства не только как политико-правового, но и как социального института и непосредственного участника экономических отношений. Из полученных данных вытекало, что массовые представления о том, в какой степени государство должно участвовать в экономической деятельности, варьируют по отраслям. Причем применительно к наиболее важным (транспорт, энергетика) число сторонников прямого государственного управления «зашкаливало» за 80%.

Материалы исследования позволили убедиться в том, насколько трудно, противоречиво идет процесс освоения массовым сознанием россиян реалий новой действительности. Зачастую образ желаемого расплывался и никак не мог принять четких очертаний, которые могли бы быть выражены в форме определенной идеологии. Особенно хорошо это было видно на примере отношения россиян к «демократии» как понятию и институту, с одной стороны, а с другой – в явно определившейся тяге общества к «сильной руке».

Вопреки устоявшимся представлениям (причем, даже в среде экспертов), оказалось, что *большинство россиян отдает предпочтение обществу равных возможностей над обществом равных доходов*, около половины населения ставили равенство возможностей выше индивидуальной свободы, которая таким равенством не

подкреплена, и около трети выдвигали модель общества равных возможностей как цель развития страны. Тем самым россияне, несмотря на все «ошибки» приватизации, вовсе не хотели «поделить все поровну». Но вот на чем они действительно настаивали и за чем очень скрупулезно следили, так это обеспечение равенства возможностей.

В заключение анализа исследования 1998 г. было сказано буквально следующее: *в свете складывающейся в стране ситуации, логично будет предположить, что на посту Президента РФ россияне захотят видеть национального лидера, способного обеспечить смыслополагающую функцию государства на базе разделяемых большинством населения фундаментальных ценностей. Как видно, социологические предположения не разошлись с последующей реальной действительностью*¹.

Однако, прогнозы прогнозами, но мы посчитали необходимым в 2004 г. провести повторное исследование по данной проблематике. Тем более, что с момента первого опроса общество пережило дефолт, прошло через две парламентские и две президентские кампании, вошло в полосу относительно устойчивого экономического и политического развития, подверглось масштабным атакам международного терроризма. Как это все повлияло на ценностный мир россиян, их мировоззренческие установки, мотивацию поведения и жизненного выбора? Что из выявленных в 1998 г. тенденций развития массового сознания подтвердило свою жизнеспособность, а что нет? Может ли пореформенное состояние российского общества оказаться надежной опорой модернизационного прорыва страны, или при сохраняющейся ментальности россиян этот прорыв практически невозможен?

Попытаться ответить на эти вопросы, осуществив идею повторного исследования «Граждане новой России: Кем они себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить? (1998/2004 гг.)», оказалось возможным после его проведения в июне–июле 2004 г. научной группой ИКСИ РАН (с 2005 г. ИС РАН) в сотрудничестве с Представительством Фонда им. Ф. Эберта в РФ. Всего было опрошено 2500 респондентов. В основу методики исследования 2004 г. был положен методический инструментарий первого опроса, который был дополнен новыми инструментальными разработками Института.

Как показали крупномасштабные социологические замеры состояния российского общества, проведенные в 1999 и 2004 годах, а также данные трех десятков общероссийских мониторинговых и тематических опросов, осуществленных нашим

¹ Подробнее о результатах данного исследования см.: Россия на рубеже веков. Отв. ред. М.К. Горшков. – М., 2000, с. 163–252.

Институтом с 1993 г., есть веские основания считать, что *степень глубины и темпы изменения российского национального самосознания под воздействием трансформационных процессов не столь велики, как об этом принято зачастую говорить и писать.*

Обращаясь к анализу исторического самосознания россиян, мы вынуждены были признать: советская парадигма, едва пошатнувшись под натиском «разоблачений» и «отмывания белых пятен» истории в первой половине 90-х годов, продолжала демонстрировать свою удивительную устойчивость. Так, подавляющее большинство наших сограждан, причем независимо от возраста, пола, образовательно-профессиональных характеристик и места жительства, как и ранее, относили к основным предметам общенациональной гордости события и достижения советской истории. При этом сравнительно с 1998 г. отмечалось явно эмоциональное охлаждение оценочной реакции россиян на события и процессы дореволюционной истории России.

Вместе с тем, наряду с ярко выраженным консенсусным характером социально-исторического мировосприятия наблюдалась (что вполне естественно) поколенческая и региональная специфика в отношении к различным этапам и явлениям российской истории. Так, Октябрьская революция 1917 г. активнее выделялась в числе значимых событий представителями старшего поколения, а продвижение России по пути рыночной экономики – представителями молодежных групп. Именно заметная часть молодежи до 35 лет полагала, что в нынешней России происходит быстрый экономический подъем, ведущий к инновационному прорыву, успехам в сфере образования и науки.

Или, скажем, традиционалистская Россия, представленная, прежде всего, малой провинцией (средние и малые города, сельская местность), была обращена, в первую очередь, к достижениям советской эпохи, в то время как регионы-рыночники (мегаполисы, крупные областные центры) проявляли более выраженную поддержку таким переменам в жизни нашего общества, которые связаны с ликвидацией «железного занавеса», демократизацией политической жизни, осуществлением рыночных преобразований.

Однако, что особенно важно подчеркнуть: возрастные и межрегиональные расхождения в историческом мировосприятии, как и в 90-е годы, не оборачивались ценностным расколом российского общества. Причем, по той же, что и ранее, главной причине: роль, своего рода, межпоколенческого буфера выполняли средние возрастные

группы (как в мегаполисах, так и в провинции), которые своим взвешенным, сбалансированным отношением к событиям отечественной истории уравнивали крайние позиции и оценки. Вот почему в целом можно было утверждать, что, *несмотря на некоторые расхождения во мнениях «отцов» и «детей» по отношению к историческому прошлому и современному этапу развития России, между различными поколениями россиян на данный период времени практически не существует коренных разногласий и «разрывов» по поводу восприятия действительности.*

И все же обнаруживалось одно «но». Оно было связано с историческим выбором общества, в котором россиянам хотелось бы жить в данный период времени. Исследование 2004 г. продемонстрировало, с одной стороны, явное предпочтение молодежи и большинства средних возрастных групп оставаться в нынешней России, со всеми ее проблемами и противоречиями, а с другой – очевидную ностальгию старших возрастных групп россиян по жизни в СССР, их желание оказаться в обществе «брежневского образца». Таким образом, историческое самосознание народа, как довольно цельная и жесткая мировоззренческая конструкция, продолжала оказывать влияние на процесс поиска современным россиянином «собственного места в благодатной эпохе».

То, что средние возрастные группы оказывали определяющее влияние на ценностно-исторический выбор желаемого типа общества, не случайно. Как показало исследование, наибольшая степень доходного благополучия была характерна именно для представителей средних, т. е. наиболее экономически активных возрастов. Они же в большей степени выражали удовлетворенность, как различными аспектами своей жизни, так и тем, как складывается их жизнь в целом. Вообще, как это ни парадоксально, но цифры свидетельствовали о том, что Россия продвигается именно по рыночному пути, где уровень материального благосостояния приходит в прямую зависимость от экономической активности и статуса занятости, а также от образования, квалификации, профессиональной принадлежности. Именно в этом состояло коренное отличие ситуации в стране 2004 г. от России до августовского кризиса 1998 года, когда основным фактором, дифференцирующим доходы людей, выступала форма собственности предприятия, на котором они работали.

Исследование 2004 г. принесло много и других интересных результатов и выводов, но на них целесообразнее будет остановиться в основном тексте настоящего доклада и в общих выводах к нему. А сейчас хотелось бы отметить, что и после 2004 г.

жизнь продолжала брать «свое», общество явно определилось в поддержке национального лидера и его политического курса, направленного на социально-экономическое и духовно-нравственное возрождение России, подъем ее пошатнувшегося авторитета в мире, что не могло не сказаться на укреплении материальных позиций населения, положительной динамике социального самочувствия. К тому же, страна уверенно подходила к новым федеральным избирательным кампаниям – выборам нового состава Государственной Думы Федерального собрания РФ в декабре 2007 г. и выборам Президента РФ в марте 2008 г. И уж очень был велик творческий соблазн осуществить третье исследование состояния и развития общенациональной идентичности россиян, попытаться понять, что означает, спустя после 15 лет реформ, этот глубочайший жизненный пласт наших сограждан.

Идея третьего социологического замера по данной проблематике получила полную поддержку Фонда им. Ф. Эберта, и данный замер был осуществлен в сентябре 2007 г., в ходе которого было опрошено 2000 респондентов. Его методическую основу составили исследовательские инструментарии 1998 и 2004 гг., но вместе с тем, некоторые «поля социологического замера идентичностей» были расширены. Это касается особенностей материально-экономической самоидентификации россиян, самооценки ими своего социального статуса, рассмотрения структуры жизненных устремлений наших сограждан. Это относится и к более целенаправленному выявлению места демократических ценностей в национальном самосознании, анализу внешнеполитических и социокультурных аспектов европейской идентичности россиян.

При формировании модели выборки, как в 1998 г. и 2004 г., использовались две ступени. Первая ступень – экспертный отбор двух типичных субъектов РФ в тех же 12-ти регионах Российской Федерации, как и в прежних исследованиях, т. е. всего 24 субъекта.

Вторая ступень, как и ранее, предполагала отбор, наряду с мегаполисами и административными центрами, районных городов, рабочих поселков и сел (деревень) – всего 71 поселение.

Определение числа подлежащих отбору респондентов на первой ступени происходило пропорционально доле населения в возрасте 16–65 лет соответственно в каждом территориально-экономическом районе, с учетом общего объема выборочной совокупности. Пропорционально распределялось и число подлежащих опросу респондентов в мегаполисах (Москва и Санкт-Петербург), областных, районных

городах и селах. На последней ступени отбор респондентов происходил с учетом требований двух моделей выборки.

В целях поколенческого (когортного) анализа весь массив выборочной совокупности – 2000 человек – был разбит на 5 равных групп – по 400 человек (в 1998 г. – по 600 человек, в 2004 г. – 500 человек в каждой). Возрастные градации групп, как и в предыдущих исследованиях, выглядели следующим образом: 1) 16–25 лет, 2) 26–35 лет, 3) 36–45 лет, 4) 46–55 лет, 5) 56–65 лет.

Для соблюдения квот по когортам, а также группировки респондентов по более детальным квотам, в анкете фиксировался год рождения респондента, что гарантировало достаточно высокую степень репрезентативности выборки по возрасту для населения 16–65 лет.

В целях реализации второй модели выборки, репрезентативной для населения в целом, на основании данных Росстата проводился квотный отбор респондентов. Квоты соблюдались по полу, возрасту, социально-профессиональному признаку: рабочие и инженеры предприятий, строек и шахт; гуманитарная и творческая интеллигенция; работники торговли и бытовых услуг; служащие; предприниматели малого и среднего бизнеса; жители сел; военнослужащие и сотрудники МВД; пенсионеры города; студенты вузов; безработные; учащиеся средних школ и профтехучилищ. Соотношение граждан русской и нерусской национальности среди респондентов соответствовало их соотношению в составе населения РФ.

Для сбора первичной социологической информации во всех трех исследованиях применялся метод индивидуального стандартизированного интервью.

Настоящее исследование и аналитический доклад выполнены рабочей группой ИС РАН в составе: руководитель группы, член-корреспондент РАН М.К. Горшков (программа и инструментарий исследования, предисловие, заключение, общая редакция), А.Л. Андреев (инструментарий, разделы 9-10), В.А. Аникин (раздел 5), Л.Г. Бызов (раздел 6), Р.Э. Бараш (раздел 6), В.В. Петухов (инструментарий, разделы 7-8), Н.Е. Тихонова (инструментарий, разделы 1-5).

Научный консультант исследования – глава Представительства Фонда им. Ф. Эберта в РФ доктор Р. Крумм.

Научный редактор – Н.И. Покида.

Компьютерное макетирование – Р.Ю. Зенина.

1. Материальное положение россиян и самооценка ими своей жизни

Результаты проведенного исследования позволяют констатировать, что при всех имеющихся проблемах четверть населения России в настоящий период уверена в том, что в целом их жизнь складывается хорошо, а еще 63% в основном удовлетворены тем, как складывается их жизнь. Здесь проявляется одна из особенностей российской ментальности, когда острота переживаемых материальных проблем сглаживается, смягчается благоприятной оценкой духовно-психологических аспектов повседневной жизни человека – отношениями в семье, успехами детей, общением с друзьями и т.п. В то же время нельзя не отметить, что *удовлетворенность россиян своей жизнью за последние три года снизилась* – в 2004 г. свыше трети респондентов (35%) считали, что их жизнь складывается хорошо. Это снижение достаточно равномерно затронуло все возрастные когорты, и если в когорте 26-35 лет, например, в середине 2004 г. были довольны своей жизнью 39%, а в когорте 56-65-летних – 24%, то осенью 2007 г. эти показатели опустились до 34% и 14% соответственно.

Что стоит за этой динамикой и почему, несмотря на безусловный рост доходов (показатель среднедушевых доходов респондентов, рассчитанный на основе их самооценок, вырос за эти годы с 4279 до 6630 рублей, а медианных – с 3000 до 5000 рублей), удовлетворенность своей жизнью у россиян падает?

Чтобы ответить на этот вопрос, посмотрим сначала на общую картину оценки своей жизни россиянами разных возрастов (см. табл. 1).

Таблица 1

Степень удовлетворенности различными материальными сторонами жизни представителей разных возрастных когорт, в %

Различные стороны жизни	Степень удовлетворенности (хорошо + /плохо -) ²											
	Возрастные когорты											
	16-25 лет		26-35 лет		36-45 лет		46-55 лет		56-65 лет		Всего	
	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-
Материальная обеспеченность	16	15	15	18	12	22	8	24	7	36	12	23
Питание	45	4	37	5	25	6	22	10	13	16	28	8
Одежда	40	9	28	9	20	11	13	14	12	20	22	13
Жилищные условия	29	21	27	21	28	18	27	15	20	12	26	17
Возможности проведения досуга	31	13	26	17	21	26	16	28	12	35	21	24
Возможность отдыха в период отпуска	28	26	26	28	17	37	13	35	8	35	18	33
Жизнь в целом складывается	41	5	34	6	26	6	21	8	14	10	26	7

² Допускался также ответ «удовлетворительно», данные о котором в таблице не представлены.

Как показывает сравнительный анализ, за последние 3 года никакого улучшения показателей, связанных с материальной стороной жизни не наблюдается – показатели и по неудовлетворенности питанием, и по неудовлетворенности ситуацией с одеждой совпадают среди россиян 16-65 лет с точностью до процента, а в некоторых возрастных когортах неудовлетворенность этими сторонами жизни даже усилилась. Так, например, в когорте 56-65 лет оценивают свое питание как плохое уже не 14%, а 16%, по одежде наиболее яркий рост неудовлетворенности демонстрирует группа 46-55 лет (на 4%). Одновременно произошло и сокращение доли тех, кто оценивает ситуацию в этой сфере как хорошую. По питанию общие показатели по выборке «сползли» вниз на 6%, по материальному положению в целом и одежде – на 4%.

Выросла за последние годы и неудовлетворенность жилищной ситуацией, что во многом связано с актуализацией этой проблематики в СМИ, а, следовательно, – и в сознании россиян, а главное – с растущим неравенством в этой сфере, неравенством, что называется, «бьющим в глаза». В итоге соотношение расценивающих свои жилищные условия как хорошие и как плохие стало выглядеть уже не как 31:15 (2004 г.), а как 26:17, т.е. вместо 2:1 как 1,5:1.

При этом резко ухудшилась картина в сфере возможностей полноценного отдыха – соотношение тех, кто оценивает свои возможности проведения досуга как хорошие и плохие стало выглядеть как 21:24 вместо 28:22 в 2004 г., т.е. доминирование удовлетворенности в этой области сменилось скорее неудовлетворенностью, причем по некоторым возрастным когортам ситуация оказалась особенно яркой – так, например, среди 16-25-летних, для которых возможность интересного проведения досуга особенно важна, доля удовлетворенных им сократилась с 46% до 31%.

Менее ярко эта динамика проявилась в оценке возможностей отдыха во время отпуска, где и ранее доминировала неудовлетворенность – 32:22 в 2004 г. и 33:18 в 2007 г., однако сокращение на 4% (до 18% с 22%) доли тех, кто оценил эти возможности как хорошие, также говорит в пользу пусть не очень ярко выраженной, но все же совершенно отчетливой общей тенденции роста недовольства россиян материальной составляющей их жизни на фоне роста их доходов. Спад удовлетворенности этой стороной своей жизни характеризовал почти в равной степени россиян всех возрастов, достигая пиковых значений у полярных возрастных когорт. Так, соотношение оценивающих свои возможности отдохнуть в период отпуска как

хорошие и плохие у молодежи до 25 лет стало 28:26 вместо 33:18 в 2004 г. Этот же показатель среди 56-65-летних стал выглядеть как 8:35 вместо 16:38 в 2004 г.

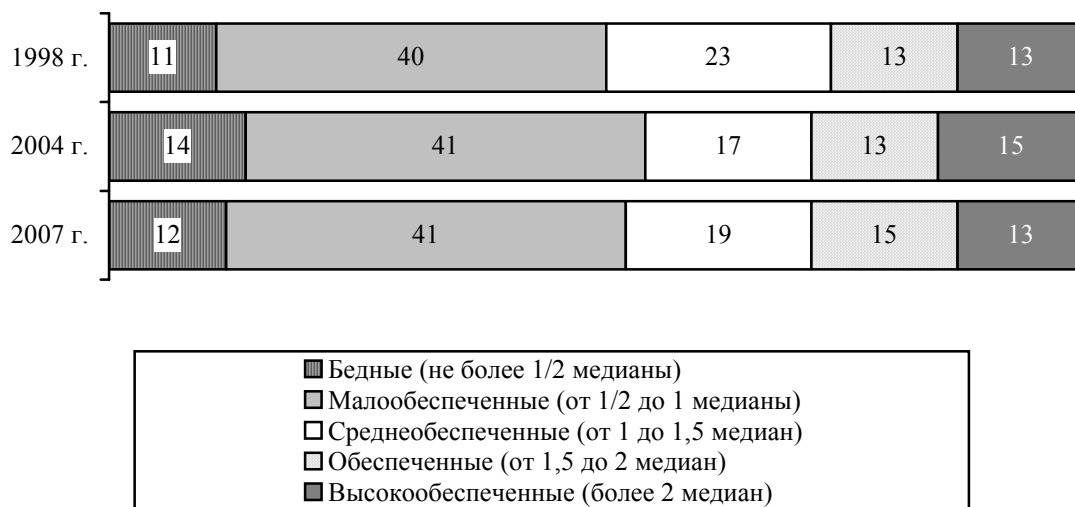
В чем кроется причина этих негативных тенденций в восприятии россиянами материальной составляющей своей жизни, пришедших на смену совершенно отчетливой положительной динамики оценки своего положения, демонстрировавшейся населением в первой половине 2000-х годов?

Прежде всего, здесь сказывается тот факт, что, несмотря на значительный рост среднедушевых доходов – свыше 50% за последние три года, с учетом накопленной инфляции, составившей за данный период (даже если ориентироваться на данные государственной статистики) около 40%, рост этот оказывается уже далеко не столь значителен и составляет лишь чуть более 10%. Надо сказать, что в расчете на несколько лет величина эта практически незаметна и не способна компенсировать огромный дефицит текущих доходов, накопленных населением за 1990-е годы.

При этом, естественно, степень удовлетворенности населения своим материальным положением прямо коррелировала с размером получаемых доходов – среди тех, чьи среднедушевые ежемесячные доходы не превышали половины медианных, т. е. составляли не более 2500 рублей, 43% считали свое материальное положение плохим. Среди тех, чьи доходы превышали две медианы, т.е. составляли свыше 10000 рублей, 31% респондентов считали свое положение хорошим и всего 7% – расценивали его, как плохое. Доминирование положительных оценок начиналось, в соответствии с классическими стратификационными канонами, начиная с дохода в 1,5 медианы – если среди тех, чьи доходы находились в диапазоне 5001-7500 рублей, свое материальное положение считали хорошим 8% опрошенных, а плохим – 18%, то в группе с доходами 7501-10000 рублей хорошим свое материальное положение считали уже 18% респондентов, а плохим – всего 10%.

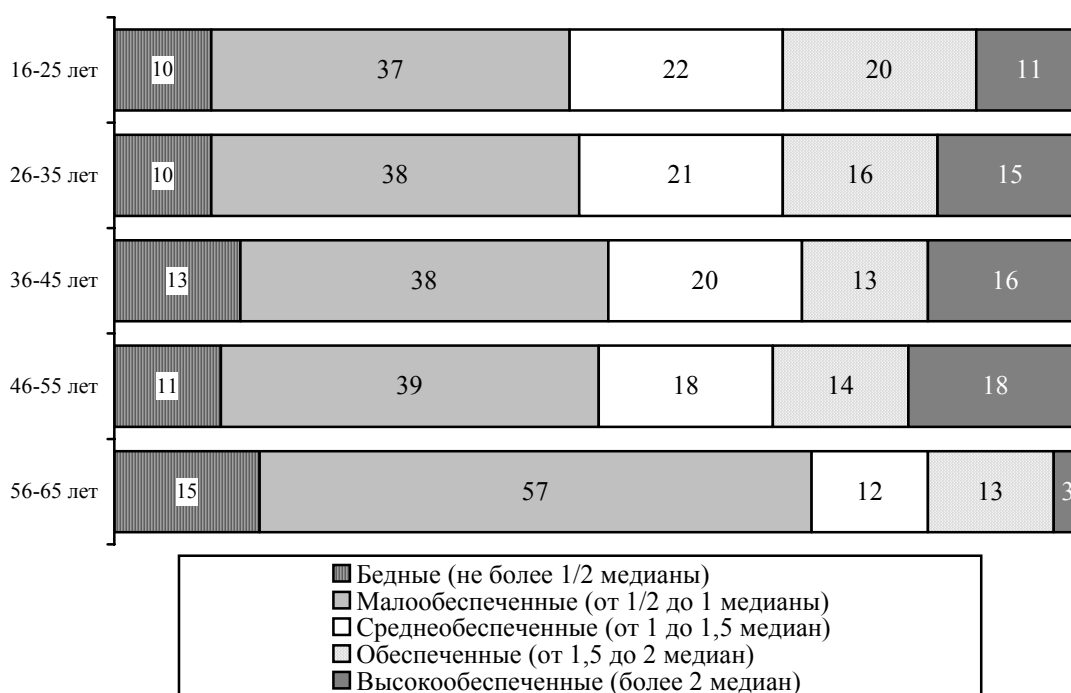
Численность последней группы при этом оставалась практически неизменной в последние 10 лет, как, впрочем, и остальных групп (см. рис. 1). Таким образом, *рост среднедушевых доходов не повлек за собой серьезных структурных изменений в доходной обеспеченности населения в последние годы*, хотя, казалось бы, «дождь нефтедолларов», пролившихся с 1998г. года на Россию, как и провозглашаемый политический курс страны на социальную ориентацию развития, должны были способствовать уменьшению доли малоимущего и бедного населения и росту среднедоходных групп.

Доля населения с разным размером доходов, 1998/2007 г., в %

Как видно на рисунке 2, доля бедных во всех возрастных группах колеблется в диапазоне 11%-15%, достигая максимума в старшей возрастной группе, где значительна доля пенсионеров. Доля мало- и среднеобеспеченных достаточно стабильна во всех группах, кроме старшей, где бедные и малообеспеченные составляют свыше 70% – возможно потому, что 69% этой группы не работают (пенсионеров в ней 79%, но каждый пятый из них продолжал трудовую деятельность).

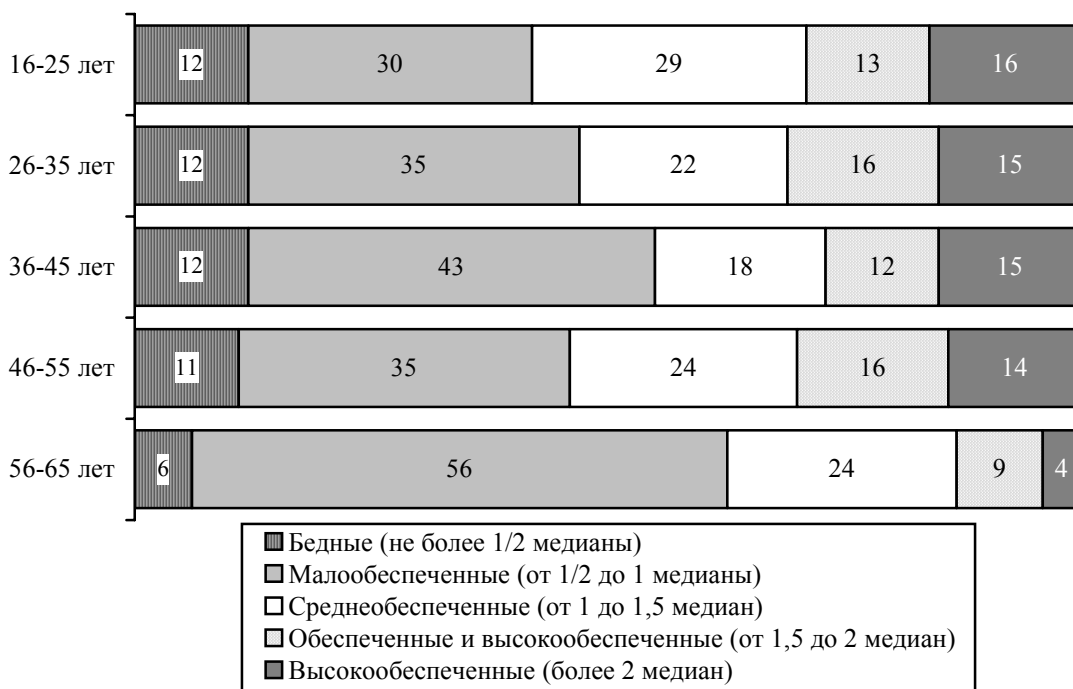
Доля населения с различными уровнем дохода в составе разных возрастных когорт, 2007 г., в %

В этой связи надо сказать, что, как это ни парадоксально, полученная картина существенно не отличается от имевшей место еще 10 лет назад, накануне кризиса 1998г. (см. рис. 3), хотя, казалось бы, конец 1990-х годов – это период острого неблагополучия в жизни страны и депрессивного состояния экономики в отличие от нынешней ситуации. Наиболее заметными отличиями выступают резкий рост доли бедных (в 2,5 раза) в составе возрастной когорты 56-65 лет, что свидетельствует о порочности реализуемой в последние годы в России пенсионной политики, и относительное ухудшение положения молодежи, свидетельствующее о насыщении российского рынка труда, где возраст перестает быть значимым конкурентным преимуществом.

Рисунок 3

Доля населения с различным уровнем дохода в составе разных возрастных когорт, 1998 г., в %

Естественно, что такого рода «негативная стабильность» при кажущемся росте доходов и революции ожиданий в начале 2000-х годов не могут не создавать своего рода общий негативный фон, и вызывают неудовлетворенность, которая сказывается и на оценке россиянами своего социального статуса, на оценке ими многих явлений окружающего их мира, и на их общих настроениях и мировоззрении.

Примечательно, что явно положительное восприятие уровня материальной обеспеченности и определенный уровень оптимизма на перспективу россияне начинают сегодня выражать в том случае, если на одного члена семьи приходится, по

самооценке, по меньшей мере, 300\$ в месяц. Критической точкой для возникновения острого недовольства своим материальным положением в настоящее время является душевой доход, не превышающий 100\$ в месяц.

Материальное положение людей оказывает значительное влияние на их социальное самочувствие. Последнее, однако, не сводится только к уровню благосостояния, – это гораздо более широкое понятие, включающее и престиж профессии, и уровень образования, и многое другое. Как же оценивают свою жизнь россияне с точки зрения этих ее нематериальных, но очень важных параметров? (см. табл. 2).

Таблица 2

Степень удовлетворенности различными нематериальными сторонами своей жизни представителей разных возрастных когорт, в %

Различные стороны жизни	Степень удовлетворенности (хорошо + /плохо -)											
	Возрастные когорты											
	16-25 лет		26-35 лет		36-45 лет		46-55 лет		56-65 лет		Всего	
	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-
Состояние здоровья	42	6	34	5	23	6	10	11	9	20	23	10
Отношения в семье	59	6	52	5	50	6	45	9	39	5	49	6
Ситуация на работе ³	38	9	35	7	31	7	23	11	23	7	30	8
Возможность общения с друзьями	57	4	45	6	44	4	37	6	30	6	42	5
Возможность реализовать себя в профессии ⁴	25	13	30	16	27	15	21	14	21	19	25	15
Возможность получения необходимых образования и знаний ⁵	30	23	23	26	21	26	12	22	12	22	20	24
Место, регион, в котором живут	34	9	34	8	35	9	30	8	24	10	32	9
Уровень личной безопасности	22	16	17	17	14	16	11	17	10	20	14	17
Возможность свободно выражать свои политические взгляды	25	16	23	11	20	11	18	12	14	15	20	13

Как видно из таблицы 2, и по нематериальным аспектам жизни в целом для россиян характерно отсутствие оптимизма, а доминирующей оценкой является «удовлетворительно». При этом своего рода лидерами в степени оптимистичности оценки являются такие показатели, как отношения в семье (особенно для групп до 45 лет), возможность общения с друзьями (особенно для 16-25-летних) и оценка места региона, в котором они живут. Впрочем, оценки своего места жительства очень резко

³ Данные приведены только по работающим.

⁴ Данные приведены только по работающим.

⁵ Данные приведены только по работающим.

различаются по регионам – если для Москвы соотношение оценивающих место своего жительства в соотношении «хорошее и плохое» выглядит как 60:0, то для Архангельской области это уже 23:31, т.е. знак оценки здесь менялся на противоположный, а на Ставрополье – 17:18. По остальным регионам исследования доминируют положительные оценки, но их перевес над отрицательными очень незначительный. В этой связи стоит отметить также, что степень удовлетворенности своим местом жительства зависит и от размера населенного пункта, в котором проживают респонденты – чем он мельче, тем меньше доля тех, кто оценивает его хорошо.

Таким образом, *сферы жизни, которыми россияне в настоящее время в наибольшей степени довольны, связаны с их микромиром – семьей и друзьями, и, в меньшей степени, местом жительства.* Более-менее удовлетворены россияне также состоянием своего здоровья (хотя после 45 лет негативные его оценки начинают перевешивать положительные). Осторожный оптимизм проявляется ими и по отношению к своей работе.

Что же касается неудовлетворенности положением дел в той или иной сфере жизни, то обращает на себя внимание обеспокоенность россиян ситуацией в сфере личной безопасности – только применительно к возрастной когорте 16-25-летних можно говорить об умеренном оптимизме в этой области. Начиная же с 36 лет, как, впрочем, и по массиву в целом, доминирует чувство неудовлетворенности наших сограждан уровнем их личной безопасности.

Несомненно, тревожным является и то, что, как только наши сограждане выходят из студенческого возраста, у них начинает доминировать негативная оценка доступности необходимых для них образования и знаний. Фактически каждый четвертый работающий россиянин сегодня лишен к ним доступа и лишь 20% оценивают возможность получения необходимых им образования и знаний как хорошую. В условиях провозглашаемого руководством страны курса на превращение России в экономически развитую державу с мощным высокотехнологичным сектором, такая ситуация, притом характерная для всех возрастных когорт, может превратиться на будущее в большую проблему. Причем, проблему тем бóльшую, что неравенство в доступе к необходимому образованию и знаниям является четко выраженным социальным неравенством. Оно тесно связано:

- с уровнем образования – чем ниже исходный уровень образования респондентов, тем меньше у них шансов на доступ к знаниям, даже если они понимают желательность их получения. В итоге в группе с неполным средним образованием (60%

которой были моложе 55 лет) об отсутствии такого доступа заявили 46%, а в группе с высшим образованием – уже лишь 14% (и лишь 32% оценили соответствующие возможности как хорошие);

- с уровнем дохода – соотношение оценивавших этот доступ как хороший и плохой плавно видоизменяется от 8:36 в группе со среднедушевыми доходами не более половины медианы до 29:13 в группе с доходом более 2 медиан. Впрочем, как видим, и в этой очень благополучной группе процент не имеющих доступа к необходимому образованию достаточно высок;

- с профессиональным статусом, по которому разброс оценок находится в диапазоне от 11:32 у рабочих до 40:7 у руководителей первого уровня, однако и у них 7% все-таки оценивают доступ к необходимому образованию как плохой;

- с сектором занятости – наиболее благоприятной была картина в госсекторе (23:17), где был выявлен относительно более высокий исходный уровень образования, а наименее благоприятной – на приватизированных предприятиях (16:29).

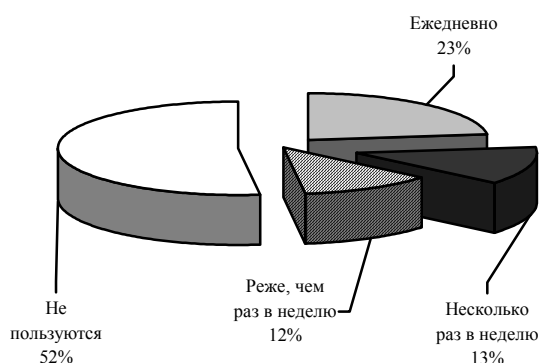
Учитывая дискриминацию значительной части россиян в возможностях получения необходимых для них знаний и образования, проанализируем, как обстоит дело с наличием у них навыков поведения в сфере компьютерных технологий и Интернета, которые давно уже стали повседневной реальностью для подавляющего большинства жителей развитых стран.

Использование компьютера и пользование Интернетом – до сих пор не слишком распространенные практики среди россиян.

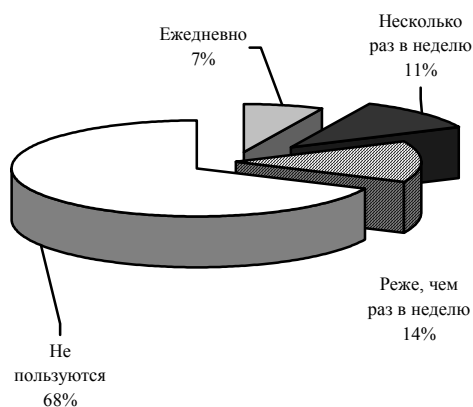
Рисунок 4

Частота использования компьютера и Интернета среди россиян 16-65 лет

Использование компьютера

Использование Интернета

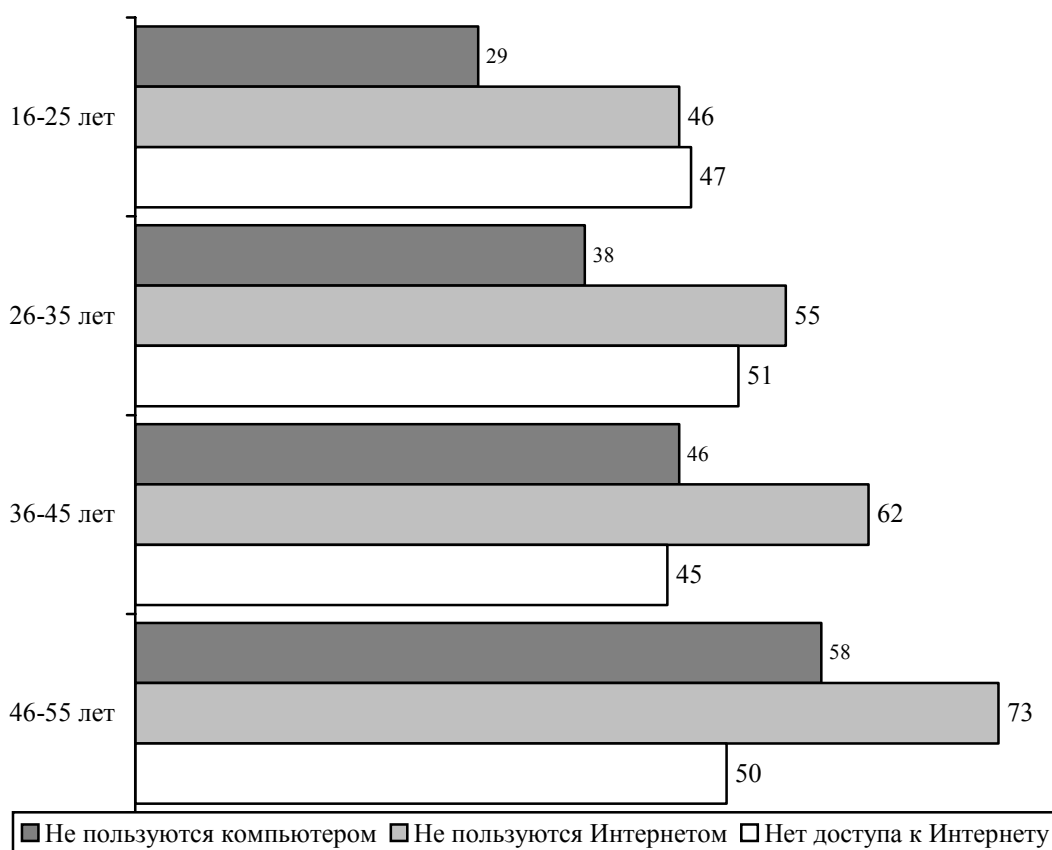

Как видно на рисунке 4, большинство россиян в возрасте до 65 лет вообще никогда не пользуются компьютером, и почти 70% – Интернетом. При этом 14% россиян этого возраста даже не знают о существовании такой сети, а половина – знает, но не имеет доступа к Интернету ни дома, ни на работе. Еще у 16% опрошенных доступ к Интернету есть только дома, у 10% – только на работе и у 10% – он есть и дома, и на работе.

Самое печальное – это то, что показатели не только условий социализации, образования или уровня жизни, но и уровня вовлеченности в использование современных информационных технологий различаются по возрастным когортам от 16 до 55 лет гораздо меньше, чем можно было бы предположить, а по некоторым позициям, например, доле использующих компьютер лишь несколько раз в год или не имеющих доступа к Интернету, вообще не различаются (см. рис. 5).

Рисунок 5

Вовлеченность представителей разных возрастных когорт в использование информационных технологий, в %

Это означает, что процесс информатизации России, бурно начавшись во второй половине 1990-х годов, к настоящему времени, несмотря на активную деятельность в этой области руководства страны, «захлебнулся» так же, как и рост уровня

благополучия населения в начале 2000-х годов. В этой связи вполне естественно, что жизнь половины молодежи до 25 лет фактически в доинформационную эпоху (а по остальным когортам этот показатель еще выше), как будет показано ниже, прямо сказывается на мировоззрении россиян и особенностях их национальной идентичности.

2. Социально-психологическое самочувствие россиян и самооценка ими своего социального статуса

При всей важности многих обстоятельств реальной жизни, прямо влияющих на особенности видения россиянами мира в целом и себя в этом мире, не меньшее значение для последнего имеют и особенности их социально-психологического состояния, а также во многом вытекающее из объективных условий жизни и из общего социального самочувствия самоощущение своего места в обществе – социального статуса.

Если говорить об общем социально-психологическом самочувствии, то его динамика достаточно противоречива. По одним показателям, прежде всего, чувству стыда за нынешнее состояние страны, заметно некоторое улучшение, в т. ч. по отношению к 2004 г., а по отношению ко второй половине 1990-х годов улучшение показателей практически двукратное. Та же тенденция характерна и для чувства, что дальше так жить нельзя. По отношению же к другим самоощущениям, прежде всего, ощущению надежной поддержки со стороны близких и коллег, в последние годы наблюдается скорее ухудшение (см. табл. 3), хотя нельзя не отметить, что в 1990-е годы картина была намного более плачевной.

Тем не менее, и сегодня свыше трети россиян 16-65 лет устойчиво испытывают чувства несправедливости происходящего вокруг (а по всем россиянам, включая тех из них, кто старше 65 лет, этот показатель доходит до 40%), беспомощности повлиять на происходящее, стыд за состояние своей страны и т.п. При этом никогда не испытывают этих чувств лишь от 8% до 18%.

Нельзя не обратить внимания и на другую тенденцию – увеличение числа тех, кто испытывает негативные чувства по отношению к окружающему их миру не постоянно, а иногда, время от времени (доля россиян, никогда не испытывавших таких чувств, практически не меняется). Эта тенденция, характерная для последних десяти лет, как и распространенность негативных чувств среди россиян, свидетельствует, прежде всего, о том, что при всех и позитивных сдвигах в социальных самоощущениях

негативные чувства не уходят из обыденной жизни россиян, они стали практически повседневной «нормой».

Таблица 3

Динамика оценок социально-психологического самочувствия россиян, в %⁶

	2007 г.	2004 г.
Чувствовали собственную беспомощность повлиять на происходящее вокруг		
- часто	36	38
- иногда	53	49
- практически никогда	11	13
Чувствовали гордость за собственные успехи или успехи членов моей семьи		
- часто	32	33
- иногда	60	55
- практически никогда	8	12
Чувствовали несправедливость всего происходящего вокруг		
- часто	40	44
- иногда	52	49
- практически никогда	8	7
Чувствовали стыд за нынешнее состояние своей страны		
- часто	35	44
- иногда	49	43
- практически никогда	16	13
Чувствовали, что дальше так жить нельзя		
- часто	31	34
- иногда	47	44
- практически никогда	22	22
Чувствовали, что никого особенно не волнует, что со мной происходит		
- часто	37	39
- иногда	45	45
- практически никогда	18	16
Чувствовали надежную поддержку близких и коллег, знали, что они придут на помощь, если понадобится		
- часто	41	47
- иногда	49	43
- практически никогда	10	10

Тревожно выглядит оценка распространенности негативных самоощущений и среди представителей различных возрастных групп. Несомненно, молодежные возрастные группы демонстрируют более позитивные оценки социально-психологического самочувствия. Кроме того, если говорить об улучшении показателей социально-психологического самочувствия, то по всем улучшившимся показателям эта тенденция характерна для всех возрастных групп. В то же время и среди молодежи до 25 лет часто или иногда ощущали собственную беспомощность повлиять на происходящее 78%, а среди 26-35-летних этот показатель доходил до 87%. Почти 90% молодежи часто или иногда ощущали несправедливость происходящего вокруг, 74% –

⁶ В таблицах здесь и далее в данном разделе не указаны затруднившиеся с ответом, поэтому общая сумма ответов может быть меньше 100%.

испытывали стыд за состояние своей страны, 66% – ощущали, что так дальше жить нельзя и т. д. Иными словами, *практически целое поколение россиян выросло с чувством стыда за нынешнее состояние своей страны, с чувством собственной беспомощности повлиять на происходящее вокруг, с ощущением несправедливости того, что происходит в окружающем мире* (см. табл. 4).

Таблица 4

Дифференциация оценок своего социально-психологического самочувствия среди представителей различных возрастных когорт, в %

	<i>Возрастные когорты</i>				
	<i>16-25 лет</i>	<i>26-35 лет</i>	<i>36-45 лет</i>	<i>46-55 лет</i>	<i>56-65 лет</i>
Чувствовали собственную беспомощность повлиять на происходящее вокруг					
- часто	22	27	30	36	50
- иногда	56	60	59	55	43
- практически никогда	22	13	10	9	7
Чувствовали гордость за собственные успехи или успехи членов моей семьи					
- часто	41	32	35	32	25
- иногда	54	59	57	61	65
- практически никогда	5	9	8	7	10
Чувствовали несправедливость всего происходящего вокруг					
- часто	31	35	34	40	48
- иногда	57	53	57	53	48
- практически никогда	12	12	9	8	4
Чувствовали стыд за нынешнее состояние своей страны					
- часто	24	25	28	39	47
- иногда	50	55	57	47	41
- практически никогда	26	20	15	14	12
Чувствовали, что дальше так жить нельзя					
- часто	23	24	27	33	39
- иногда	43	49	53	47	45
- практически никогда	34	27	20	20	16
Чувствовали, что никого особенно не волнует, что со мной происходит					
- часто	29	31	33	39	50
- иногда	47	47	49	45	40
- практически никогда	24	22	18	16	10
Чувствовали надежную поддержку близких и коллег, знали, что они придут на помощь, если понадобится					
- часто	51	42	41	42	35
- иногда	41	45	50	51	53
- практически никогда	8	43	9	7	12

Особое внимание при этом хочется обратить на показатели, связанные с *уровнем социального капитала общества, т. е. степенью существующего в нем доверия между людьми* – 37% россиян в целом и от 29% до 50% в различных возрастных когортах живут с устойчивым ощущением, что никого не волнует, что с ними происходит. Лишь 41% всех россиян и от 51% до 35% в разных когортах чувствуют надежную поддержку близких и коллег и уверены, что они придут на помощь, если понадобится. Вряд ли после этого следует удивляться тому, что 30% опрошенных были уверены в том, что,

общаясь с ними, люди стараются извлечь выгоду из этого общения. Скорее следует удивляться тому, что 70% все-таки полагают, что, общаясь с ними, люди стараются быть порядочными.

В целом можно констатировать, что *социальный капитал российского общества находится сейчас в довольно слабом состоянии*. В то же время не стоит и переоценивать драматизм сложившейся в этой области ситуации. Конечно, это не скандинавские общества, где подавляющее большинство (87%) убеждены, что, общаясь с ними, люди стараются быть порядочными. Но у нас все-таки лучшая картина, чем в США, где 38% полагают, что люди стараются извлечь из общения с ними какую-то выгоду⁷.

И в этом плане ситуация очень напоминает описанную выше – ведь *все отмеченные тенденции имеют достаточно противоречивый характер*. Так неудовлетворенность своим материальным положением частично нивелируется происходящим ростом текущих доходов. Не слишком хорошее общее социальное самочувствие все-таки демонстрирует некоторую тенденцию к улучшению. Распространенность ощущения если и не прямой враждебности по отношению к себе на микроуровне, то безразличия окружающих, пока еще не разрушило веру большинства россиян в стремление людей к порядочности.

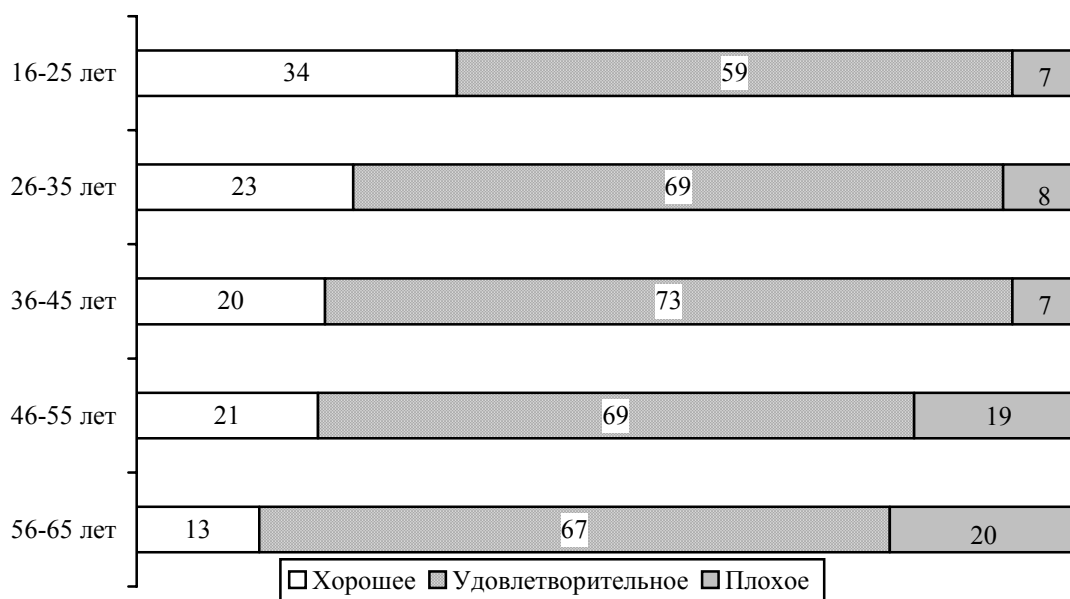
В этих условиях особое значение для оценки происходящего приобретает динамика такой интегральной характеристики, где все компоненты социального самочувствия наиболее полно «сплавляются» в единое целое. Речь идет о самооценке людьми своего социального статуса, самоощущении ими своего места в обществе.

Как продемонстрировало исследование, общая картина самооценок россиянами своего статуса в целом достаточно благоприятна, и можно утверждать, что *в настоящее время россияне в большинстве своим положением в обществе скорее довольны, чем недовольны*.

Особенно важен тот факт, что *число довольных своим положением в обществе во всех возрастных когортах от 16 до 65 лет в сентябре 2007 г. превышало число недовольных им почти вчетверо (26:7)*, притом, что удовлетворенность молодежи своим положением была выше, чем у старшего поколения, в 2,5 раза (см. рис. 6).

⁷ Данные приводятся по исследованию World Value Survey (WVS) 1999г.

**Как оценивают представители разных возрастных когорт
свое положение в обществе, в %**

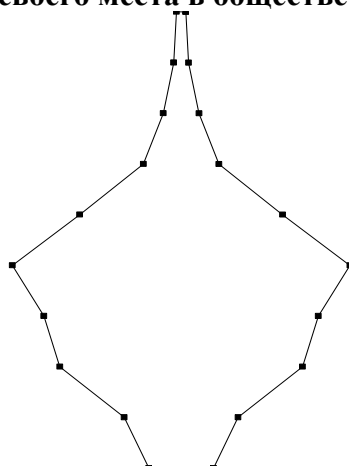

Впрочем, за последние годы удовлетворенность россиян своим статусом несколько упала – в 2004 г. его оценивали как хороший 25% опрошенных, а как плохой – 9% (остальные характеризовали его как удовлетворительный). В сентябре же 2007 г. эти показатели составили 22% и 10% соответственно. Особенно заметно проявилась эта тенденция в младшей возрастной когорте (где число оценивающих его как хороший сократилось с 42% до 34%) и в старшей когорте (где соответствующие показатели составили 18% и 13% соответственно, а знак удовлетворенности изменился на противоположный).

Как показывают данные наших предыдущих и настоящего исследований, человек, чтобы быть довольным собственным статусом, должен находиться в верхней трети социальной лестницы, состоящей как бы из десяти ступенек. Примечательно в этой связи, что среди тех россиян, кто был однозначно недоволен собственным статусом, около половины составляли находившиеся на трех нижних ее ступенях.

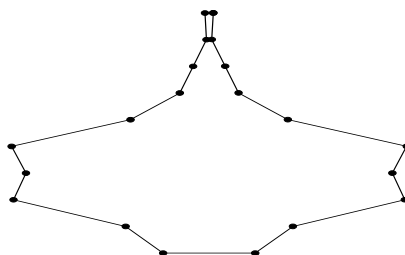
Если, воспользовавшись полученными данными, попытаться построить модель социальной структуры сегодняшней России и расположить всех россиян на избранных ими социальных ступеньках, то получится следующая картина (см. рис. 7).

Модель социальной структуры России, построенная на основе самооценок респондентами своего места в обществе в 2007 г., в %⁸

Как видно на рисунке 7, основная масса россиян поставила себя на пятую снизу, фактически центральную позицию и лишь 16% поставили себя на две низшие позиции, которые означают, что граждане, избравшие эти позиции, ощущают себя социальными аутсайдерами. Это практически столько же, сколько и в 2004 г., однако в тот период было также 16% респондентов, которые отнесли себя к верхней половине этой лестницы статусов, в то время как осенью 2007 г. таковых стало уже 23% (см. рис. 8).

Модель социальной структуры России, построенная на основе самооценок респондентами своего места в обществе, 2004 г., в %⁹

⁸ Численные значения, использовавшиеся для построения модели:

1 (высшая) позиция – 0,6%,	6 позиция – 23,0%,
2 позиция – 1,0%,	7 позиция – 19,4%,
3 позиция – 2,7%,	8 позиция – 18,6%,
4 позиция – 5,3%,	9 позиция – 9,6%,
5 позиция – 13,5%,	10 (низшая) позиция – 6,4%.

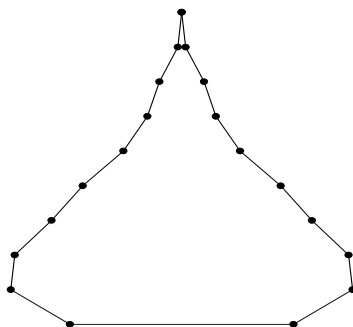
⁹ Численные значения, полученные в ходе исследования 2004 г. и использовавшиеся для построения модели социальной структуры российского общества:

1 (высшая) позиция – 0,5%	6 позиция – 23,6%
2 позиция – 0,3%	7 позиция – 21,9%
3 позиция – 1,9%	8 позиция – 23,4%
4 позиция – 3,5%	9 позиция – 10,0%
5 позиция – 9,4%	10 (низшая) позиция – 5,5%.

Особенно наглядна тенденция качественной переоценки россиянами своего места в обществе за период после кризиса 1998 г., предстает при сравнении рисунков 7 и 9.

Рисунок 9

Модель социальной структуры России, построенная на основе самооценок респондентами своего места в обществе, июль 1998 г., в %¹⁰

Решающую роль в самоопределении своего социального статуса для тех, кто поставил себя осенью 2007 г. на две нижние позиции (социальных аутсайдеров) играло материальное положение – 56% из числа данной категории оценили его как плохое, и практически никто не оценил его как хорошее. В целом же свыше 80% оценивших свое материальное положение как плохое оказались на четырех нижних ступенях социальной лестницы (как и 86% тех, кто оценил свое питание как плохое).

Среди факторов, относительно более значимых для других слоев населения, стоит назвать *профессиональный статус* и *властный ресурс* респондентов у них на работе, а также общую складывающуюся на работе ситуацию, *возраст* (молодежь при прочих равных склонна более оптимистично оценивать свой статус) и *включенность в информационные сети* (активное использование компьютера и Интернета). Именно эти факторы частично компенсируют для многих представителей малообеспеченного и бедного населения их плохое материальное положение при определении ими своего интегрального социального статуса. *Характерной особенностью современной истории России и эволюции менталитета россиян выступает постепенный рост значимости данных факторов в последние годы с одновременным уменьшением роли*

¹⁰ Данные для построения модели взяты из исследования, проведенного в июле 1998 г. Численные значения, использовавшиеся для построения модели:

1 (высшая) позиция – 0,4%	6 позиция – 12,4%
2 позиция – 0,5%	7 позиция – 16,3%
3 позиция – 2,8%	8 позиция – 20,9%
4 позиция – 4,3%	9 позиция – 21,4%
5 позиция – 7,3%	10 (низшая) позиция – 14,1%.

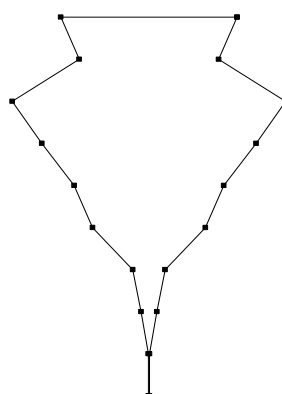
материального фактора (который, тем не менее, продолжает играть основополагающую роль для самооценки россиянами своего статуса).

Интересно при этом, что *уровень образования* имеет относительно меньшее значение, хотя и его влияние очень заметно – среди людей с высшим образованием 32% поставили себя на позиции от 6-ой и выше, и лишь 8% отнесли себя к социальным аутсайдерам, в то время как для имеющих среднее специальное образование это соотношение выглядело как 21:12, а для имеющих не более чем общее среднее образование – 21:22.

Однако для удовлетворенности собственным статусом не меньшее значение, чем его самооценка, имеет и такой субъективный фактор как желаемый статус, который у подавляющего большинства россиян в возрастном диапазоне 16-65 лет значительно выше того, который, с их точки зрения, они имеют в настоящее время (см. рис. 10).

Рисунок 10

Модель социальной структуры России, построенная на основе самооценок респондентами желаемого социального статуса, 2007 г., в %¹¹

Как хорошо видно на рисунке 10, подавляющее большинство респондентов из рассматриваемых возрастных когорт хотели бы занимать на социальной лестнице места не ниже 5 ступени. При этом наиболее популярной выступает 8-ая позиция снизу, на которой в данный момент находится менее 3% респондентов, т.е. ровно в десять раз меньше, чем число желающих на ней находиться. В итоге разрыв достаточно высоко оцениваемого реального социального статуса, с одной стороны, и желаемого положения в обществе, с другой, достигает 4 «ступенек» социальной лестницы. Это огромный и абсолютно непреодолимый разрыв, т.к. обычно мобильность

¹¹ Численные значения, использовавшиеся для построения модели:

1 (высшая) позиция – 15,2%	6 позиция – 11,3%
2 позиция – 11,7%	7 позиция – 3,6%
3 позиция – 23,4%	8 позиция – 1,7%
4 позиция – 18,7%	9 позиция – 0,1%.
5 позиция – 14,3%	10 (низшая) позиция – 0,1%.

осуществляется в пределах 1-2 смежных позиций. Более того – *разрыв этот непрерывно увеличивается, т.к. еще несколько лет назад, при более низких в среднем самооценках своего текущего статуса, разрыв между реальным и желаемым статусом составлял 3 «ступени».*

При этом, учитывая *заведомую нереальность реализации желаемых социальных статусов*, связанную не только с ограничениями по социальной мобильности, но и с тем, что нет в мире общества, социальная структура которого носила бы характер перевернутой пирамиды, рассчитывать в ближайшие годы на рост удовлетворенности россиян в этой области не приходится.

3. Особенности самоидентификаций россиян

Оценив, как живут и как чувствуют себя сегодня россияне, посмотрим теперь, кем они себя ощущают, каков в их собственных глазах образ «Мы» и образ «Я». Начнем с **«Мы-идентификаций»**, отражающих, насколько актуализирована в их сознании принадлежность к той или иной социальной общности. Сразу отметим при этом, что подобные идентичности носят в основном положительно окрашенный характер – 93% опрошенных в возрасте 16-65 лет дали положительную реакцию на понятие «Мы» при использовании в исследовании психологического теста на ассоциации.

С кем россияне отождествляют себя сегодня? К кому они испытывают наибольшую близость? Не ответив на эти вопросы, нельзя понять ни перспективы формирования в России осознанных групповых интересов и умения их отстаивать в рамках гражданского общества, ни перспективы того или иного пути политического и экономического развития России.

Учитывая задачи, стоявшие перед нашим исследованием, а также опыт прежних исследований самоидентификаций россиян¹², нами были изучены различные виды возможных идентичностей. Полученные результаты, наглядно демонстрирующие, с кем и в какой степени россияне испытывают чувство общности (с кем они себя прежде всего отождествляют, идентифицируют в рамках групповых идентификаций), представлены в таблице 5.

¹² Речь идет прежде всего об исследовании «Социальная идентичность личности», проводившемся под руководством В.А. Ядова в течение ряда лет. Концепция и методика этого исследования (в части, приходившейся на 1992–1993 гг.) были частично использованы впоследствии в наших исследованиях 1998 и 2004гг., а затем и в настоящем исследовании. Это позволило выявить основные тенденции изменения самоидентификаций россиян за последние пятнадцать лет.

С кем и в какой степени россияне испытывают чувство общности, 2007 г., в %¹³

<i>С кем испытывали чувство общности</i>	<i>Часто</i>	<i>Иногда</i>	<i>Практически никогда</i>
С товарищами по работе, учебе	55	38	7
С людьми своего поколения	57	38	5
С людьми той же национальности	54	38	8
С людьми той же профессии, рода занятий	59	35	6
С людьми, разделяющими взгляды респондента на жизнь	62	33	5
С людьми, живущими в том же городе или поселке	39	50	11
С россиянами	35	50	15
С людьми того же материального достатка	46	45	9
С гражданами СНГ	11	51	38
Со всеми людьми на планете	8	36	56
С общностью «советский народ»	15	42	43
С людьми, близкими по политическим взглядам, позициям	27	50	23
С теми, кто не интересуется политикой	22	53	25
С европейцами	6	33	61

Как видно из таблицы 5, если говорить об устойчивых самоидентификациях по состоянию на 2007 г., то **первую группу** составляют 5 идентификаций, которые часто испытывали свыше половины респондентов. Часть этих идентификаций имеет предметный характер (*товарищи по работе или учебе*), а четыре относятся к абстрактно-символическому типу общностей (*люди, разделяющие те же взгляды на жизнь*, вообще оказавшаяся ведущей идентичностью из предложенного списка, *люди того же поколения, люди той же профессии и рода занятий, и люди той же национальности*). Отрицательная самоидентификация по ним составляла весьма незначительный процент – от 5% до 8% опрошенных.

При этом по всем перечисленным «мы-идентификациям» с 2004 года наблюдался ощутимый рост. Лидером его с показателем в 8% (что очень много для устойчивых идентичностей всего за 3 года) стала позиция с «людьми, разделяющими те же взгляды на жизнь». Далее с показателем в 7% шла идентичность с людьми той же национальности, в 6% – идентичность с людьми той же профессии или рода занятий, и по 4% «добавили» товарищи по работе или учебе и люди того же поколения.

Следующую группу составляют самоидентификации, которые стабильно разделяют свыше трети россиян. К ним относятся (в порядке убывания значимости): идентификации с *людьми того же материального достатка; с людьми, проживающими в том же населенном пункте; с россиянами*. При этом две последние

¹³ Жирным шрифтом выделены ведущие положительные и ведущие отрицательные идентичности, а курсивом – наиболее распространенные положительные и отрицательные идентичности.

идентификации за последние годы поменялись местами в общем ранговом списке, хотя обе прибавили в распространенности – в 2004 г. устойчиво ощущали свою общность с россиянами 31% и никогда не испытывали чувства общности с ними 21%, а спустя 3 года эти показатели составили, соответственно, 35% и 15%. Что же касается общности с людьми, проживающими в том же населенном пункте, то в 2004 г. устойчиво идентифицировали себя с ними 29%, а никогда не идентифицировали – 18%. В 2007 г. эти показатели заметно изменились и стали составлять соответственно 39% и 11%, что говорит об очень быстром росте идентичностей микроуровня и заметно менее активном – идентичностей макроуровня.

Третью группу, значимую в общей сложности примерно для половины россиян, хотя она и распадается на две почти равные части, составляют идентичности, связанные с отношением к политике – 27% устойчиво ощущают близость с людьми, близкими им по политическим взглядам, и 22% так же устойчиво относят себя к тем, кто политикой не интересуется. При этом доля занимающих сознательно аполитичную позицию выросла за последние годы на 4%.

Наконец, **четвертую группу** составляют относительно малораспространенные самоидентификации, которые постоянно разделяют не более 15% респондентов – *«советским народом», с гражданами СНГ, со всеми людьми на планете и с европейцами*. Удивительно при этом не то, что все эти макроидентичности мало распространены как устойчивые, а то, что по всем ним сократилось число граждан никогда их не испытывающих. Особенно ярко эта тенденция проявилась для идентификаций с гражданами СНГ – никогда не ощущали своей общности с ними в 2004 г. свыше половины (51%), а в 2007 г. – 38% респондентов.

Анализ самоидентификаций россиян дает основание отметить тот факт, что *каждый россиянин внутренне включен в систему очень сложных социальных ролей и связей, важность которых для разных людей далеко не одинакова. Для большинства из них сейчас не важны макротерриториальные общности. Зато очень важны макрообщности, отражающие духовную близость людей во всем ее многообразии.* Заметим в этой связи, что *национально-этнический фактор оказывается в системе «мы-идентификаций» гораздо важнее, чем гражданский*. Не случайно с россиянами устойчиво отождествляет себя в полтора раза меньшее число респондентов, чем с людьми той же национальности. Примерно такое же соотношение наблюдалось между

этими идентичностями и в 2004 г. Однако, как будет показано ниже, это свидетельствует не о большей значимости национального фактора в жизни россиян, а о большей напряженности в сфере межэтнических отношений, нежели в сфере отношений межгосударственных. В итоге ощущаемой в межэтнических отношениях напряженности противоположности «Мы» – «Они», «мы-идентификация» по национальности заметно обгоняет гражданскую. В то же время для «я-идентификаций» последняя оказывается намного важнее этнической.

Представив общую картину сравнительной роли различных типов устойчивых самоидентификаций в сегодняшней жизни россиян, попробуем понять их динамику за период 1992–2007 гг., т. е. проанализируем, как сказались годы реформ на их распространенности и иерархии. Разобраться в этом поможет сравнение наших результатов с результатами исследования самоидентификаций россиян в 1992 г.¹⁴, а также с данными наших исследований 1998 и 2004 годов (см. табл. 6). Причем если до сих пор мы анализировали только устойчивые идентификации, то для анализа их динамики необходимо рассматривать одновременно как ту долю граждан, которая идентифицирует себя с той или иной общностью часто, так и тех, кто делает это иногда. Это связано с тем, что неустойчивая самоидентификация за столь емкий исторический период могла перейти в устойчивую и наоборот.

Таблица 6

С кем испытывали чувство общности россияне в 1992, 1998, 2004 и 2007 гг., в %¹⁵
(суммируются ответы «испытывали часто» и «иногда»)

<i>С кем испытывали чувство общности</i>	<i>1992 г.</i>	<i>1998 г.</i>	<i>2004 г.</i>	<i>2007 г.</i>
С товарищами по работе, учебе	79	87	90	93
С людьми своего поколения	82	93	94	95
С людьми той же национальности	75	88	89	92
С людьми той же профессии, рода занятий	77	90	91	94
С людьми, разделяющими взгляды респондента на жизнь или его верования	73	90	92	95
С людьми, живущими в том же городе или поселке	73	81	82	89
С россиянами	71	74	79	85
С людьми того же материального достатка	68	87	89	91
С гражданами СНГ	49	47	49	62
Со всеми людьми на планете	34	37	42	44
С общностью «советский народ»	47	47	51	58
С людьми, близкими по политическим взглядам, позициям	54	73	75	77
С теми, кто не интересуется политикой	46	69	66	75

¹⁴ Приводимые данные исследования 1992 г., проведенные под руководством В.А. Ядова, взяты из: «Социальная идентификация личности – 2». Книга 1. – М.: Институт социологии РАН, 1994, с. 22–28.

¹⁵ Жирным шрифтом выделены идентичности, по которым наблюдался максимальный рост (свыше 20%) за последние 15 лет.

Как видно из таблицы 6, за годы реформ в России наблюдался весьма значительный рост среднего числа положительных самоидентификаций. Это свидетельствует о том, что *тот идейно-мировоззренческий, ценностный и идентификационный вызов, который бросил россиянам внезапный слом всей их прежней жизни, они пытались преодолеть и успешно преодолевали за счет попыток «вписывания» себя в новые социальные роли и новые, ранее нехарактерные для них общности. На смену утраченным идентификациям приходили в первую очередь общности, характерные для стран с рыночной экономикой, причем скорее раннеиндустриальных, чем развитых. Несколько огрубляя, можно сказать, что в России росли самоидентификации с теми общностями, которые для стран Западной Европы были характерны почти сто лет назад, в период жесткой вертикальной стратификации и острой классовой борьбы. Речь идет, прежде всего, об имущественной идентификации и идентификации по политическим взглядам.* Оба эти вида идентификации «прибавили» за 15 лет свыше 20%. Столь же сильно выросла только идентификация с людьми, разделяющими те же взгляды на мир, что, впрочем, в условиях плюрализации взглядов, пришедшей на смену прежнему почти поголовному единомыслию, вполне естественно.

Проанализируем также, с кем россияне постепенно перестают себя идентифицировать (см. табл. 7). Это как бы обратная иерархия идентификаций, показывающая утрату за последнее 15-летие чувства общности с определенными группами.

Таблица 7

С кем не испытывали чувство общности россияне в 1992, 1998, 2004 и 2007 гг., в %

<i>С кем не испытывали чувство общности</i>	<i>1992 г.</i>	<i>1998 г.</i>	<i>2004 г.</i>	<i>2007 г.</i>
С товарищами по работе, учебе	4	12	10	7
С людьми своего поколения	4	7	6	5
С людьми той же национальности	7	12	11	8
С людьми той же профессии, рода занятий	5	10	9	6
С людьми, разделяющими взгляды респондента на жизнь	7	10	9	5
С людьми, живущими в том же городе или поселке	7	19	18	11
С россиянами	6	24	22	15
С людьми того же материального достатка	6	13	11	9
С гражданами СНГ	21	53	51	38
Со всеми людьми на планете	22	62	59	56
С общностью «советский народ»	18	52	49	43
С людьми, близкими по политическим взглядам, позициям	15	26	25	23
С теми, кто не интересуется политикой	18	30	34	25

Как видим, «пик» распространенности отрицательных самоидентификаций пришелся на 1998 г. Далее они начали постепенно сокращаться, хотя по разным

позициям сокращение это шло с разной скоростью. Своего рода «рекордсменом» здесь стала отрицательная самоидентификация с гражданами СНГ – конечно, 38% россиян, никогда не ощущающих себя таковыми в 2007 г., это почти в два раза больше, чем в 1992 г., когда свежа еще была память об СССР. Однако это почти в полтора раза меньше, чем в 1998 г., когда изоляционистские умонастроения россиян на постсоветском пространстве достигли своего максимума. Улучшилась, и заметно, за годы реформ и картина с восприятием себя населением страны гражданами России. А вот по такой макрообщности как «все люди на планете» изменения в последние годы были незначительны – последствия краха предложенного М.Горбачевым глобального мышления после начала рыночных реформ в стране практически с той же силой, что и в 1998 г., ощущаются и до сих пор. В целом можно сказать, что динамика отрицательных самоидентификаций, представленная в таблице 7, пожалуй, даже более ярко, чем динамика идентификаций положительных, демонстрирует основной вектор изменения сознания россиян, – вектор, который является вполне адекватным ответом на изменение условий их жизни и самого российского общества.

При этом надо отметить, что выбор той или иной самоидентификации коррелирует, прежде всего, с другими самоидентификациями индивида, а не с объективными или субъективными характеристиками его положения. А это значит, что идентификационный блок является сам на себя замкнутым, относительно автономен от положения индивида в обществе, в том числе и материального, и связан с его базовыми ценностными ориентациями. Скачок в развитии этого блока пришелся на вторую половину 90-х годов, и, судя по тому, что распространенность различных типов самоидентификаций с тех пор практически не меняется, выбранный путь развития идентичности (включая развитие компенсаторных идентичностей взамен утраченных) оказался достаточно успешным. *Это означает, что, если никаких серьезных катаклизмов в жизни России в обозримой перспективе не произойдет, можно ожидать сохранения той же картины макро- и микроидентичностей и в ближайшие годы.*

Об этом же говорит и распределение различных «Мы-самоидентификаций» в отдельных возрастных когортах.

Как видно из таблицы 8, по ряду позиций от когорты к когорте идет плавное сокращение доли тех, кто имеет соответствующую устойчивую идентификацию. Однако при этом доля лиц с отрицательными самоидентификациями практически не растет и *вакуума самопозиционирования себя в социуме через систему сложных социальных связей и отношений ни в одной возрастной когорте не наблюдается.*

Таблица 8

«Мы-самоидентификации» представителей различных возрастных когорт, в %

Идентификации	Возрастные когорты				
	16-25 лет	26-35 лет	36-45 лет	46-55 лет	56-65 лет
С товарищами по работе, учебе					
- часто	65	63	59	52	38
- иногда	32	33	38	41	43
- практически никогда	3	4	3	7	19
С людьми своего поколения					
- часто	53	53	59	54	64
- иногда	39	42	38	40	33
- практически никогда	8	5	3	6	3
С людьми той же национальности					
- часто	52	52	59	54	53
- иногда	39	41	34	37	41
- практически никогда	9	7	7	9	6
С людьми той же профессии, рода занятий					
- часто	54	61	63	60	50
- иногда	40	35	33	34	37
- практически никогда	6	4	4	6	13
С людьми, разделяющими те же взгляды на жизнь					
- часто	63	63	62	62	59
- иногда	34	31	33	34	36
- практически никогда	3	6	5	4	5
С людьми, живущими в том же городе или поселке					
- часто	33	37	43	40	41
- иногда	53	51	50	49	47
- практически никогда	14	12	7	11	12
С гражданами России, россиянами					
- часто	34	33	35	35	38
- иногда	51	51	55	49	46
- практически никогда	15	16	10	16	16
С людьми того же материального достатка					
- часто	38	43	51	46	52
- иногда	50	48	43	44	40
- практически никогда	12	9	6	10	8
С гражданами СНГ					
- часто	12	12	10	11	9
- иногда	48	49	56	53	47
- практически никогда	40	39	34	36	44
Со всеми людьми на планете					
- часто	11	9	6	8	6
- иногда	41	38	38	35	32
- практически никогда	48	53	56	57	62
С общностью «советский народ»					
- часто	9	10	15	21	19
- иногда	38	41	45	42	41
- практически никогда	53	49	40	37	40
С людьми, близкими по политическим взглядам					
- часто	20	21	29	32	31
- иногда	51	50	50	49	49
- практически никогда	29	29	21	19	20
С теми, кто не интересуется политикой					
- часто	22	22	21	22	20
- иногда	52	52	54	55	51
- практически никогда	26	26	25	23	29
С европейцами					
- часто	7	6	4	8	3
- иногда	34	34	39	32	26
- практически никогда	59	60	57	60	71

Всплеск отрицательных самоидентификаций по товарищам по работе в старшей возрастной когорте (до 19%) связан с наличием в этой возрастной группе значительной доли неработающих пенсионеров, хотя среди них практически каждый второй продолжает идентифицировать себя со своими прежними коллегами по работе. Растет с возрастом и идентичность с людьми, близкими по политическим взглядам, притом, что доля людей, сознательно дистанцирующихся от политики, примерно одинакова во всех возрастных когортах. Для отрицательных же самоидентификаций характерен, прежде всего, рост (с 48% в группе 16-24-летних до 62% в группе 56-65-летних) со всеми людьми на планете и сокращение (с 53% до 37%) идентичности с советским народом.

Не оказывает же возраст влияния на самоидентификации в случаях с людьми той же национальности, с людьми, разделяющими те же взгляды на жизнь, с жителями того же населенного пункта, с гражданами России, с гражданами СНГ и т.п. При этом очень высока во всех возрастных когортах была доля тех, кто никогда не ощущал себя европейцем (57%-60% в когортах до 56 лет и 71% респондентов в возрасте 56-65 лет). Однако последний показатель очень сильно различался по регионам. Так, в Санкт-Петербурге – городе, который изначально строился как «окно в Европу» – европейцем никогда не ощущал себя лишь каждый пятый, в Псковской области – каждый третий. В то же время в Хабаровском крае, например, таких было уже свыше четырех пятых опрошенных. В целом «внеевропейски» были настроены в этом вопросе и москвичи – 80% их никогда не чувствовали себя европейцами.

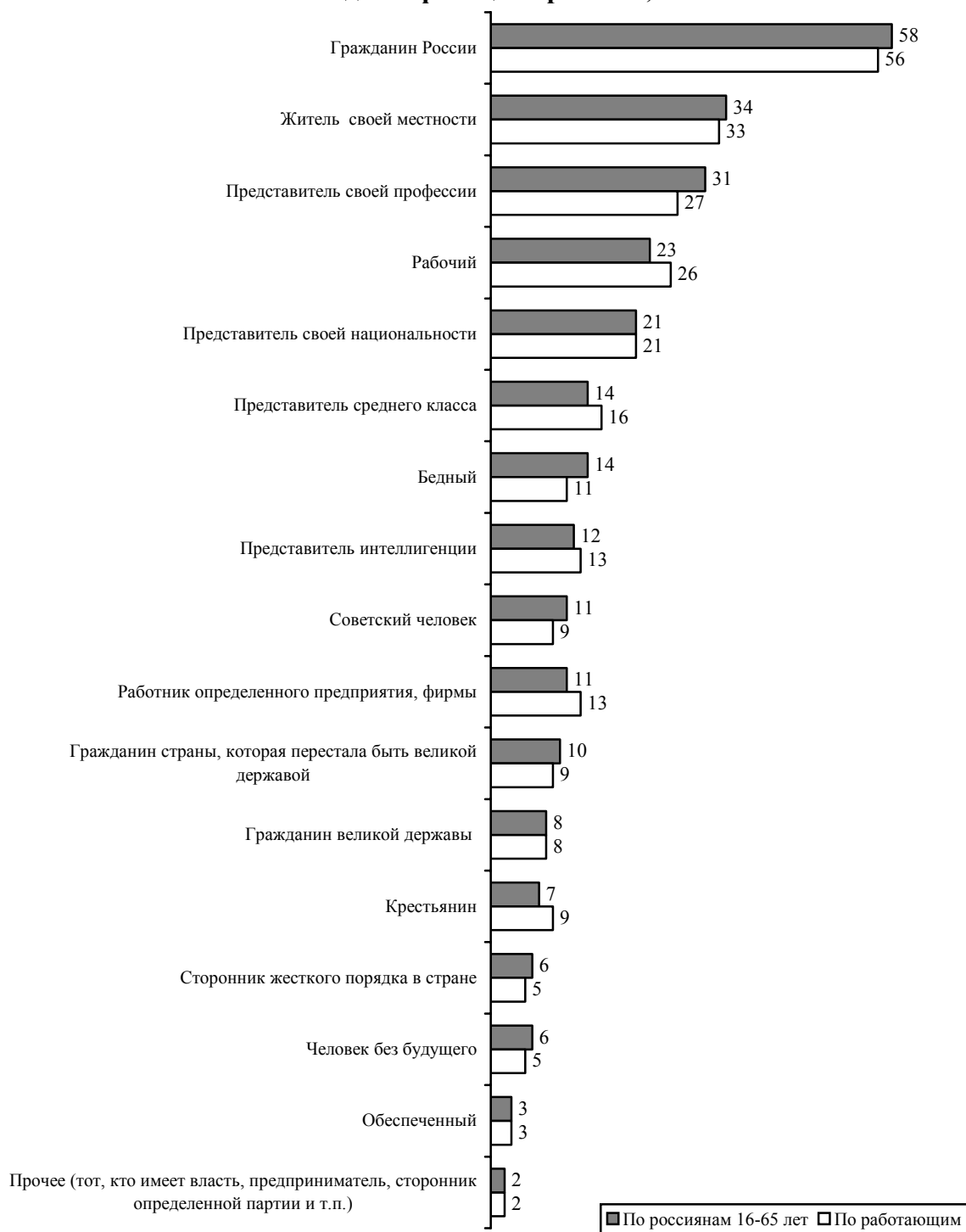
Очень тесно идентификация себя с европейцами, как, впрочем, и со всеми людьми на планете, оказалась связана с регулярным использованием сети Интернет – среди тех, кто регулярно (не реже нескольких раз в неделю) пользуется Интернетом, доминировала положительная идентификация с европейцами, в то время как среди тех, кто никогда им не пользовался, две трети никогда не ощущали себя таковыми.

Посмотрим теперь на то, как выглядят «**Я-самоидентификации**» россиян, отражающие важность для них самих тех или иных своих социальных ролей, особенности их образа собственного «Я». В этой связи прежде всего стоит отметить, что самих себя наши сограждане воспринимают в целом почти также положительно, как и общность, обозначаемую для них понятием «Мы» – 91% опрошенных дали на это понятие положительную реакцию. И, судя по тому, что 92% респондентов часто или иногда испытывали гордость за собственные успехи или успехи членов своей семьи, такое отношение их к себе вполне оправдано.

Итак, кем же в первую очередь видят себя сегодня россияне? Какие их социальные роли для них самих самые важные (см. рис. 11)?

Рисунок 11

«Я-самоидентификации» россиян, в %

Как видно на рисунке 11, роль россиянина, гражданина России является сейчас самой распространенной «я-идентификацией». И житель определенной местности, и представитель конкретной национальности отстают от нее в разы. Это, безусловно, отрадный факт, так как свидетельствует о *достаточно высокой степени внутренней интегрированности российского общества и даже возможности в обозримой перспективе формирования в России гражданской нации.*

Этот оптимизм подкрепляет тот факт, что в возрастной когорте до 25 лет роль гражданина своей страны как значимую для них лично социальную роль отмечали 65% респондентов. Тем не менее, при всей позитивности этой тенденции, не может не беспокоить тот факт, что даже среди молодежи треть не включала то, что они россияне, в число значимых для них характеристик самих себя. К числу характерных особенностей молодежной когорты относились также высокая распространенность идентификации «рабочий» – столько же, сколько и «житель своей местности» (по 32%), относительно более низкая профессиональная идентификация (достигавшая пикового значения в 33% в когорте 26-35 лет), а также более высокая значимость принадлежности к коллективу определенного предприятия или фирмы (14% при 16% у 26-35-летних, где этот показатель также был максимален), определенной национальности (24% при 18% у 56-65-летних) и среднему классу (20%). Последняя «я-идентификация» вообще была характерна, прежде всего, для респондентов до 35 лет, также как «бедный», «гражданин страны, которая перестала быть великой державой» и «человек без будущего» – для возрастной когорты 56-65 лет. Таким образом, *хотя образ «Я» у представителей разных возрастных когорт несколько различается, но различия эти настолько незначительны, что позволяют говорить о межпоколенной устойчивости идентификаций россиян и близости их образов «Я» у разных поколений.*

4. О традиционализме и модернизме в российском обществе

Выше речь шла о том, как живут сегодня россияне, какими они видят самих себя и как ощущают свое место в обществе. Проанализируем результаты исследования с другой стороны, и попытаемся понять, в каком обществе наши сограждане хотели бы жить. Как следует из полученных данных, краеугольным камнем при ответе на данный вопрос выступает тот факт, что в российском обществе сосуществуют как традиционалистски и патерналистски настроенная часть населения, так и те наши сограждане, чье *видение мира строится на идеях личной ответственности, инициативы, индивидуальной свободы, словом имеют картину миру, характерную для эпохи модерна.*

Как массовая социальная группа, имеющая модернизированный тип сознания, группа сторонников индивидуальной свободы и личной ответственности только начинает формироваться в российском обществе, хотя история «ядра» этой группы достаточно длительная (вспомним традиционный для России спор «западников» и «славянофилов»). А, следовательно, сознание многих представителей данной группы

во многом противоречиво в своих оценках, поскольку еще только освобождается от остатков традиционалистской картины мира, характерной скорее для доиндустриальных, чем современных обществ.

Продемонстрируем на данных проведенного исследования, как проявляют себя эти две модели альтернативного видения мира в сознании россиян, и насколько распространена каждая из них. Сразу отметим, учитывая, что речь идет о двух полярных типах мировоззрения, постарались, разработав соответствующий интегральный показатель, выделить в исследовании группу людей, являющихся последовательными носителями типа ментальности, характерной для эпохи модерна¹⁶, а также группу последовательных сторонников традиционалистской ориентации. Данные на рисунке 12 показывают, как численно эти группы представлены в российском обществе в настоящее время, и как они выглядели в 2004 г.

Рисунок 12

Распределение россиян по типам мировоззрения, 2004/2007 гг., в %

Как видно на рисунке 12, за прошедшие несколько лет не только не произошло роста сторонников модернистского мировоззрения, но, более того, доля их сократилась, а доля традиционалистов возросла, и *в целом наблюдается своего рода «ренессанс традиционализма»*. Эта тенденция затронула все возрастные группы, хотя и в разной степени (см. табл. 9). Самое же главное, что *если в 2004 г. в возрастной когорте до 25 лет доля модернистов была больше, чем доля традиционалистов, то теперь картина*

¹⁶ Для выделения этой группы был построен специальный индекс, включавший наличие минимум 5 из 9 позиций – предпочтение общества индивидуальной свободы обществу социального равенства (оказавшееся базовой позицией для этого типа мышления), выбор демократии в дилемме демократия – безопасность, согласие с тем, что России подходит западный путь развития, ориентация на инициативность, отсутствие патерналистских ожиданий по отношению к государству, убеждение, что России нужны в первую очередь хорошие законы, а не хорошие руководители, а также несогласие с тем, что государство должно отстаивать интересы общества в целом, а не каждого гражданина, с тем, что государство имеет право ограничить свободу слова, если пресса нарушает интересы государства, и с тем, что правительство имеет право влиять на правосудие, если этого требуют интересы государства. Таким образом, для отнесения к модернистам респонденты должны были набрать более половины индикаторов тех особенностей сознания, которые, как считается, характерны для эпохи модерна, пришедшей на смену традиционным обществам доиндустриального типа.

качественно изменилась, и нет ни одной возрастной когорты, где модернисты «перевешивали» бы традиционалистов.

Таблица 9

Доля приверженцев модернистского и традиционалистского мировоззрения среди представителей различных возрастных когорт, в %

Типы мировоззрений	Возрастные когорты				
	16-25 лет	26-35 лет	36-45 лет	46-55 лет	56-65 лет
2007 г.					
Модернисты	27	25	21	15	11
Промежуточные	34	34	33	37	26
Традиционалисты	39	41	46	48	63
2004 г.					
Модернисты	37	32	27	19	13
Промежуточные	33	36	34	32	28
Традиционалисты	29	32	39	49	59

В то же время данные таблицы 9 позволяют заметить, что деление «по мировоззрению», роль которого непрерывно возрастает (вспомним значительный рост значимости «мы-идентификаций» с людьми тех же взглядов на жизнь!), присутствует во всех возрастных когортах. Добавим – сторонники этих диаметрально противоположных типов мировоззрения есть и в разных группах, выделяемых по их материальному положению, месту жительства и т. п. Специальная статистическая проверка показала, что наличие модернистских или традиционалистских воззрений коррелирует не столько с этими объективными характеристиками (наиболее значимыми из которых оказались активность использования Интернета, образование родителей и социально-профессиональный статус респондентов), сколько с другими аспектами взглядов россиян, не учитывавшихся при расчете соответствующего индекса. И в этом плане можно говорить скорее о наличии среди наших сограждан приверженцев разных моделей развития общества, представленных в самых разных социальных группах, чем о том, что определенные социальные слои имеют жестко различающиеся между собой картины того общества, в котором они хотели бы жить.

Что же выступает «ядром» разных типов мировоззрения в отношении как общества в целом, так и представлений о том, каким должен быть человек в данном типе общества? И есть ли подвижки в отношении к этим «ядерным» позициям у носителей соответствующих типов мировоззрения?

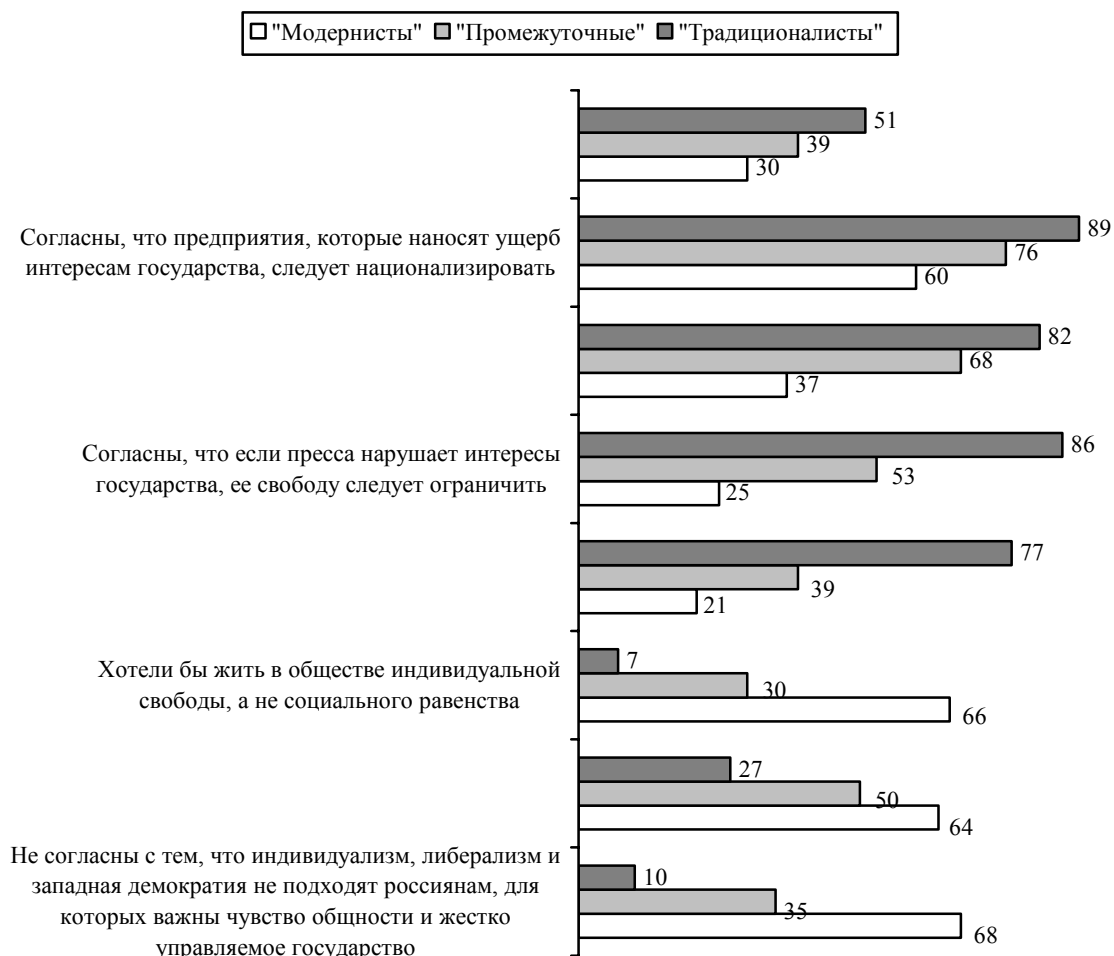
Как показывают наши исследования 1995-2007 гг. главным, «ядерным» их различием применительно к ситуации в обществе в целом выступает разница в

отношении к идее всевластия государства и свободе личности. Из этого краеугольного различия вытекают и остальные особенности двух полярных картин видения того общества, в котором наши сограждане хотели бы жить, четко выраженные в их мировоззрении.

Проиллюстрируем данный тезис на нескольких примерах, используя для этого как вошедшие в расчет индекса, так и не вошедшие в него индикаторы (см. рис. 13), из которых хорошо видно, что в краеугольном вопросе о взаимоотношениях человека и государства специфика представлений модернистов заключается в том, что они отчетливо тяготеют к правовому государству, в котором власть последнего ограничена, а свобода личности гарантирована, в то время как традиционалисты занимают прямо обратную позицию. Для них оптимальна этакратическая модель развития.

Рисунок 13

Специфика взглядов на права государства и личности в группах с разным типом ментальности, в %

Из этой общей посылки органично вытекает и разное отношение представителей различных мировоззренческих групп к ряду практических следствий принятия

этакратической модели как нормы, которое проявляется, например, при ответах на вопросы *о праве государства ограничивать свободу прессы и оказывать прямое давление на суд. Причем в последнем случае промежуточная группа стоит скорее на позициях модернистов, чем традиционалистов, в отличие от вопроса о свободе прессы, где 63% всех опрошенных россиян от 16 до 65 лет допускают необходимость ограничения свободы прессы, если она нарушает интересы государства.*

Что касается вопроса о национализации предприятий, наносящих вред интересам государства, то близость его восприятия в группах с разным типом мировоззрения свидетельствует: *для всех россиян, независимо от их мировоззрения, социальная функция государства, понимаемая в широком смысле слова, как необходимость выражать интересы общества в целом, важнее функции обеспечения государством условий для эффективной экономической деятельности.* Отсюда вытекает и особая роль активной социальной политики в деятельности государства, воспринимаемой россиянами как важное основание легитимности всего российского государства в целом.

Естественно, что *при всевластии государства не так важны законы, которые государство само принимает и само же решает, в какой степени их надо соблюдать. Гораздо важнее личностный фактор,* что и отражается в оценке разными группами того, что важнее – хорошие законы (базовая для современного правового государства позиция) или хорошие руководители, что выступает основой успеха в традиционной для России модели развития. Обратной стороной такого понимания роли права и роли личности выступает пресловутый правовой нигилизм россиян, проявляющийся в самых разных формах. Это и убеждение, что законы надо соблюдать, только если это делают сами представители власти (разделяемое 53% респондентов во всех выделенных мировоззренческих группах притом, что лишь от 18% традиционалистов до 24% модернистов считают, что закон нужно соблюдать всегда), и уверенность, что руководителям нужно подчиняться только в том случае, если ты в целом согласен с их требованиями (характерная для 62%-71% в разных группах). Подобные взгляды, вполне приемлемые в доиндустриальную эпоху, являются, конечно, абсолютным нонсенсом для современного общества с высокотехнологичным производством (от ядерной энергетики до опасных химических производств). И остается только радоваться, что при таком правовом нигилизме количество (и масштаб) техногенных катастроф в России остаются относительно невелики.

Подчеркнем, что именно представленные на рисунке 13 особенности выделенных мировоззренческих групп выступают базовыми (и имеют наибольшую статистическую

значимость по отношению ко всему блоку вопросов об оптимальной модели общества) для разграничения представителей соответствующих типов мировоззрения и в наших предыдущих исследованиях по этим проблемам. В то же время, динамика изменений отдельных позиций, характеризующих данные типы мировоззрения, была в последние годы несколько различна. Это свидетельствует о некоторой неустойчивости отдельных деталей соответствующих картин мира в общественном сознании. Подобная неустойчивость не столь велика, чтобы поставить под сомнение вывод о сосуществовании среди россиян двух противоположных идеальных моделей желаемого общественного устройства, но достаточна, чтобы утверждать, что *процесс формирования сравнительно новой (если говорить о распространенности в массовых масштабах) модернистской картины мира еще далек в России от своего завершения*. Во всяком случае, хотя с 2004 г. среди модернистов число сторонников права государства национализировать предприятия сократилось (с 67% до 60%), но доля признающих право государства оказывать прямое воздействие на суд выросла с 15% до 21%.

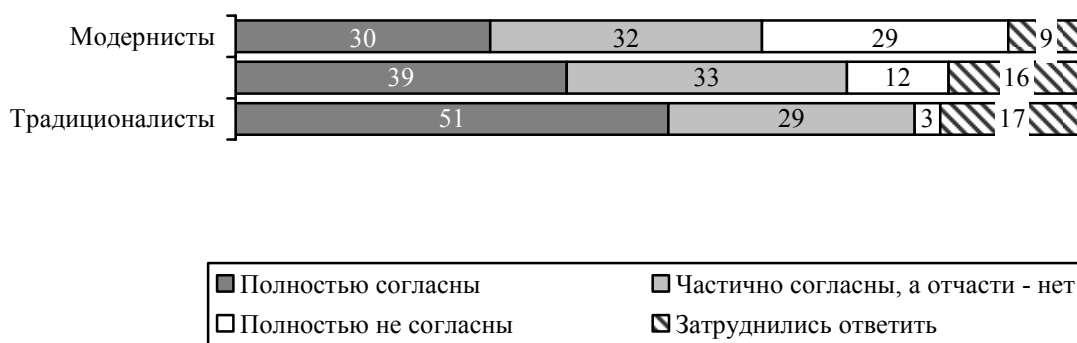
О незавершенности формирования последовательно модернистских взглядов среди тех россиян, которых мы условно назвали «модернистами», свидетельствует и непоследовательность их в оценках суждения, которое позволяет зафиксировать осознанность краеугольного противоречия между различными моделями общественного развития – суждения о приоритетности интересов общества или личности. Как известно, для российской модели традиционно приоритетны интересы общества и государства. В западной же модели развития, государство через институты представительной власти и во взаимодействии с гражданским обществом призвано согласовывать артикулированные интересы различных социальных групп, защищая при этом права человека и меньшинств. Однако необходимыми предпосылками такой модели развития выступают, во-первых, осознание плюрализма этих интересов и «нормальности» ситуации плюрализации интересов в обществе, а во-вторых, наличие структур, способных артикулировать все многообразие этих интересов. В российском же обществе и с тем, и с другим дела обстоят пока в силу особенностей его исторического развития отнюдь не так, как, например, в Западной, и даже в Восточной Европе. Не случайно само понятие «различия» на уровне ассоциаций вызывает негативную реакцию у 38% россиян.

В результате среди модернистов с тем, что государство должно отстаивать интересы всего народа перед интересами отдельных граждан, оказались согласны 30%,

а не согласны – 32% (см. рис. 14), что говорит о *противоречивости и незавершенности формирования мировоззрения, характерного для эпохи модерна, даже в этой группе.*

Рисунок 14

Доля согласных с тем, что государство должно отстаивать интересы всего народа перед интересами отдельных граждан в группах с разным типом мировоззрения, в %

Однако общая динамика изменения соответствующих представлений за 1998-2007 гг. свидетельствует все-таки об очень медленном, но устойчивом дрейфе россиян в возрасте до 65 лет в сторону роста осознания значимости приоритета интересов личности.

При этом среди модернистов за последние годы усилилось (с 24% до 29%) неприятие такой трактовки роли государства, при которой оно должно отстаивать права общности даже в ущерб интересам и правам личности. Одновременно возросла, хотя и в меньшей степени, доля тех, кто был с такой трактовкой согласен (с 28% до 30%). Произошло это за счет сокращения доли «частично согласных». Еще интереснее выглядит ситуация с динамикой взглядов по этому вопросу у традиционалистов – лишь 51% их в 2007 г. (при 63% в 2004 г.) полагали, что государство должно отстаивать интересы всего народа по отношению к интересам отдельной личности, зато резко (с 15% до 29%) выросло число тех, кто был согласен с этим лишь отчасти.

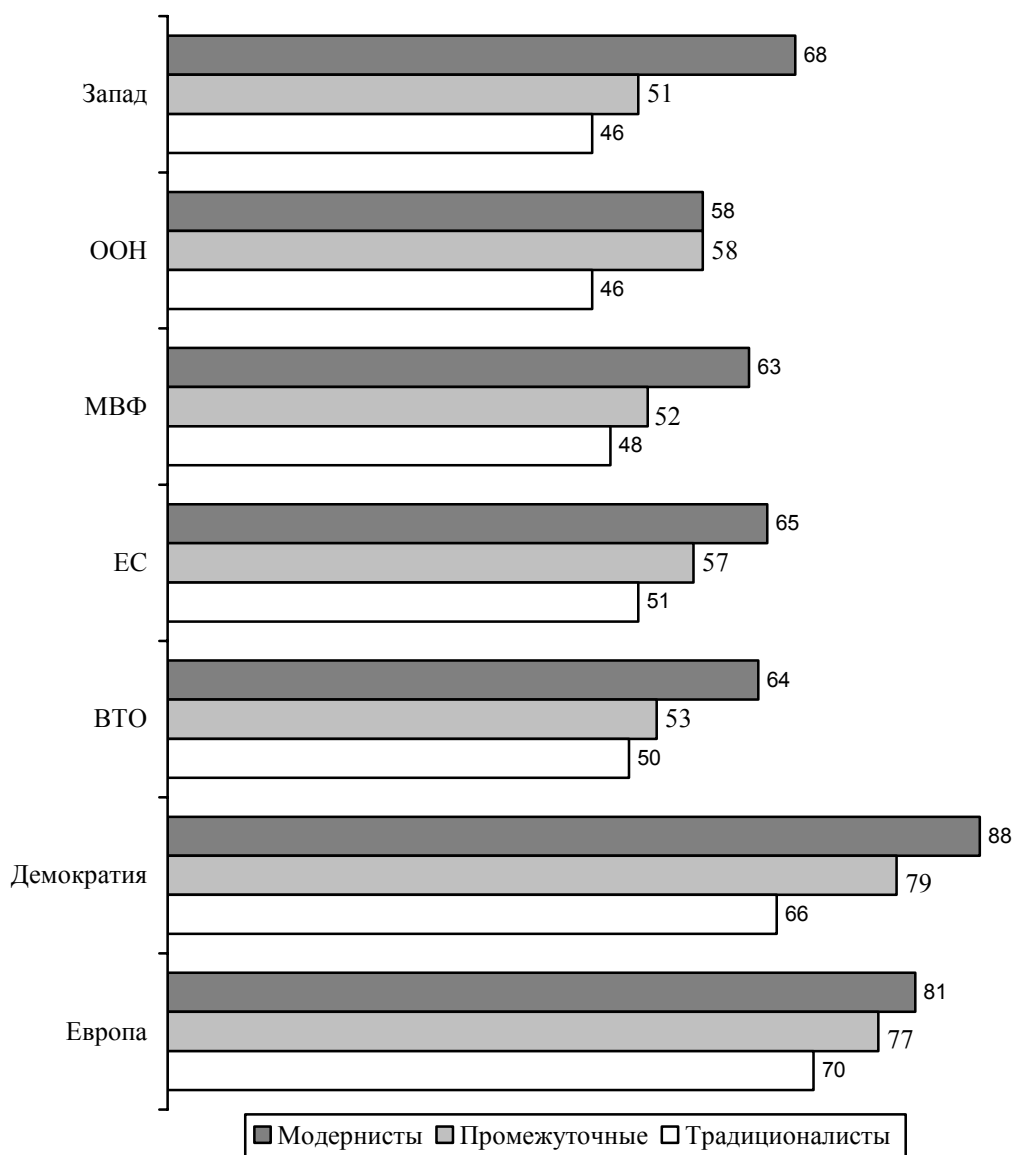
Такая картина распределений свидетельствует о том, что не только в каждой из выделенных мировоззренческих групп идет постепенное все более четкое осознание собственных позиций, но и во вполне традиционалистски в целом настроенной группе базовое, краеугольное основание этакратической модели постепенно начинает размываться.

Тем не менее, *понимая уже неприемлемость ряда практических действий государства, сопутствующих этакратической модели развития, и допуская для России западную цивилизационную модель (включая как ее институты, в т. ч. международные, так и базовые ценности – см. рис. 15), даже модернисты не могут еще до конца осознать роль выбора государством защиты интересов личности как*

основания принципиально нового для России типа общественного развития. Роль государства как выразителя интересов общности остается своего рода «священной коровой» российской идентичности, на которую рука у россиян, причем даже у модернистов, пока, что называется, «просто не поднимается».

Рисунок 15

Доля давших положительные ассоциации на соответствующие понятия в группах россиян с разным типом мировоззрения, в %
(отранжировано по реакции россиян в целом)

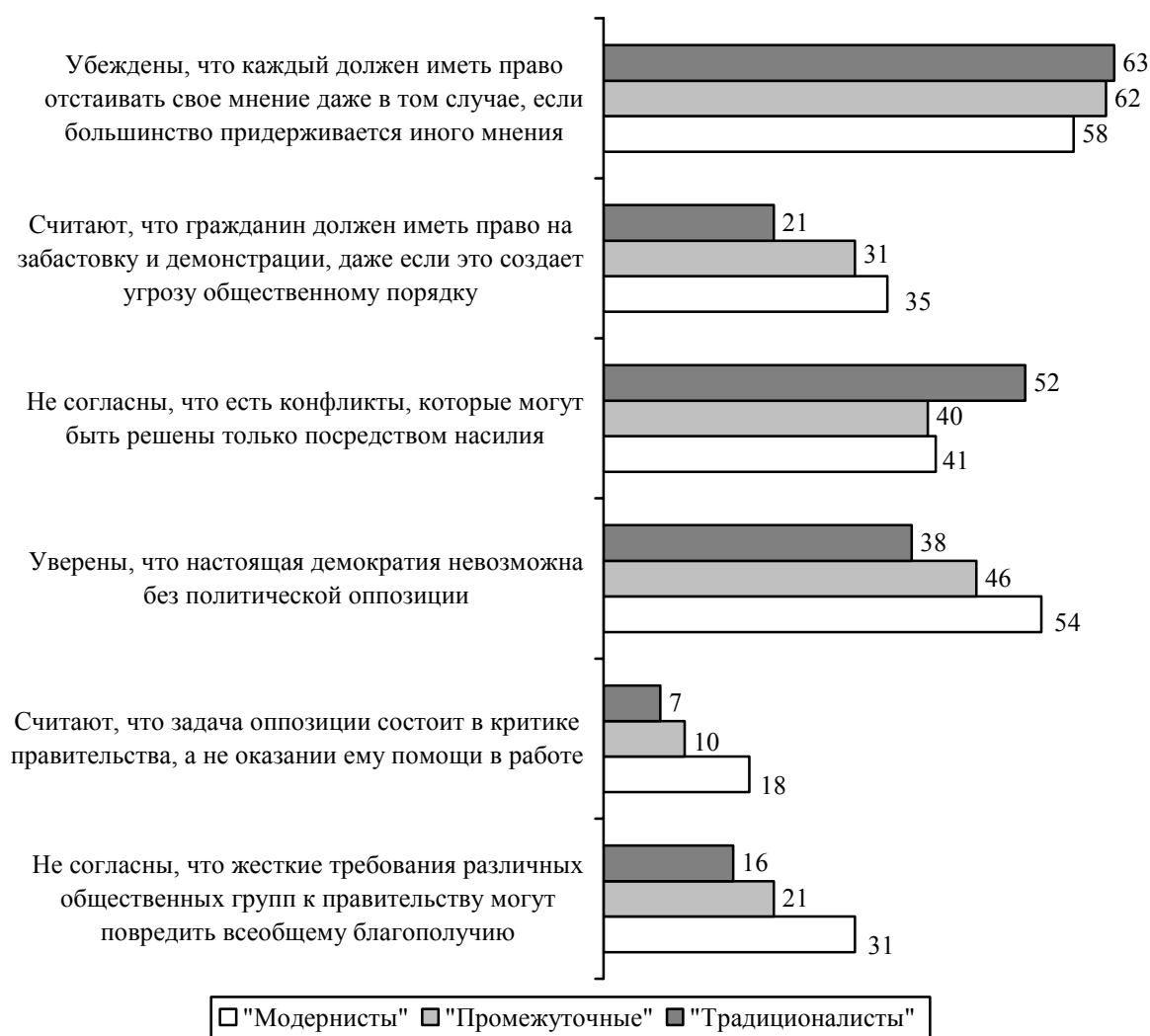

Как видно на рисунке 15, модернисты характеризуются заметно большей толерантностью к Западу вообще и к Европе в частности, а также к международным институтам, функционирующим на базе ценностей западной модели развития, и к такому краеугольному понятию, лежащему в ее основе, как «демократия».

В этой связи надо отметить, что из господствующих в российском общественном сознании представлений о желательном общественном устройстве вытекает особое понимание и демократии, и оппозиции, и оптимальной модели экономического развития и внешнеполитических интересов России и т.д. Отметим в этой связи сначала некоторые особенности тех представлений россиян о демократии, которые связаны с проблемой взаимоотношений общности (чьи интересы, в идеале, должно выражать государство) и личности, позволяющие лучше понять суть того мировоззренческого раздвоения (но не раскола – и это хорошо видно на рисунке 16), которое характеризует сегодня российское общество.

Рисунок 16

Специфика взглядов на некоторые демократические нормы в группах с разным типом мировоззрения, в %

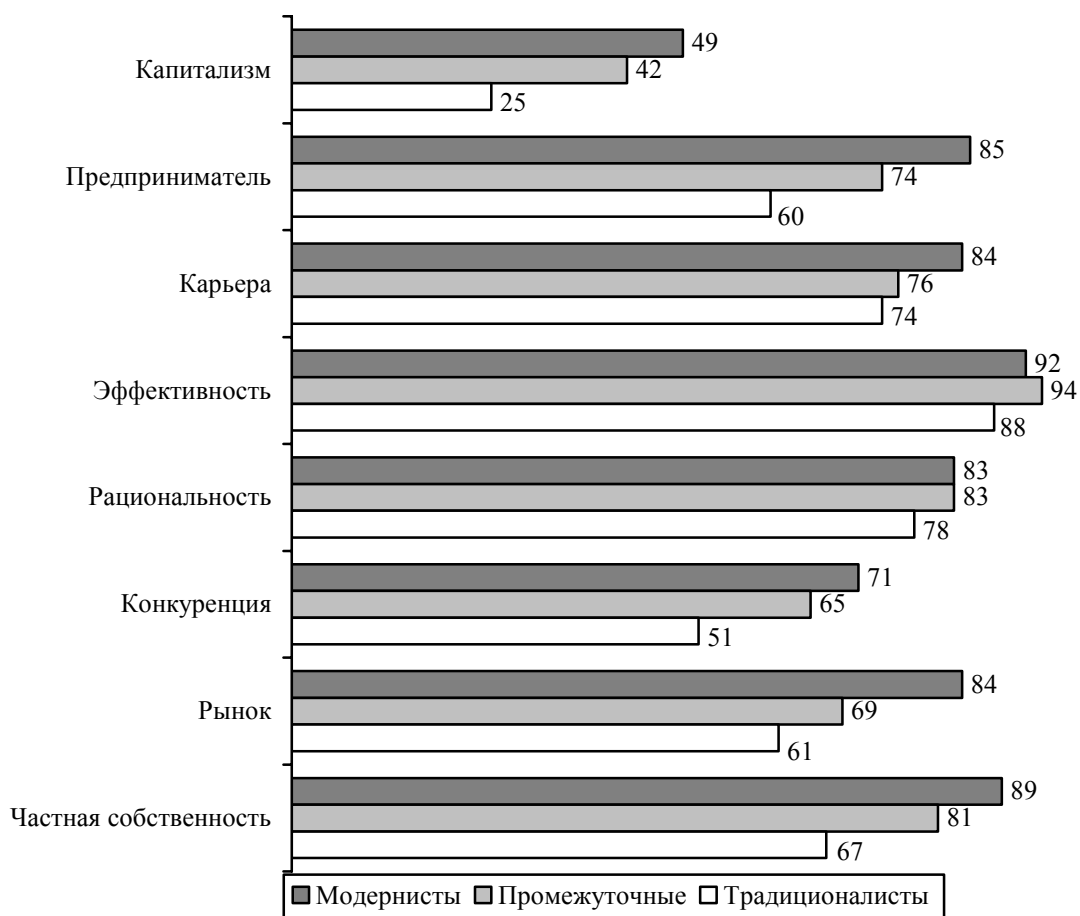
Как видно на рисунке 16, на уровне общих представлений о некоторых демократических нормах между модернистами и традиционалистами разница скорее

количественная, чем качественная. Исключениями являются лишь убежденность в невозможности демократии без оппозиции (впрочем, и среди модернистов почти половина такую экзотическую модель демократии допускает) и отношение к легитимности насилия государства по отношению к своим гражданам. При этом во всех группах большинство полагает, что оппозиция должна оказывать правительству помощь в его работе, что жесткие требования, выражающие так называемый «частный интерес», могут повредить всеобщему благополучию, что при угрозе общественному порядку индивид не должен иметь права на отстаивание своих интересов. Последнее, впрочем, не означает отсутствие у индивидов права на собственное мнение и его защиту – напротив, такое право за ним признается большинством во всех мировоззренческих группах. Но право это носит весьма ограниченный характер и присутствует только в подчиненном, по отношению к правам и интересам всей общности, положении. В то же время в распространенности этих точек зрения модернисты все-таки несколько отличаются от «промежуточных» и, тем более, традиционалистов.

Что касается представлений россиян о желаемом социально-экономическом устройстве, то, как показало исследование, *к рыночной экономике и связанным с ней понятиям (прибыль, частная собственность, конкуренция, эффективность и т. п.) россияне относятся скорее положительно, чем негативно*. Во всяком случае, на уровне ассоциаций, которые вызывают соответствующие понятия, большинство из них продемонстрировали положительную или, по крайней мере, нейтральную реакцию на них.

Как видно из рисунка 17, в целом по всем приведенным позициям модернисты демонстрируют более «прорыночные» взгляды, хотя по всем без исключения позициям разница эта носит количественный, а не качественный характер. Обращает на себя внимание также толерантность (характеризовавшая россиян и в предшествующих опросах) всех без исключения групп к таким понятиям как «эффективность», «рациональность», «частная собственность», «рынок», «предприниматель» и даже «конкуренция». Такая устойчивая толерантность к базовым принципам функционирования рыночной экономики означает, что *даже традиционалисты в принципе не против рыночной экономики как таковой*. Их негативное отношение к экономическим реформам 1990-х годов связано не с тем, что они являются идеологическими противниками рыночной экономики, а с тем, что от ее введения они не получили дивидендов.

Доля давших положительные ассоциации на понятия, связанные с рыночной экономикой, в группах с разным типом мировоззрения, в %

Впрочем, готовность россиян к принятию «правил игры» рыночной экономики не стоит абсолютизировать. Об этом говорит не только то, что даже среди модернистов свыше половины дали негативную реакцию на понятие «капитализм». Об этом свидетельствует и доминирование негативной реакции на данное понятие и среди всех мировоззренческих, и среди всех возрастных групп – даже среди тех, кто не старше 25 лет и вырос, казалось бы, при отсутствии соответствующих идеологических штампов (положительную реакцию на «капитализм» в этой группе дали 41% опрошенных, а отрицательную – 58%).

Не менее важно и то, например, что, декларируя положительную реакцию на понятие «рациональность» россияне далеко не всегда понимают под ней экономическую рациональность. Во всяком случае, лишь 68% респондентов готовы были бы инвестировать неожиданно появившийся у них миллион рублей таким образом, чтобы получать от него регулярный доход притом, что каждый пятый потратил бы его на то, чтобы «пожить в свое удовольствие», и еще 13% – затруднились с ответом на этот, казалось бы, простой вопрос. И хотя данный показатель заметно

различается по мировоззренческим и, особенно, возрастным группам (см. табл. 10), он все-таки слишком высок для того, чтобы можно было говорить о господстве экономической рациональности в сознании россиян.

Таблица 10

**Способы использования неожиданно появившегося миллиона рублей
в разных возрастных когортах, в %**

<i>Способы</i>	<i>16-25 лет</i>	<i>26-35 лет</i>	<i>36-45 лет</i>	<i>46-55 лет</i>	<i>56-65 лет</i>	<i>В целом по массиву</i>
Открыли бы собственное дело	44	33	26	19	9	25
Вложили бы в банк, недвижимость, акции и т.п., чтобы получать на них доход	38	42	46	44	40	42
Использовали бы, чтобы «пожить в свое удовольствие»	8	16	15	23	33	19
Затрудились ответить	10	9	13	14	18	13

В таблице 10 обращает на себя внимание очень высокий показатель (44% по группе до 25 лет и треть 26-35-летних) тех, кто хотел бы открыть собственное дело. Это свидетельствует об очень высокой степени легитимации предпринимательской деятельности среди россиян. Не случайно, как видно на рисунке 16, даже среди традиционалистов положительную реакцию на понятие «предприниматель» дают 60% опрошенных (в целом по 16-65-летним – 69%, а в группах до 35 лет – 77%-78%). Более того, и среди тех социальных групп, которые могут способствовать развитию России, предприниматели занимают в глазах населения вполне достойное место – по крайней мере, основная масса россиян убеждена, что предприниматели способствуют развитию России (см. табл. 11).

Таблица 11

Представления россиян о том, какие социальные силы способствуют, а какие - препятствуют развитию России, в %

<i>Группы</i>	<i>Способствуют развитию</i>	<i>Препятствуют развитию</i>	<i>Трудно сказать</i>
Предприниматели	69	11	20
Интеллигенция	73	8	19
Рабочие	89	3	8
Крестьяне	82	5	13
Молодежь	77	5	18
Крупные банки	59	14	27

О *растущей толерантности россиян к институтам рыночной экономики* говорит и их в целом положительное отношение к крупным банкам – 59% россиян в возрасте 16-65 лет полагают сегодня, что они способствуют развитию России. В этой связи стоит отметить, что в июле 1998г. считали, что крупные банки способствуют развитию России лишь 44%, а в 2004 г. – ровно 50%. Как видим, рост за последние 10 лет весьма значительный. По предпринимателям эти же цифры выглядят как 61%

(1998г.) – 63% (2004 г.) – 69% (2007 г.). При этом во всех возрастных и мировоззренческих группах (за исключением 56-65-летних) отчетливо доминирует точка зрения, что и предприниматели, и крупные банки способствуют развитию России.

Это говорит о том, что *российское население действительно приняло рыночную модель развития, а основные ее акторы в сегодняшней России легитимны для массового сознания. Однако при этом ведущую роль в развитии России, по разумению большинства населения, играют все-таки рабочие и крестьяне.* И этот рабоче-крестьянский вектор развития России в эпоху экономики знаний и глобализации с соответствующим обострением межстрановой конкурентной борьбы за занятие тех или иных позиций в международном разделении труда уже сам по себе многое говорит об особенностях национальной идентичности россиян на современном этапе. Причем эта позиция является для массового сознания консенсусной – во всех мировоззренческих и возрастных группах наиболее распространена точка зрения, что развитию России способствуют в первую очередь рабочие и крестьяне.

Учитывая вышесказанное, не удивительно, что *та модель развития рыночной экономики, которая представляется россиянам оптимальной для России, имеет мало общего с современными высокоэффективными моделями рыночной экономики и может быть охарактеризована как «государственный капитализм».* Это естественное следствие не только господства определенной социокультурной модели взаимоотношений общества, государства и отдельного человека, но и характерной для них системы представлений о приоритетах и основных субъектах экономического развития страны.

Во всяком случае, данные всех наших исследований позволяют говорить об *устойчивом тяготении россиян к смешанной экономике с сильной регулирующей ролью государства и его доминирующим присутствием в большинстве отраслей экономики.* Не случайно 73% россиян считают, что следует расширить долю государства в бизнесе и промышленности, и лишь 26% – что следует расширить долю в этих сферах частного сектора. В то же время, например, в Германии, имеющей гораздо более мощный, чем в России, частный сектор, последней точки зрения придерживается свыше 60% (в западных землях это около трех четвертей населения, в восточных – более половины), а в США – свыше 80%¹⁷. *Именно такое доминирующее понимание роли государства в экономике, а не пресловутая тяга россиян к уравнилности,*

¹⁷ Данные приводятся по исследованию World Value Survey (WVS) 1999г.

выступает наиболее характерной особенностью их экономических воззрений в настоящее время (см. рис. 18-19).

Рисунок 18

Отношение к неравенству доходов граждан разных стран мира, в %¹⁸

Как видно на рисунке 18, для России уравнивательные тенденции характерны даже в меньшей степени, чем для Германии или Великобритании, где и динамика положения населения совсем иная, и глубина экономических неравенств не носит такого катастрофического характера, как в России. Опережают Россию по этому показателю лишь США с их последовательной нелиберальной моделью, принимаемой как норма большинством населения.

Эта же тенденция «особости» США проявляется и в отношении к роли государства в экономике, хотя здесь Россия выступает уже полярной им противоположностью, правда, в меньшей степени, чем к странам «старой Европы» (см. рис. 19).

Рисунок 19

Отношение к государственному и частному сектору у граждан разных стран мира, в %

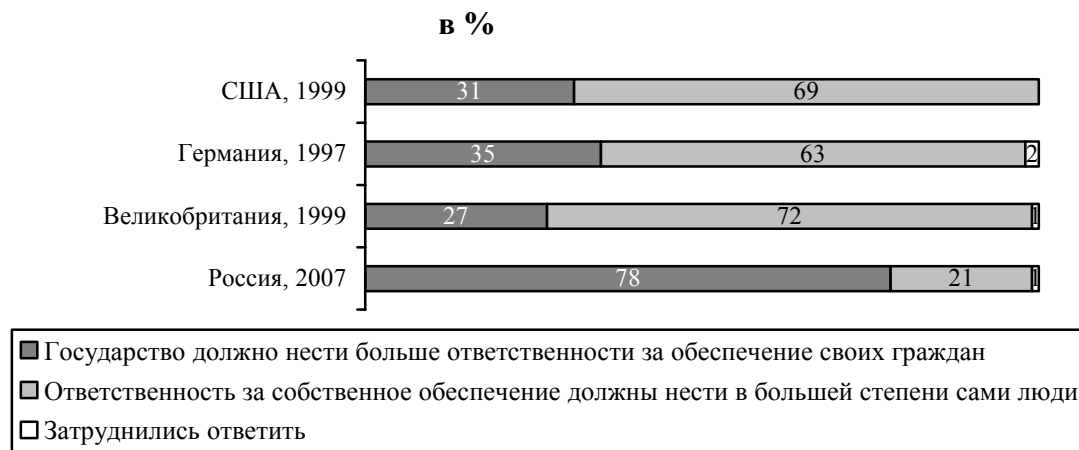

¹⁸ Данные по Великобритании, Германии и США приводятся по исследованию World Value Survey (WVS) 1997 и 1999г. Данные по России для корректности сравнений приведены по населению в целом, а не возрастным когортам до 65 лет.

Наконец, исключительно ярко проявляются особенности социально-экономических взглядов россиян в связи с уже упоминавшимся патерналистским характером их мышления (см. рис.20).

Рисунок 20

Распространенность патерналистских настроений у граждан разных стран мира,

В то же время, по другим компонентам экономических воззрений россиян (убеждениям, что конкуренция – это хорошо, т. к. стимулирует людей напряженно работать, что упорный труд обычно обеспечивает человеку лучшую жизнь, что благосостояние каждого может увеличиваться за счет благосостояния всего общества, а не за счет других) они мало отличаются от жителей старой Европы, а, например, с Германией просто очень близки.

Учитывая это, вернемся теперь к двум принципиальным отличиям «экономического менталитета» россиян – патернализму и роли государства в экономике. Если посмотреть на них в динамике, пользуясь данными World Value Survey (WVS) 1990, 1995, 1999 годов и нашего исследования, то видно, что *патерналистские ожидания россиян – это не константа национального самосознания, а спонтанная реакция населения на ситуацию, складывающуюся в стране.* Во всяком случае, в 1990 году, например, доминирующим среди наших сограждан (55%) было убеждение, что ответственность за собственное самообеспечение в большей степени должны нести сами люди. И лишь возникновение условий, при которых сами они мало, что могут сделать из-за внешних структурных ограничений, привело к тому, что патерналистские ожидания в российском самосознании выросли до 78%.

Совсем иная ситуация с пониманием роли государства в экономике. Это действительно самая характерная особенность экономических воззрений россиян, которая доминирует в их сознании достаточно устойчиво. И хотя в 1990 г. 48% россиян полагали, что следует расширить частный сектор, но относилось это не к стремлению людей видеть данный сектор доминирующим (напомним – в этот период частный

сектор практически отсутствовал, будучи представлен фактически лишь немногочисленными малыми предприятиями и кооперативами в сфере торговли и услуг), а к желанию большинства россиян видеть сосуществование государственного и частного секторов при доминирующей роли государственного. Одним из подтверждений этого являются ответы наших респондентов на вопрос о том, в каких отраслях и сферах экономики должна существовать и доминировать государственная, а в каких – частная собственность.

Судя по данным и этого, и нынешнего, и прежних исследований, россияне считают, что все стратегические отрасли и отрасли социальной сферы, гарантирующие здоровье и благополучие нации, должны находиться под безусловным контролем государства. Причем применительно к части отраслей (сырьедобывающие отрасли, энергетика, высшее образование, железнодорожный транспорт и пенсионное обеспечение) этой позиции придерживается три четверти населения, а по электростанциям и добыче нефти число сторонников чисто государственной собственности доходит даже до 85% и 78% соответственно.

Таблица 12

Динамика мнений россиян о том, какие организации, предприятия, отрасли должны управляться государством, а какие – частным сектором, 1998/2007 г. в %¹⁹
(отранжировано в порядке убывания доли стремившихся в 2007 г. видеть доминирование государства в соответствующей отрасли)

	Должны управляться:					
	Государством		Частным сектором		И государством, и частным сектором	
	1998 г.	2007 г.	1998 г.	2007 г.	1998 г.	2007 г.
Электростанции	88	85	2	2	9	12
Добыча нефти	75	78	4	3	21	19
Угледобывающая отрасль	74	74	4	4	21	21
Железнодорожный транспорт	82	73	3	3	14	23
Школы	68	72	3	4	28	24
Пенсионные фонды	75	71	1	3	23	26
Вузы	73	70	2	2	24	27
Металлургические заводы	70	70	5	5	25	25
Авиационный транспорт	69	69	4	4	26	26
Медицинское страхование	61	64	4	3	34	32
Больницы	55	54	2	4	42	41
Театры, музеи, библиотеки	57	49	5	7	38	43
Строительство и предоставление жилья	39	45	7	5	55	50
Телефонная связь	57	43	6	8	37	48
Эксплуатация жилищного хозяйства	42	44	10	11	47	45
Банки	45	44	6	6	48	49
Дорожное строительство	40	41	10	9	49	49
Телевидение	40	37	7	10	52	53
Сельскохозяйственные земли	42	37	16	10	42	52
Радио	41	35	7	10	51	54
Производство продуктов питания	23	33	16	11	61	55
Газеты	34	28	9	11	57	60

¹⁹ Жирным шрифтом в таблице выделены те позиции, по которым за годы, прошедшие между опросами, изменения превысили 5%.

Как видно из таблицы 12, в основе своей взгляды россиян на проблему присутствия государства в экономике за последние 10 лет практически не изменились, и ровно половину отраслей они хотели бы видеть только в государственном управлении. В остальных они хотели бы в массе своей видеть сосуществование государственного и частного секторов.

При этом из 22-х позиций всего по 7-ми (железнодорожный транспорт, учреждения культуры, строительство и предоставление жилья, производство продуктов питания, телефонная связь, радио и газеты) взгляды россиян изменились за десятилетия более чем на 5%. При этом по строительству и предоставлению жилья и производству продуктов питания позиции россиян ужесточились, что, видимо, связано с собственным печальным опытом россиян невозможности решить жилищную проблему рыночными способами и подорожанием в последнее время продуктов питания. Во всяком случае в 2004 г. эти позиции не вызвали такой реакции, как в 2007 г., так что это ужесточение носит скорее ситуационный характер, чем отражает глубинные мировоззренческие изменения.

В то же время по поводу радио, газет и, особенно, телефонной связи, взгляды россиян за последние годы заметно смягчились. Что касается СМИ, то многие, видимо, убедились за эти годы в плюсах сосуществования и государственных, и частных медиа. Кроме того, как отмечалось выше, россияне в большинстве своем оставляют за государством право пресекать деятельность СМИ, если она идет вразрез с государственными интересами. Таким образом, с их точки зрения, СМИ могут быть как государственными, так и частными, но и частные СМИ должны действовать в русле государственной политики. Что касается телефонной связи, то бурный рост сторонников сосуществования в этой области предприятий разных форм собственности, – несомненно, заслуга столь бурного развития мобильной телефонии за последние годы.

Тем не менее, главное осталось за эти годы неизменным – россияне в массе своей хотят видеть большинство отраслей государственными. Причем это не только такие отрасли экономики, как электроэнергетика, нефтедобыча, угледобывающая отрасль, железнодорожный и авиационный транспорт, металлургия, но и отрасли социальной сферы – пенсионное обеспечение, здравоохранение, культура, образование. Таким образом, россияне хотели бы видеть полноценное присутствие государства во

всех стратегических отраслях экономики и полноценное государственное участие во всех областях социальной сферы.

Надо сказать, что *видение распределения государственного сектора и смешанной экономики по отраслям было достаточно консенсусным и в группах с разным типом мировоззрения.* И среди модернистов, и, тем более, среди традиционалистов большинство хотят видеть государственными авиа- и железнодорожный транспорт, электростанции, добывающие отрасли, металлургические заводы, а также образование и пенсионное страхование. При этом модернисты в большинстве своем допускают в остальных отраслях экономики и социальной сферы сосуществование государственного и частного сектора, а большинство традиционалистов допускают существование частного сектора (из предложенного в ходе исследования списка) только в СМИ и производстве продуктов питания. Качественные же различия между ними характерны для их отношения к медицинскому страхованию, строительству и предоставлению жилья, эксплуатации жилищного хозяйства, больницам, телефонной связи и банкам – по всем ним модернисты выступают в основном за сосуществование в этих отраслях государственного и частного секторов, а большинство традиционалистов – за то, чтобы они управлялись только государством.

Таким образом, независимо от возраста и степени «продвинутости» мировоззрения, как, впрочем, и от таких факторов, как место жительства, профессиональный статус, образование и т. д., основная масса россиян предпочитает видеть доминирование государственной собственности или, по крайней мере, государственного управления с соответствующей системой государственных гарантий в большинстве отраслей. Даже среди предпринимателей около 80% предпочли бы видеть, например, электростанции в управлении только у государства, да и в остальных позициях их взгляды не более либерально-рыночные, чем у младших возрастных когорт или у модернистов.

5. Особенности жизненных ценностей и устремлений россиян

Ценности россиян, их представления о том, что важно, а что не важно в их жизни – это, пожалуй, именно то, что составляет ядро национальной идентичности. Учитывая высокую устойчивость ценностного мира наших сограждан, который,

несмотря на отдельные флуктуации, демонстрирует стабильность вот уже пятнадцать лет, важно, прежде всего, представить, как выглядит «каркас» их системы ценностей. Начнем с того, что важно для них в жизни в первую очередь, а затем рассмотрим некоторые ценности-нормы, которыми они руководствуются в своей жизни.

Сферой жизни россиян, наиболее значимой для них, выступает семья (см. табл. 13). При этом значимость семьи огромна для представителей всех мировоззренческих, возрастных, доходных и т. д. групп – во всех них о том, что семья очень важна для них, заявили 90%-91%, и практически все остальные отмечали, что она «скорее важна».

Таблица 13

Мнения россиян о том, насколько для них важны те или иные сферы их общественной и личной жизни, в %²⁰

	<i>Очень важно</i>	<i>Скорее важно</i>	<i>Скорее не важно</i>	<i>Абсолютно не важно</i>
1. Семья	91	8	1	0
2. Друзья	58	35	7	0
3. Свободное время	46	40	12	1
4. Политика	10	26	46	18
5. Работа	64	28	5	2
6. Религия	18	36	32	13

Как видно из таблицы 13, в целом для большинства россиян очень важны три сферы их жизни – семья, работа и друзья. Свободное время тоже, конечно, имеет для них немалую значимость, но все же заметно уступает этим «трем китам», на которых покоится бытие россиян. Не важна при этом для большинства наших сограждан политика, и не очень важна религия.

Есть ли в таком выстраивании приоритетов что-то, что позволяет говорить о специфике национальной идентичности граждан России? Судя по результатам сравнения их с представителями стран «старой Европы» и США – вообще-то нет (см. табл. 14). Семья для россиян столь же важна, как и для жителей Великобритании и Швеции, чуть менее важна, чем для жителей США и ощутимо важнее, чем для граждан Германии. При этом за период 1999-2007гг. ее значимость для россиян выросла – в 1999г., судя по данным WVS, картина по России совпадала с картиной по Германии.

²⁰ В таблице не указаны затруднившиеся с ответом.

Мнения жителей разных стран о том, насколько для них важны те или иные сферы их общественной и личной жизни, в %²¹

	<i>Россия</i>	<i>Германия</i>	<i>Швеция</i>	<i>Великобритания</i>	<i>США</i>
Семья					
1. Очень важно	90,7	76,3	89,7	90,2	95,6
2. Скорее важно	7,7	18,8	8,2	8,6	3,6
3. Скорее не важно	0,9	3,9	1,9	1	0,3
4. Абсолютно не важно	0,3	1	0,2	0,2	0,4
Друзья					
1. Очень важно	56,7	45,2	71,2	57,9	64,6
2. Скорее важно	34,6	47,8	26,5	39,1	31,2
3. Скорее не важно	7,1	6,5	2,1	2,5	3,8
4. Абсолютно не важно	1,1	0,5	0	0,5	0,3
Свободное время					
1. Очень важно	44,5	27,6	54,2	48,5	42,4
2. Скорее важно	39,7	51,8	39,8	44,3	48,3
3. Скорее не важно	13,3	18,4	5,5	6,2	8,8
4. Абсолютно не важно	1,9	2,2	0,4	1	0,3
Политика					
1. Очень важно	9,8	8,1	12	5,3	15,6
2. Скорее важно	25,2	30	43,8	28,8	41,5
3. Скорее не важно	46,0	42,5	36,6	36,4	34,8
4. Абсолютно не важно	18,3	19,4	7,5	29,6	7,9
Работа					
1. Очень важно	60,6	50,3	54,5	40,1	53,3
2. Скорее важно	26,2	31,1	36,6	38,7	36,1
3. Скорее не важно	7,1	11	5,6	11,1	7,1
4. Абсолютно не важно	5,3	7,6	3,4	10,1	3,2
Религия					
1. Очень важно	20,2	6,6	10,8	12,6	58,3
2. Скорее важно	35,7	21,6	24,2	24,2	24,7
3. Скорее не важно	30,8	30,6	42,8	33,4	12,1
4. Абсолютно не важно	12,8	41,2	22,2	29,9	4,6

Если говорить о динамике значимости ценностей, то отношение к друзьям демонстрирует общий рост их значимости в последние годы, и близость показателей других приведенных стран (кроме Швеции, где значимость данной ценности заметно выше).

Из других особенностей динамики значимости разных сфер жизни для россиян стоит упомянуть, что заметно выросла для них значимость свободного времени. В итоге по его роли в жизни своих граждан наша страна находится сейчас между Германией, с одной стороны, и Швецией и Великобританией с другой, будучи по этому показателю очень близка к США.

²¹ В таблице не указаны затруднившиеся с ответом. Данные по Великобритании, Германии, Швеции и США приводятся по исследованию World Value Survey (WVS) 1999г. Данные по России (2007 г.) для корректности сравнений приведены по населению в целом, а не возрастным когортам до 65 лет.

Зато по отношению к работе россияне демонстрируют наибольшую из всех рассматриваемых стран «включенность» в нее – это очень важная сфера жизни для 61% наших сограждан, а если взять только работающую часть населения, то этот показатель возрастает до 67%. При этом и в 1999г. Россия также отличалась от других стран в отношении этого показателя в бóльшую сторону – тогда работа была очень важна для 58% россиян, и еще для четверти населения она была «скорее важна».

С одной стороны, это позволяет лучше понять очень значимую роль профессиональных идентичностей в жизни россиян. С другой же стороны, может свидетельствовать о том, что, если говорить о специфике национальной идентичности в данном вопросе, то к ней относится повышенная значимость работы. Однако если глубже проанализировать имеющиеся результаты исследований, то и в этом вопросе россияне не уникальны – во всяком случае, в 1990-м году, судя по данным WVS на тот период, ситуация была обратной. Тогда в России работа была очень значима для 46%, в Швеции – для 67%, в США – для 62%. Однако в последние 17 лет динамика изменений в этом вопросе в России и Швеции или США носила диаметрально противоположный характер.

Несколько особняком стоит отношение россиян к политике и религии, которые являются не слишком важными для них сферами жизни. Тем не менее, по отношению к политике Россия ничем не выделяется в общем ряду рассматриваемых стран, практически совпадая в этом отношении с Германией. В отношении же религии она находится между старой Европой, для которой религия относительно менее важна, и США, где значимость религии несопоставимо выше.

Тем не менее, как видим, *значимость тех или иных сфер жизни для россиян никаких качественных особенностей по сравнению с ситуацией в ряде других стран не имеет*. Учитывая это, не удивительно, что нет в этом вопросе и сколько-нибудь существенных различий между модернистами и традиционалистами (за исключением гораздо большей значимости для последних религии), а также между разными возрастными группами (за исключением большей значимости для групп старше 55 лет религии, и большей значимости для молодежи друзей и свободного времени). Таким образом, специфика национальной идентичности россиян заключается в сфере ценностей явно не в этом.

Посмотрим теперь на то, какие качества россияне считают важными воспитывать в детях – возможно при этом их реальные жизненные приоритеты станут очевиднее (см. табл. 15).

**Мнения жителей разных стран о том, что они считают особенно важным
воспитать в детях, в %²²**

	<i>Россия</i>	<i>Германия</i>	<i>Швеция</i>	<i>Великобритания</i>	<i>США</i>
Независимость	52,5	<u>69,3</u>	<u>68,6</u>	<u>53,4</u>	<u>62,0</u>
Трудолюбие	91,0	22,5	4,1	37,9	<u>59,6</u>
Чувство ответственности	85,9	81,3	86,7	<u>55,8</u>	72,0
Воображение	29,4	28,0	<u>40,9</u>	38,3	29,6
Толерантность и уважение к другим людям	<u>64,4</u>	70,3	92,3	83,0	79,8
Бережное отношение к деньгам и вещам	<u>63,9</u>	<u>39,5</u>	30,0	31,9	22,8
Решительность, настойчивость	<u>64,8</u>	<u>48,0</u>	29,5	40,3	44,6
Религиозность	21,6	10,8	4,8	16,7	<u>53,4</u>
Доброжелательность	61,7	8,6	<u>33,2</u>	60,2	39,1
Смирение	11,7	13,9	12,2	<u>46,8</u>	32,3

Как видим, в отличие от оценки значимости сфер жизни, в вопросе об оценках значимости качеств, которые необходимо воспитывать в детях, россияне действительно имеют заметные отличия от граждан других стран. Во-первых, они вообще гораздо активнее отвечали на этот вопрос, полностью используя предоставленную им возможность назвать пять качеств (а иногда называя даже шестое), так что среднее число выборов ответов составило у них 5,35. В то же время для Германии данный показатель составил 3,92, для Швеции – 4,02, для Великобритании – 4,64, для США – 4,95. И это свидетельствует об *относительно большей озабоченности россиян данной проблемой.*

Во-вторых, в России несколько *иначе выглядят лидеры списка.* Так, для всех стран со старыми демократическими традициями в два наиболее значимых качества входят *толерантность и уважение к другим людям.* Для большинства россиян (64%) они также важны, но все же занимают лишь четвертое место в рейтинге желаемых для своих детей особенностей характера. Зато на первом месте для наших сограждан оказывается *трудолюбие*, относительно неважное для стран старой Европы, постепенно переходящим к ценностям постмодерна, и уже давно миновавших этап, когда трудолюбие было условием не только жизненного успеха, но и элементарного выживания. Правда, воспитывать детей трудолюбивыми считают важным большинство американцев (60%), но, во-первых, это все-таки не 91%, как в России, а во-вторых, в

²² В таблице не указаны затруднившиеся с ответом. Данные по Великобритании, Германии, Швеции и США приводятся по исследованию World Value Survey (WVS) 1999г. Данные по России (2007 г.) для корректности сравнений приведены по населению в целом, а не возрастным когортам до 65 лет. Жирным выделены две лидирующие позиции в рейтинге желаемых качеств, а подчеркиванием и курсивом – три следующие по значимости качества, поскольку формулировка вопроса допускала выбор не более пяти позиций.

США трудолюбие занимает в рейтинге желаемых качеств лишь четвертое, а не первое место.

Зато *чувство ответственности* у подрастающего поколения граждан своей страны россияне и жители Германии или Швеции хотели бы видеть примерно в равной степени, а США и Великобритания по этому показателю даже отстают от россиян. Впрочем, возможно, столь большое внимание данному качеству россияне уделяют потому, что чувствуют – именно это их слабая сторона, ведь необязательность сочли чертой национального характера русских 53% всех опрошенных россиян, а расхлябанность – 60%. Подобная же мотивация, видимо, лежит и в основе их внимания к воспитанию трудолюбия – 60% россиян считают лень отличительной чертой национального характера.

Таким образом, *наши сограждане осознают некоторые свои слабые стороны, воспринимают их как очень значимые в условиях рыночной экономики* (так, значимость чувства ответственности с 1990г. выросла на 16%) *и хотели бы видеть их искорененными в следующих поколениях россиян.*

В-третьих, *для граждан нашей страны гораздо важнее, чем для граждан всех остальных рассматриваемых стран, воспитание в детях решительности, настойчивости и бережного отношения к деньгам и вещам.* Кроме россиян в числе пяти наиболее значимых качеств их назвали только немцы. Не вошла в «российскую пятерку», но все же набрала 62% голосов и доброжелательность – видимо, это отражение актуализации потребности в данном качестве в ответ на ухудшение межличностных отношений в российском обществе в последние полтора десятилетия.

В-четвертых, *есть качества, имеющие для россиян относительно меньшее значение, чем для жителей старой Европы и США. Это смирение и воображение.* Что же касается религиозности, то ее назвали качеством, на которое надо обращать внимание при воспитании детей, 22% российских граждан (при 18% в возрастных когортах до 45 лет и 24-27% в более старших возрастных когортах – и это единственное качество, которое представители разных возрастных когорт с разной частотой хотели бы видеть в детях). Таким образом, внимание россиян к религиозности детей больше, чем в Европе, но заметно меньше, чем в США, *и в этом вопросе картина практически воспроизводит ту, которая была обрисована выше по отношению к роли религии в жизни респондентов из разных стран.*

Наконец, в-пятых, интересна динамика значимости отдельных качеств в восприятии россиян. Резко (на 24%) выросла за период с 1990г. роль независимости при одновременном сокращении (более чем в полтора раза) роли смирения. Заметно выросла и роль воображения, на которое в числе важных качеств в 1990 г. указывали

лишь 11%. Это значит, что *то отставание, которое по оценке значимости таких качеств как независимость и воображение наблюдается в современной России, вряд ли может рассматриваться как особенность национального менталитета, или, по крайней мере, это постепенно перестает быть его особенностью.*

С вопросом о значимости воспитания тех или иных качеств теснейшим образом связана проблема типа локус-контроля, характерного для жителей нашей страны. Именно локус-контроль, демонстрирующий, считает ли человек себя игрушкой в руках судьбы и обстоятельств или же творцом своей жизни, самостоятельно и сознательно конструирующим свой жизненный путь, во многом предопределяет и степень распространенности патерналистских ожиданий – традиционную для России проблему.

Как показывают данные проведенного исследования, в настоящий момент для россиян характерно четкое доминирование внешнего локус-контроля, т. е. в большинстве своем (56%) жители России убеждены, что у них нет возможности выбора, и они не в состоянии повлиять на собственную жизнь (см. рис. 21). Интересно заметить: тип локус-контроля обычно прямо связывается либо с западным, либо с восточным типом цивилизации, и, как показывает сравнительный анализ, по этому показателю Россия сегодня заметно отличается как от Японии, Китая, так и от США, Германии и Великобритании.

Рисунок 21

Распространенность внешнего и внутреннего локус-контроля у граждан разных стран мира, в %²³

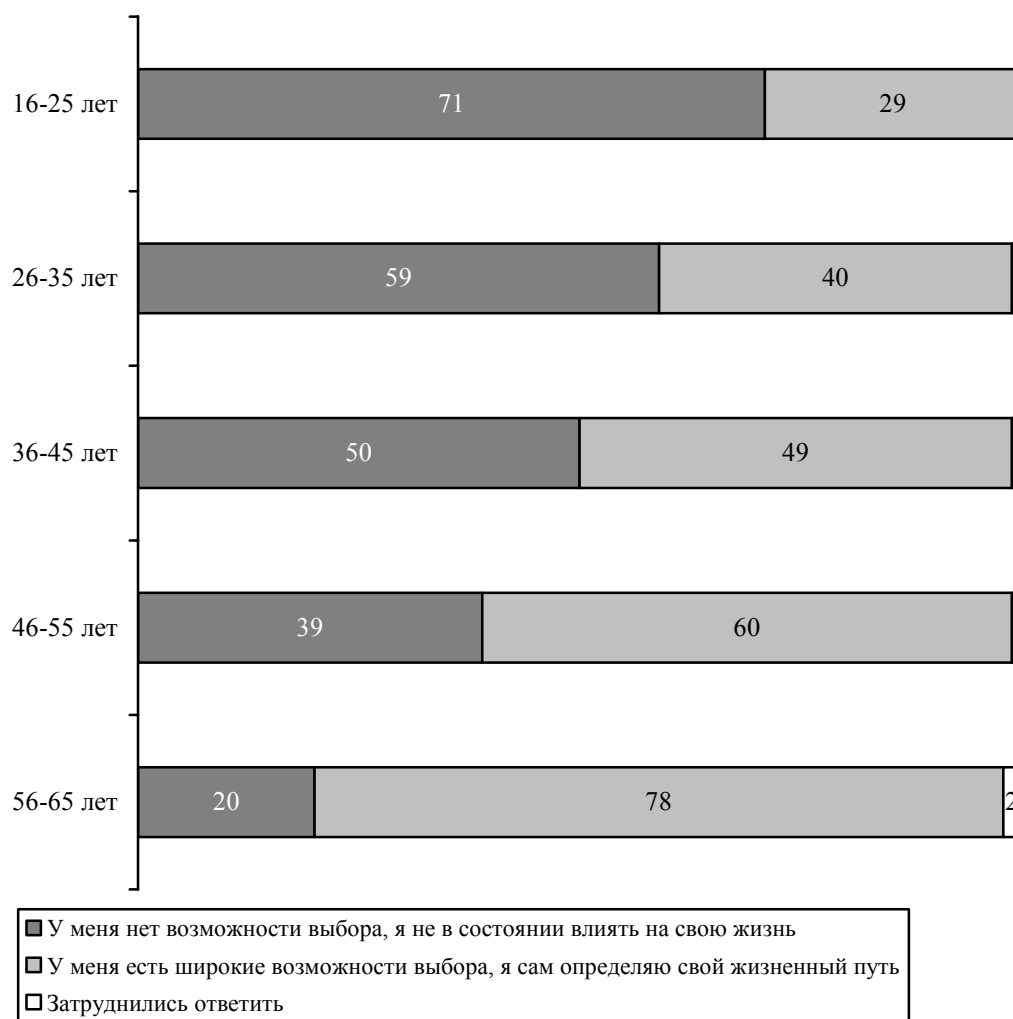
²³ Данные по Великобритании, Германии, США, Японии и Китаю приводятся по исследованию World Value Survey (WVS) 1999г. Данные по России (2007 г.) для корректности сравнений приведены по населению в целом, а не возрастным когортам до 65 лет.

В то же время нельзя не отметить, что, хотя внешний локус-контроль всегда был характерен для России в гораздо большей степени, чем для стран старой Европы и США, но в 1990г. разрыв в этом вопросе между ними был несопоставимо меньше, чем сейчас. Если тогда, например, в России лишь 38% россиян полагали, что у них нет возможности выбора и они не в состоянии повлиять на собственную жизнь, то в Германии так считали 28%, в Великобритании – 29%. В Японии же по данным исследования WVS число сторонников этой точки зрения составляло в 1990г. 43%, так что по этому показателю она даже обгоняла тогда Россию. Однако вступление в эпоху демократических преобразований и рыночных отношений, которая, казалось бы, должна была раскрепостить россиян, предоставить им новые права, свободы и возможности, привело к прямо обратному результату. Последние 17 лет развитие не только России и Запада, но и России и Японии движется в диаметрально противоположном направлении.

Вот почему нам представляется, что *распространенность внешнего локус-контроля в современной России – результат не столько особенностей национального менталитета* (хотя в этом вопросе он, несомненно, имеет определенное значение), *сколько тех объективных и очень тяжелых обстоятельств, в которые попало большинство жителей России в последние полтора десятилетия, тех структурных ограничений, с которыми они вынуждены сталкиваться буквально на каждом шагу.* В этой связи нельзя не вспомнить приводившиеся выше данные о распространенности среди наших сограждан чувства беспомощности повлиять на происходящее вокруг них чувство, которое часто или иногда испытывают около 90% притом, что почти 80% всех россиян хотя бы иногда ощущают, что дальше так жить нельзя.

О том, что *в основе доминирования внешнего локус-контроля лежат не столько особенности национального менталитета, сколько реальности объективно сложившейся в России ситуации,* свидетельствует и распределение ответов о возможности влиять на свою судьбу у разных возрастных когорт. Во всяком случае, в когортах до 35 лет, характеризующихся относительно большей востребованностью на рынках труда, свойственным молодежи оптимизмом и относительно меньшим жизненным опытом, отчетливо доминирует внутренний локус-контроль, в когорте 36-45 лет его распространенность сравнима с внешним локус-контролем, а после 45 лет распространенность внешнего локус-контроля резко нарастает (см. рис. 22).

Распространенность внешнего и внутреннего локус-контроля у представителей разных возрастных когорт, в %²⁴

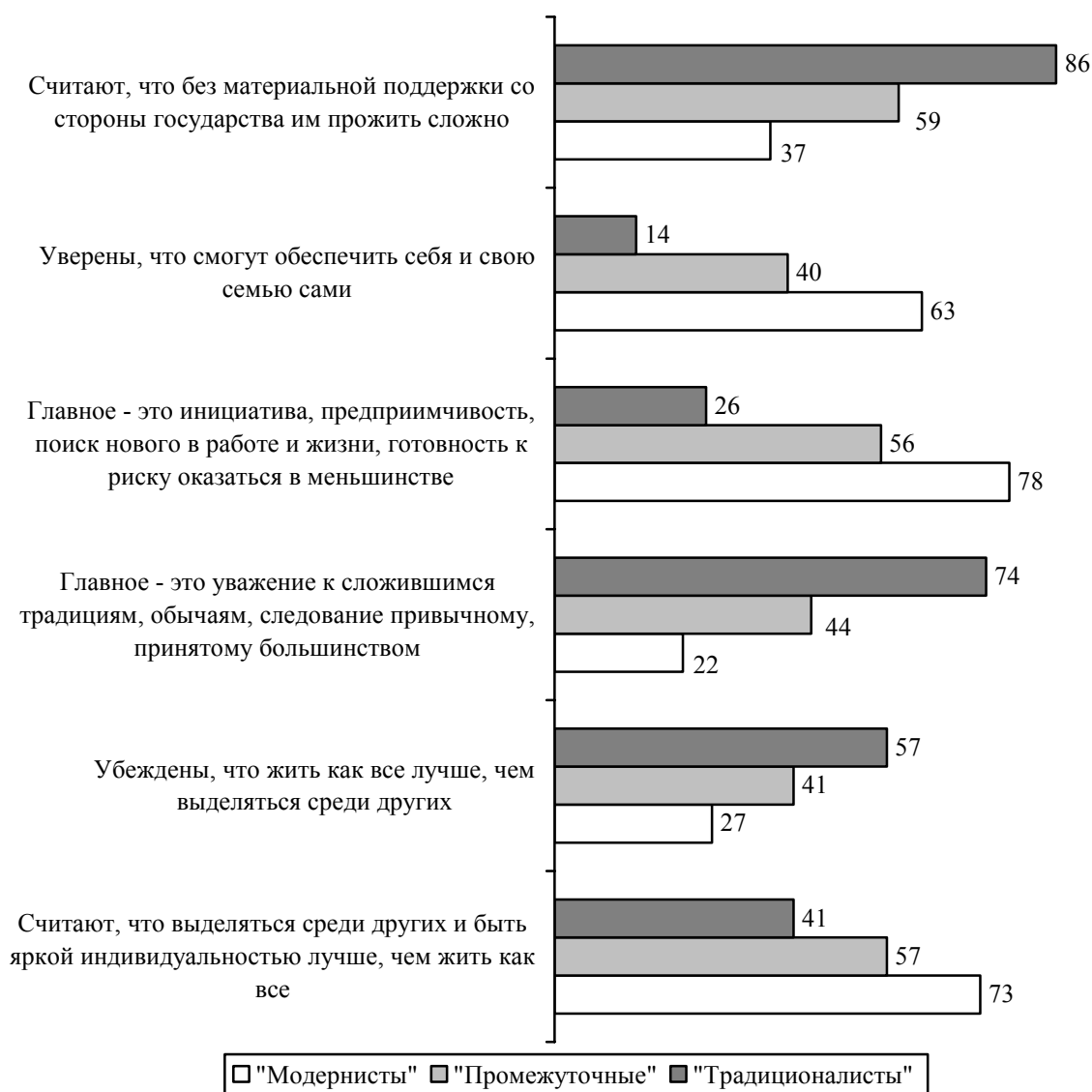
Именно собственной беспомощностью изменить неприемлемые обстоятельства жизни во многом объясняется и то, что традиции патернализма по-прежнему доминируют в сознании большинства россиян. Не случайно 62% опрошенных (что на 3% больше, чем в 2004 г.) признались в 2007 г., что без материальной поддержки со стороны государства им выжить сложно. Убеждены, что они сами смогут обеспечить себя и свою семью, в полтора раза меньше – 37%. При этом наибольших значений последний показатель достигает в возрастных когортах 16-35 лет (42%), а наименьших – в когорте 56-65-летних, где даже среди работающих он составляет всего 20% (по неработающим же не превышает 14%).

²⁴ Данные по Великобритании, Германии, США, Японии и Китаю приводятся по исследованию World Value Survey (WVS) 1999г. Данные по России (2007 г.) для корректности сравнений приведены по населению в целом, а не возрастным когортам до 65 лет.

Очень заметны различия в этом вопросе и между представителями различных мировоззренческих групп (см. рис. 23), что во многом связано с характерными для модернистов инициативностью и нонконформизмом, с одной стороны, и уважением к традициям и склонностью к конформизму у традиционалистов, с другой.

Рисунок 23

Специфика ценностных ориентаций в группах с разным типом ментальности (выбор в альтернативных парах суждений), в %²⁵

Существенные различия в этом вопросе наблюдаются и между разными возрастными когортами, хотя если в вопросе о нонконформизме и следовании традициям эти различия носят качественный, то в вопросе о возможности обойтись без материальной помощи государства – количественный характер, и ожидания такой поддержки доминируют во всех возрастных когортах (см. табл. 16).

²⁵ На рисунке не указаны затруднившиеся с ответом.

**Специфика некоторых ценностных ориентаций в разных возрастных когортах
(выбор в альтернативных парах суждений), в %²⁶**

Позиции	Возрастные когорты				
	16-25 лет	26-35 лет	36-45 лет	46-55 лет	56-65 лет
Ценности (выбор в альтернативных парах)					
Я уверен(а), что смогу обеспечить себя и свою семью сам(а), и потому не нуждаюсь в материальной помощи со стороны государства	42	41	37	33	16
Без материальной поддержки со стороны государства мне и моей семье выжить сложно	56	58	63	67	83
Главное – это уважение к сложившимся традициям, обычаям, следование привычному, принятому большинством	37	44	55	55	65
Главное – это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, готовность к риску оказаться в меньшинстве	63	54	45	45	34
Выделяться среди других и быть яркой индивидуальностью лучше, чем жить как все	73	59	57	52	37
Жить как все лучше, чем выделяться среди других	25	39	42	47	61

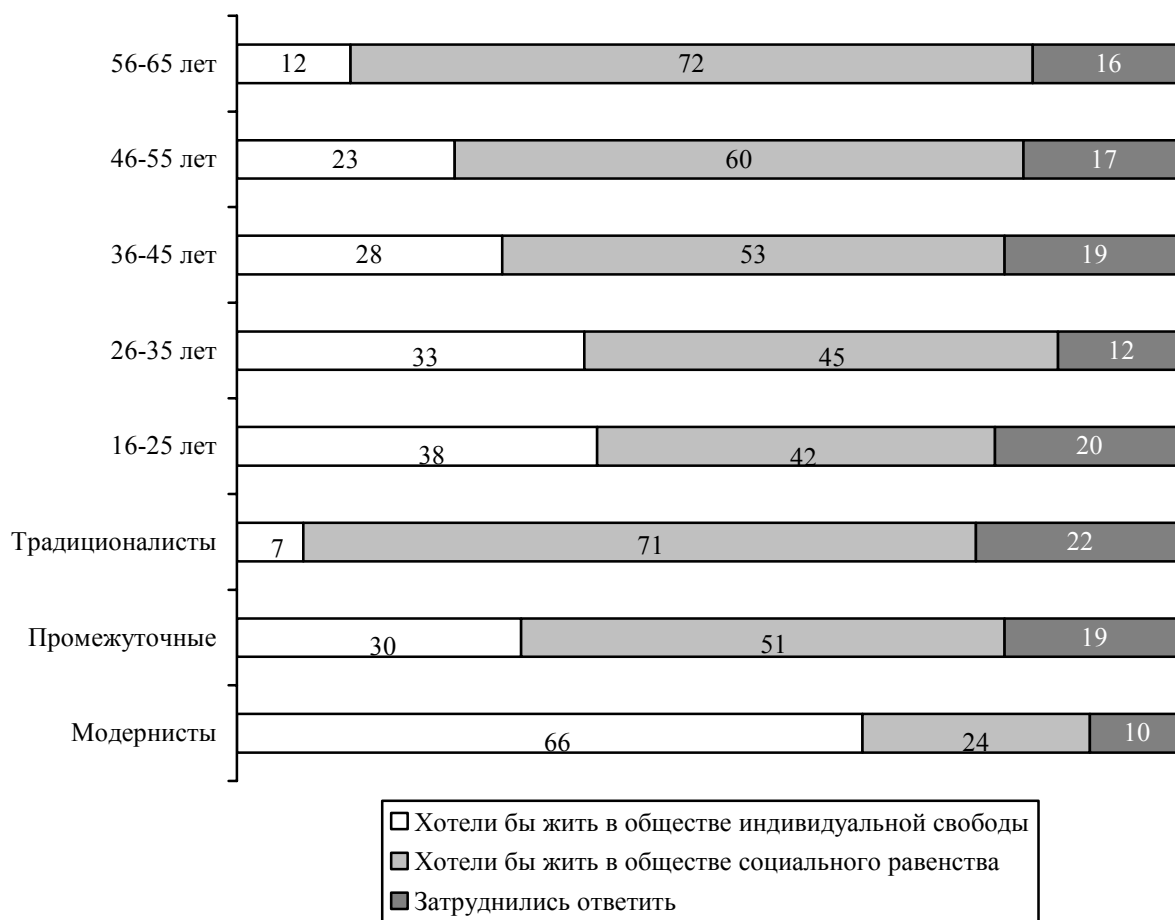
Учитывая вышесказанное, не удивительно, что, хотя для *модернистов идеальная модель общества – это, скорее, общество индивидуальной свободы, в то время как для традиционалистов это, безусловно, общество социального равенства*, по возрастным когортам распределение их сторонников и противников далеко не столь однозначно (см. рис. 24). Во всех без исключения возрастных когортах доминирует стремление к обществу социального равенства, а после 35 лет это стремление разделяют уже большинство представителей соответствующей возрастной группы.

В этой связи надо отметить, что в целом *жить в обществе индивидуальной свободы в 2007 г. предпочли всего около четверти россиян в возрасте 16-65 лет (24%)*, и этот показатель практически совпадает с данными 1998 г. и 2004 г. Большинство же (54% в 1998 г., 50% в 2004 г. и 55% в 2007 г.) выбрало общество социального равенства²⁷.

²⁶ В таблице не указаны затруднившиеся с ответом.

²⁷ Остальные затруднились с ответом.

Предпочтительный тип общества в разных возрастных когортах и в группах с разным типом ментальности, в %

Впрочем, и это очень важно, когда россияне говорят о социальном равенстве, то они имеют в виду не столько равенство доходов, положения и условий жизни, сколько равенство возможностей для проявления способностей каждого. Во всяком случае, 59% россиян в возрасте от 16 до 65 лет именно так расставили свои приоритеты, и лишь 40% сочли более важным равенство доходов и условий жизни, причем по разным возрастным когортам это распределение было почти одинаковым и доля сторонников равенства возможностей колебалась от 53% в группе 56-65-летних, до 62% у 25-36-летних. Симптоматично и то, что в данном вопросе почти не было затруднившихся с ответом, т.е. вопрос о сути равенства, его желаемой и справедливой модели россиянами уже давно решен (о чем говорят также и данные многолетнего мониторинга ценностей россиян, который ведется нами в ходе общероссийских исследований, где число предпочитающих равенство возможностей вот уже свыше 10 лет больше предпочитающих равенство доходов). Причем, даже в группе традиционалистов доля сторонников равенства доходов и равенства возможностей

очень близки (51% и 48% соответственно). У «промежуточных» доли их сторонников выглядят, соответственно, как 34:65, а у модернистов – как 23:77.

Вопрос о роли индивидуальной свободы носит для россиян далеко не декларативный характер и прямо связан для них с возможностью и необходимостью самим решать свои проблемы и отвечать за собственное благополучие. Во всяком случае, свыше половины сторонников общества индивидуальной свободы заявили о том, что они не нуждаются в помощи государства для решения собственных проблем, в то время как среди сторонников общества социального равенства эта доля была вдвое меньше (27%).

С пониманием равенства, прежде всего, как равенства возможностей связана и проблема роли свободы в жизни россиян и их понимания сути этой свободы, также имеющее в разных возрастных когортах почти одинаковую картину (см. табл. 17). Как видно из таблицы 17, во всех возрастных когортах понимание свободы как возможности быть самому себе хозяином находится вокруг показателя 52%, который является средним по населению страны. Значимость свободы, как смысложизненной ценности, постепенно убывает от младшей к старшей возрастной когорте, хотя даже среди россиян 56-65 лет остается доминирующей.

Таблица 17

**Специфика свободы как ценностной ориентации россиян
в разных возрастных когортах, в %²⁸**

Позиции	Возрастные когорты				
	16-25 лет	26-35 лет	36-45 лет	46-55 лет	56-65 лет
Ценности (выбор в альтернативных парах)					
Свобода – это возможность быть самому себе хозяином	55	53	53	50	51
Свобода человека реализуется в его политических правах и свободах	45	47	46	49	48
Свобода – то, без чего жизнь человека теряет смысл	73	67	63	60	53
Главное в жизни – материальное благополучие, а свобода второстепенна	26	32	36	39	45

Итак, если говорить о нынешнем состоянии национальной идентичности россиян, то в ней можно выделить как действительно являющиеся выражением национальной культуры особенности, так и такие, обусловленные печальным опытом

²⁸ В таблице не указаны затруднившиеся с ответом.

последних полутора десятилетий и сложившейся сегодня в России ситуации, характерные черты, которые есть большой соблазн приписать «национальному менталитету», но которые на самом деле не являются таковыми или лишь отчасти могут быть названы его следствиями (как, например, пресловутые патерналистские ожидания).

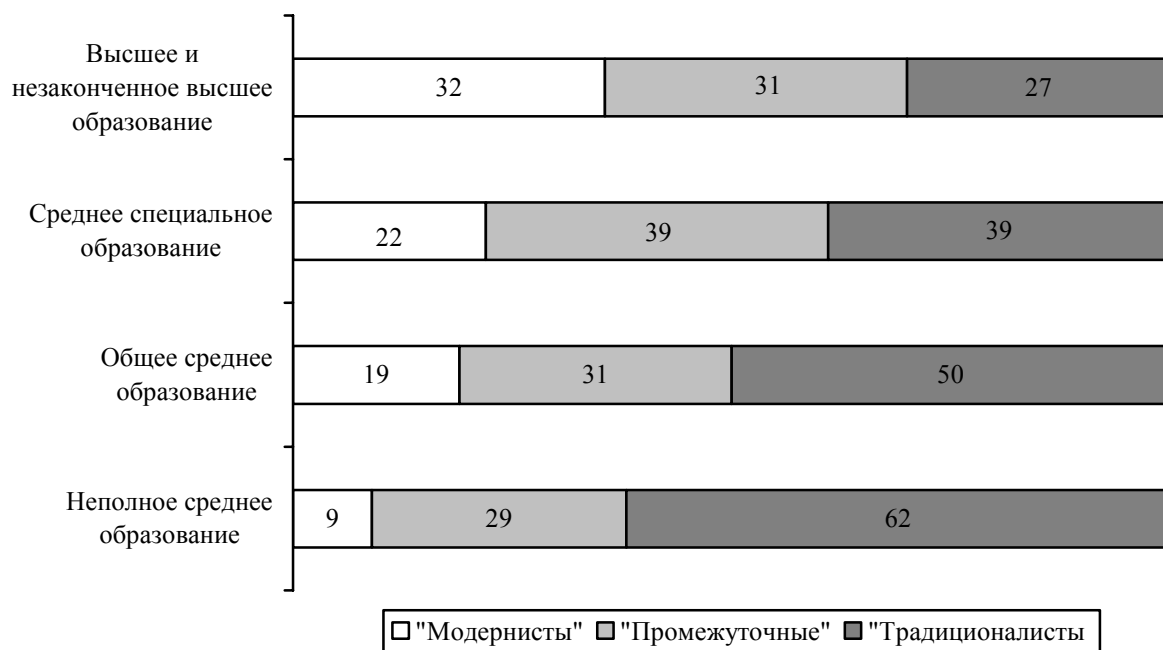
Более того – *в российском обществе сосуществуют сегодня, фактически, как минимум два во многом (но далеко не во всем!) полярных типа мировоззрения, отражающих на микроуровне переход от традиционной для России модели развития к той его модели, которая характерна для западных обществ. Ведь, как уже отмечалось выше, модель общества, характерная для эпохи модерна, предполагает и формирование качественно иного типа личности, в котором стремление к свободе сочетается с индивидуальной ответственностью, инициативность соседствует с дисциплинированностью, а понимание эффективности конкуренции дополняется идеями солидарности и взаимоподдержки всех членов общества. Выше были продемонстрированы также и особенности формирования в сегодняшней России соответствующих качеств у ее граждан.*

От чего зависит принадлежность россиян к носителям принципиально разных типов ментальности? Как показали результаты исследования, в первую очередь, – *это условия социализации, тот социальный контекст, в котором происходит воспитание и становление личности, а также во многом обусловленные особенностями социализации и образования тип деятельности самих респондентов.*

Так, очень ярко проявляется влияние на тип мировоззрения самих респондентов уровня образования их матерей (см. рис. 25), хотя даже наличие у последних высшего образования не значит, что их дети станут модернистами – последнее скорее результат индивидуальной жизненной позиции людей, на которую оказывает влияние целый ряд факторов.

Кроме того, заметно влияет на тип мировоззрения и собственное образование респондентов – среди имеющих не более общего среднего образования большинство традиционалисты, а среди имеющих высшее их доля не превышает 40%. Приведенные данные означают, что *только по мере общего роста уровня образованности населения в России завершится этап социокультурной модернизации и можно будет говорить о завершении формирования нового типа национальной идентичности, характерной для обществ западного типа.*

**Доля россиян, выросших в семьях с различным уровнем образования матери,
в составе групп с разным типом мировоззрения, в %**

Однако это не означает, что данный процесс завершится только в том случае, если большинство населения вырастет в семьях с высшим образованием родителей или само получит высшее образование, ведь на формирование того или иного типа мировоззрения оказывают влияние и другие факторы, среди которых, в первую очередь, следует назвать включенность в пользование новыми информационными технологиями (среди модернистов почти две трети пользуются компьютером, и свыше трети делает это ежедневно, а среди традиционалистов картина прямо обратная – 60% им не пользуются и лишь 15% пользуются им ежедневно). Значим здесь и тип деятельности респондентов – хотя во всех профессиональных группах доля модернистов меньше, чем доля традиционалистов, все же число последних составляет среди специалистов, например, 38%, среди рабочих – половину, а среди пенсионеров почти две трети. Не стоит забывать и об эффекте тиражирования в широких слоях населения эффективных и характерных в первую очередь для относительно более благополучных слоев общества установок и поведенческих практик, который также будет работать на ускорение завершения процесса социокультурной модернизации (разумеется, если соответствующие практики окажутся в российских условиях успешными).

Таким образом, на смену типа мировоззрения у россиян будет оказывать влияние и рост их образованности, и изменение профессиональной структуры

российской экономики, и рост включенности россиян в использование современных информационных технологий, и многие другие факторы. Однако при этом стоит помнить, что автоматически, по мере смены поколений, без действия этих дополнительных факторов, завершение социокультурной модернизации России не произойдет – ведь даже среди молодежи до 25 лет доля модернистов составляет всего 27%, и в последние годы эта доля скорее сокращается, чем растет.

6. Демократические ценности в структуре массового сознания россиян

Прошедшие пятнадцать лет в современной российской истории ознаменовались глубокими переменами в политической жизни страны. Но, несмотря на масштабность этих изменений, посткоммунистическая Россия до сих пор характеризуется многими российскими и зарубежными аналитиками как общество «переходного типа», перспективы эволюции которого в направлении демократии представляются весьма неопределенными. Причем, в числе главных препятствий развитию демократии в России все чаще называют не только власть, но и само общество, которое якобы в ней разочаровалось. Однако, исследования последних лет, причем разных социологических центров, свидетельствуют о том, что ситуация с демократией в России и ее восприятием населением страны выглядит не столь однозначной, одномерной и безысходной, как это иногда представляется.

Прежде всего, следует отметить, что у россиян нет особых проблем с пониманием того, что есть демократия, а что – нет. Само это понимание сложилось еще в «перестроечные» времена и в целом мало отличается от общепринятого в мире. До сих пор значительное число россиян сохраняют приверженность многим демократическим ценностям и институтам, запрос на которые сформировался еще в конце 80-х – начале 90-х годов: выборности органов власти, свободе слова и печати, свободе передвижения, включая свободу выезда за рубеж, свободе предпринимательства. Причем, за последние десять лет каких-то принципиальных изменений в отношении россиян к этим ценностям и институтам не произошло.

Несколько более сложное отношение россиян к партийной системе – лишь чуть более трети опрошенных (36%) признают ее важность, тогда как 43% считает, что без нее можно обойтись. В первую очередь такое отношение связано с тем, что партии в политической жизни страны до последнего времени играли второстепенную роль, не оказывая особого влияния на принятие важных государственных решений, а, следовательно, и на жизнь людей (см. табл. 18).

**Представления граждан о том, что для них важно, а что не важно
в современном российском обществе, в %
(допускался один ответ по каждой позиции)**

	1997 г.	2000 г.	2003 г.	2007 г.
Многopартийность				
Важно	39	26	29	36
Не важно	36	50	50	43
Затруднились ответить	25	24	21	21
Наличие представительных органов власти (Совета Федерации, Госдумы, др.)				
Важно	50	39	50	50
Не важно	20	33	25	28
Затруднились ответить	30	29	26	22
Свобода предпринимательства				
Важно	63	57	62	58
Не важно	16	22	19	23
Затруднились ответить	22	21	19	19
Свобода слова и СМИ				
Важно	86	77	75	70
Не важно	5	10	12	17
Затруднились ответить	9	13	14	13
Свобода выезда за границу				
Важно	68	52	56	60
Не важно	17	30	30	25
Затруднились ответить	15	18	15	15
Выборность органов власти				
Важно	76	64	77	70
Не важно	9	15	10	15
Затруднились ответить	15	21	13	15

В наибольшей степени демократические права и институты востребованы высоко и средне материально обеспеченными респондентами, имеющими более высокий уровень образования представителями средних возрастных групп. То есть, наиболее зрелыми в социальном и гражданском смысле людьми. Достаточно высок уровень дифференциации оценок и среди респондентов, выделенных по линии «традиционализма–модернизма». «Продвинутые» слои населения гораздо чаще признают важность базовых ценностей и институтов, в том числе и потому, что у них больше возможностей их осваивать практически. В первую очередь это относится к свободе предпринимательской деятельности и свободе передвижения. Единственное исключение – выборность органов власти, где и «традиционалисты» и «модернисты» практически единодушны в оценках, что связано, по всей видимости, с тем, что для традиционалистки ориентированного большинства общества выборы являются чуть ли не единственной возможностью как-то повлиять на то, что происходит в стране, что называется, хотя бы в чем-то уравнивать свои шансы (см. табл. 19.).

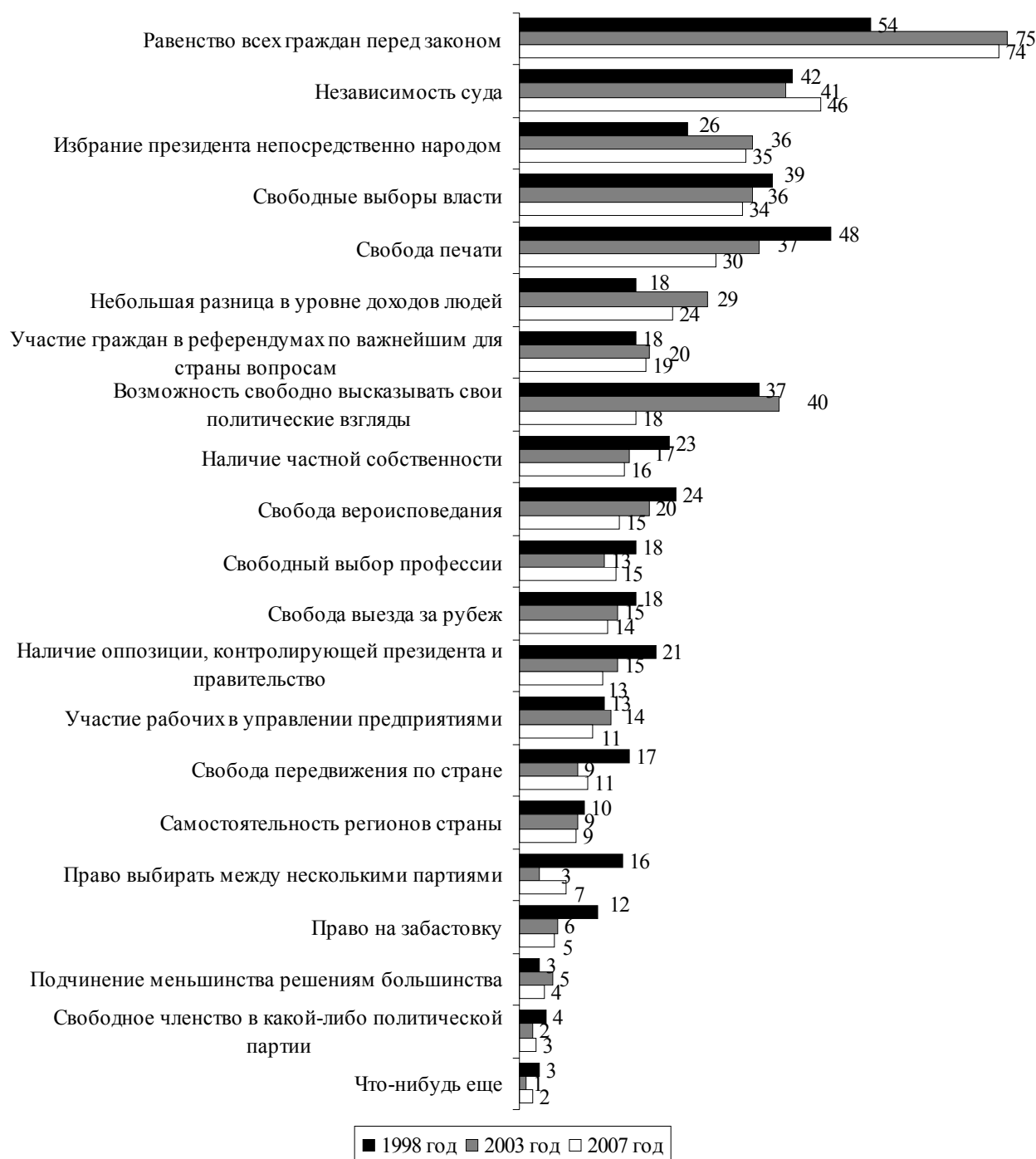
**Представления граждан о том, что для них важно, а что не важно
в современном российском обществе, в %
(допускался один ответ по каждой позиции)**

	<i>Все опрошенные</i>	<i>Традиционалисты</i>	<i>Промежуточные</i>	<i>Модернисты</i>
Многopартийность				
Важно	36	28	41	54
Не важно	43	48	40	34
Затруднились ответить	21	24	19	12
Наличие представительных органов власти (Совета Федерации, Госдумы, др.)				
Важно	50	48	49	59
Не важно	28	29	28	27
Затруднились ответить	22	24	23	15
Свобода предпринимательства				
Важно	58	51	65	77
Не важно	23	28	19	12
Затруднились ответить	19	21	16	11
Свобода слова и СМИ				
Важно	70	63	74	85
Не важно	17	23	15	9
Затруднились ответить	13	14	11	6
Свобода выезда за границу				
Важно	60	52	68	78
Не важно	25	32	20	14
Затруднились ответить	15	16	13	7
Выборность органов власти				
Важно	70	68	72	73
Не важно	15	15	15	16
Затруднились ответить	15	17	13	11

Отвечая на вопрос, что нужно для эффективного функционирования демократической системы, респонденты назвали те критерии и элементы, которые имеют первостепенное значение для нынешнего состояния общества. Это, прежде всего, равенство всех граждан перед законом, независимое судопроизводство, политический плюрализм, свободные выборы, включая выборы главы государства, а также отсутствие чрезмерной социально-имущественной дифференциации (см. рис. 26).

Результаты наших исследований свидетельствуют о том, что за последние почти десять лет под влиянием социальной и политической практики представления россиян о важности тех или иных слагаемых демократии претерпели определенные изменения.

Что, по мнению россиян, из приведенного списка абсолютно необходимо для того, чтобы можно было бы сказать «да, без этого демократии быть не может», в %²⁹

На протяжении всего периода наблюдений сверхактуальной была и остается правовая основа демократического государства и независимое судопроизводство, значимость которой за эти годы даже возросла. Напротив, по очень многим другим позициям актуальность снижается – это, прежде всего, свобода печати и возможность свободно

²⁹ Сумма ответов превышает 100%, так как респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов.

высказывать свои политические взгляды. При сохранении значимости выборов как необходимого инструмента легитимации власти, идет заметное снижение доли респондентов, полагающих, что демократию трудно себе представить без политической конкуренции и наличия оппозиции. Это весьма тревожный симптом, свидетельствующий о некоторых «возвратных тенденциях», в том числе и в массовом сознании, когда сохраняются формальные выборные процедуры, но резко сужается свобода представления альтернативных точек зрения в СМИ и равных условия для деятельности политических партий.

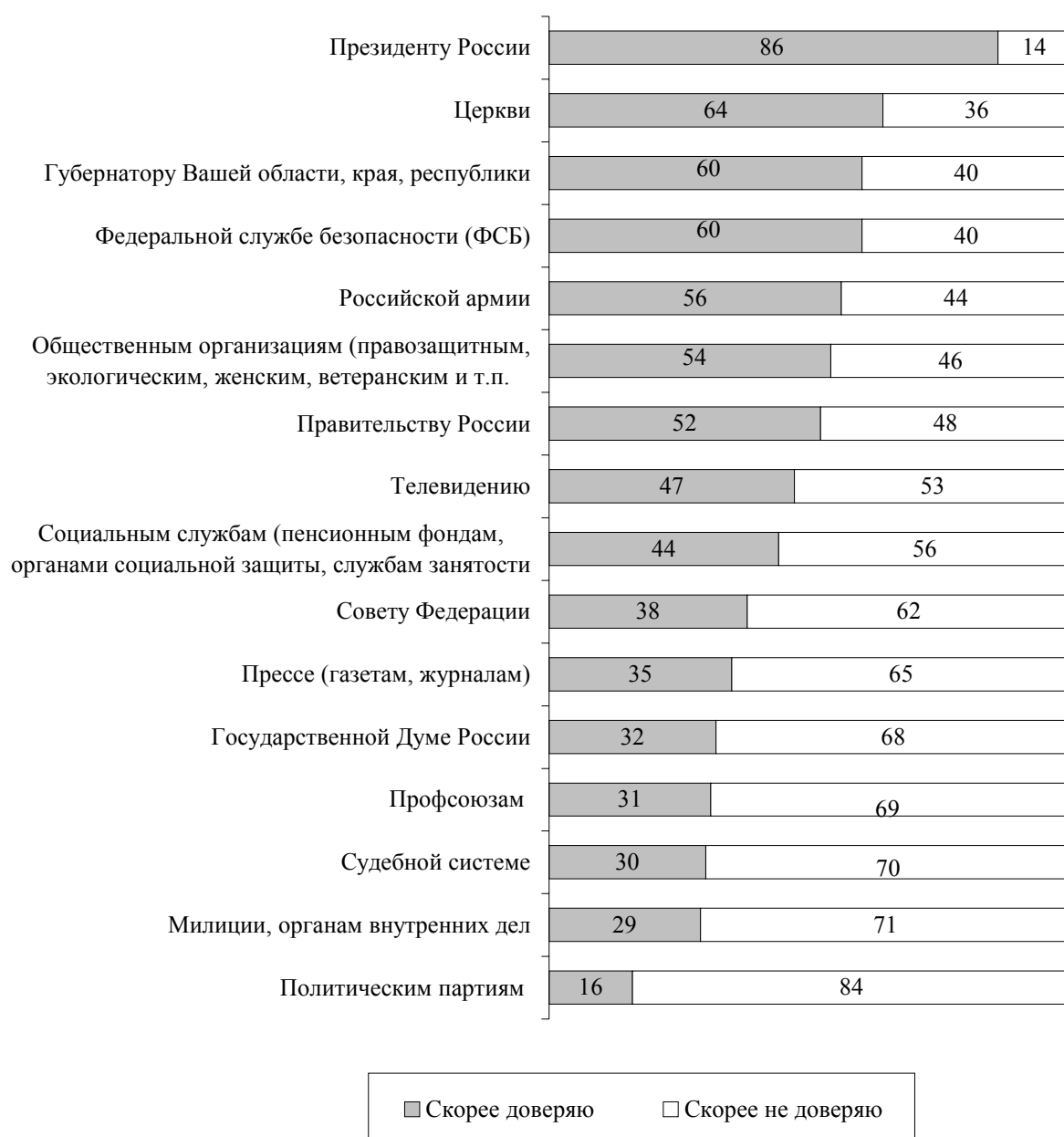
Исследование также показало, существенно менее значимыми, чем политические права и свободы для многих россиян оказались инструментальные ценности (участие рабочих в управлении предприятиями, право на забастовку и др.). Это говорит о несколько поверхностно-формальном восприятии демократии как ценности, которое сродни «правильному» ответу школьника на поставленный вопрос, который демонстрирует хорошие знания, но не обязательно предполагает их использовать на практике.

Отчасти это связано с тем, что (и об этом свидетельствуют результаты опросов практически всех социологических центров) россияне четко различают нормативные представления о демократии (что и как должно быть) от реального состояния дел в российском обществе.

Причем, главная претензия к реализовавшейся в России модели демократии – низкий уровень ее эффективности. И, прежде всего, тех институтов, которые признаны выражать и защищать интересы граждан. Исследование выявило парадоксальную вещь – именно те институты, которые по самой своей природе и по своему предназначению должны, что называется «играть на стороне» общества, выражать и представлять интересы людей, пользуются меньшей поддержкой, чем властные органы, включая силовые. Как видно из нижеприведенных данных, россияне менее всего склонны доверять политическим партиям, судебной системе, милиции, профсоюзам, Государственной Думе и Совету Федерации, прессе – как печатной, так и электронной, социальным службам. Лишь правозащитные, женские, ветеранские, экологические организации и церковь пользуются поддержкой граждан.

Наиболее же высокое доверие проявляется ко всей вертикали власти – президенту, правительству, губернаторам, а также ФСБ и армии (см. рис. 27).

**Уровень доверия/недоверия россиян
следующим государственным и общественным институтам, в %
(допускался один вариант ответа по каждой позиции)**

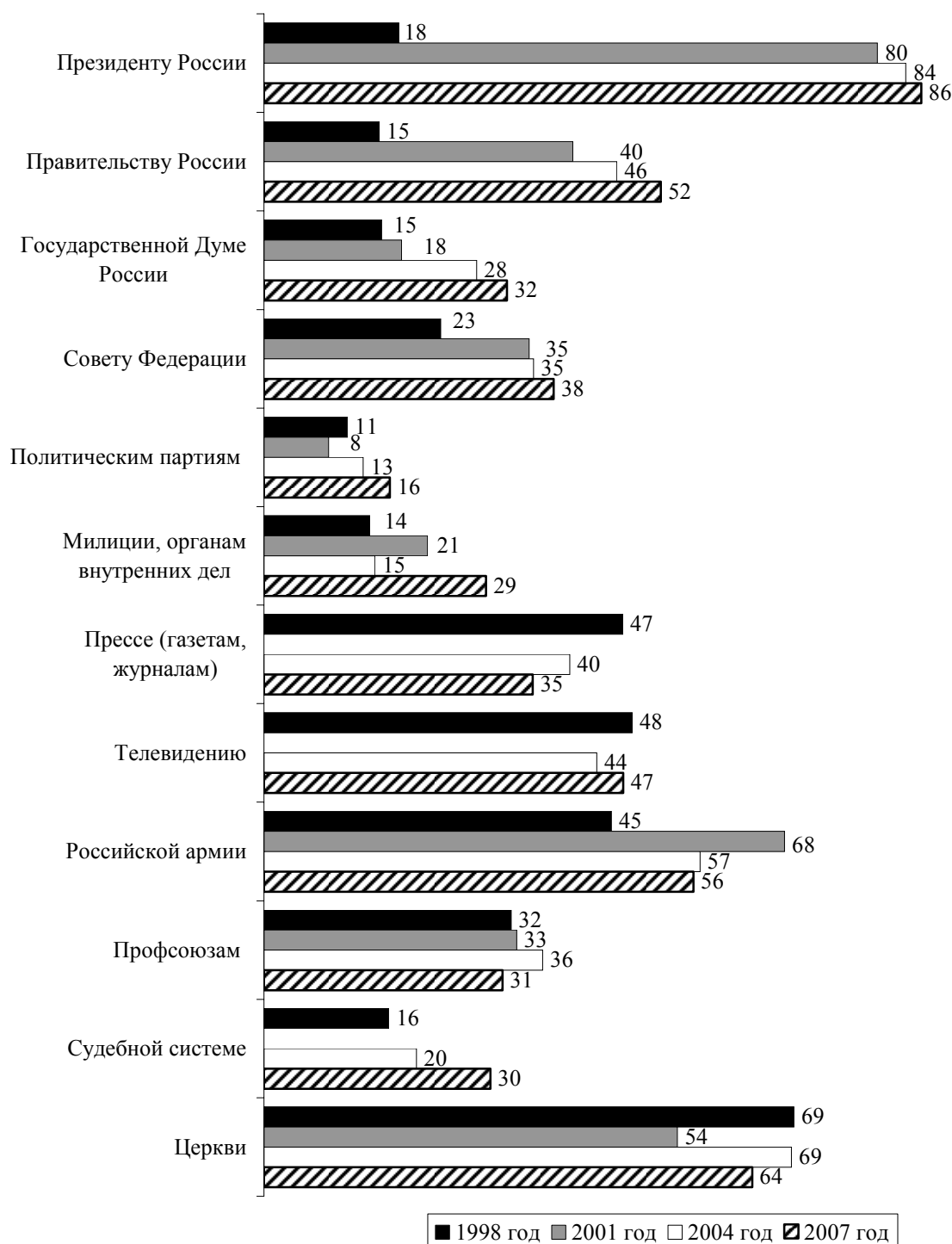
Представляется, что низкий уровень общественной поддержки того, что принято называть структурой гражданского общества, обусловлен не только тем, что россиян не устраивает их деятельность. Скорее мы здесь имеем дело с признанием того очевидного сограждане в лучшем случае готовы делегировать (и то не полностью) охрану труда на предприятиях, реализацию прав трудящихся на отпуск. Самое же главное, для чего существуют профсоюзы – борьба за экономические интересы трудящихся – не воспринимается обществом как та область деятельности, где они

могут добиться чего-то существенного. Отсюда апелляция к государству и его институтам по всем экономическим и социально значимым вопросам.

Характерно в этом плане то, как изменилось отношение россиян за последние десять лет ко многим государственным и общественным институтам. В первую очередь это относится к президенту и правительству. Если в 1998 году президент Б.Ельцин пользовался доверием лишь 18% россиян, правительство – еще меньше – 15%, то уже к 2001 году ситуация радикально изменилась: уровень доверия президенту В.Путину «подскочил» до 80% и затем все последующие годы держался на уровне 84%-86%. Росло и доверие к правительству. В 2007 году (впервые за все годы наблюдения) доля россиян, доверяющих правительству, хотя и не намного, превысила долю недоверяющих. Довольно заметные колебания наблюдались и в отношении российской армии. Армии, по сути проигравшей войну в Чечне, россияне скорее не доверяли, и, напротив, в 2001 году, когда удалось разбить банды Басаева в Дагестане и в самой Чечне, число россиян, доверяющих вооруженным силам, достигло максимальных значений – 68%. Что же касается других институтов (Государственная Дума, Совет Федерации, милиция, политические партии, судебная система), то здесь также заметен некоторый рост, хотя эти институты по-прежнему находятся в зоне недоверия россиян (см. рис. 28).

Когда речь идет об эффективности демократии, важно не только ее институциональное измерение, но и уровень доверия граждан к власти и общественным институтам. Этот феномен гораздо шире и многообразнее, и детерминирован многими другими обстоятельствами: характером политического режима, тем влиянием, которое оказывают демократические институты на политику, динамикой уровня и качества жизни, уровнем социальной защищенности трудящихся, масштабами коррупции, реальным обеспечением прав и свобод граждан и т. п. В агрегированном виде в структуре общественного мнения все они давно и достаточно успешно фиксируются показателем «работы демократии». Большинство россиян (72%), как и следовало ожидать, не удовлетворены ее работой, удовлетворены – лишь 28%. Как видно из нижеприведенных данных, в наибольшей степени удовлетворена функционированием отечественной модели демократии успешная часть общества, те респонденты, у кого дела идут хорошо. Это, прежде всего, наиболее обеспеченные респонденты и так называемые модернисты. Однако и в этих группах очень высок

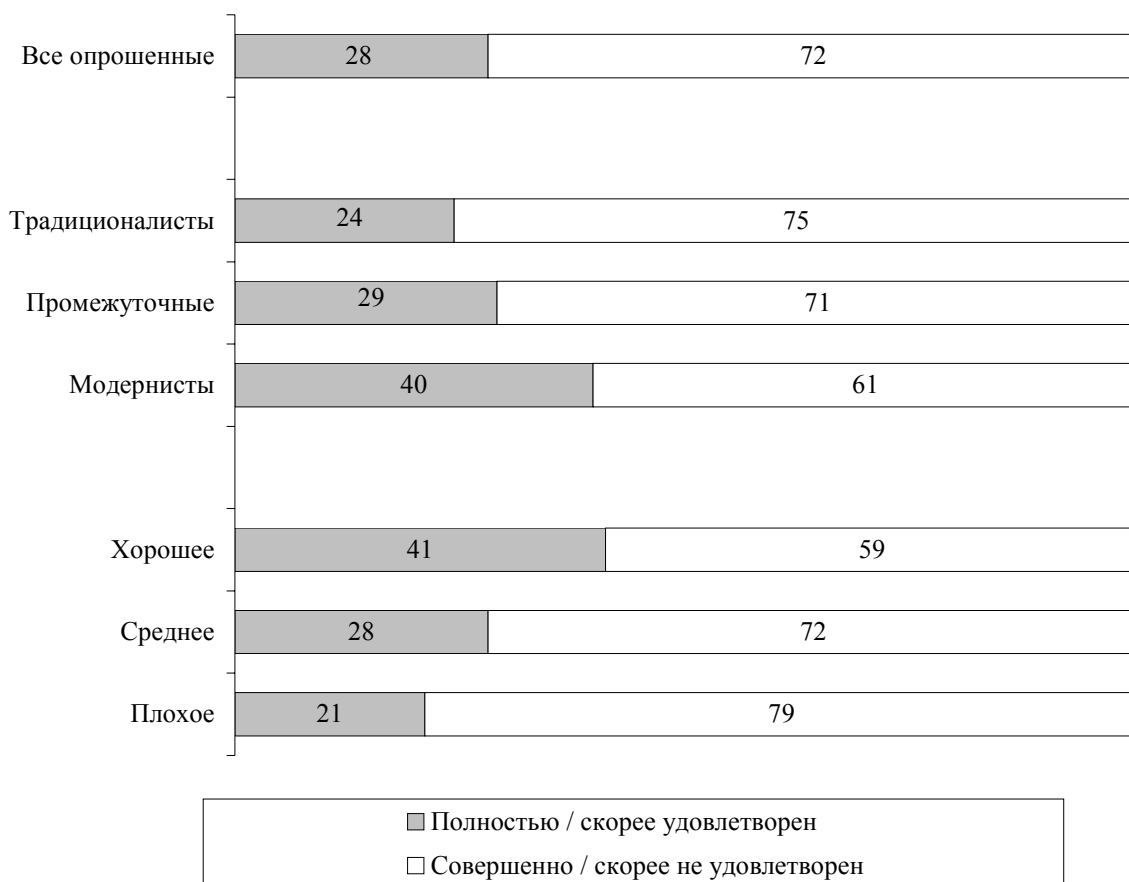
Динамика уровня доверия россиян к государственным и общественным институтам (1998-2007 гг.), в %³⁰

уровень расхождения во мнениях по поводу «рабочих», инструментальных возможностей российской демократии. 40%-41% респондентов в этих группах оценивает их скорее со знаком «плюс», тогда как 59%-61% – со знаком «минус» (см. рис. 29).

³⁰ Данные об уровне доверия к прессе, телевидению, судебной системе приведены по 1998, 2004 и 2007 гг.

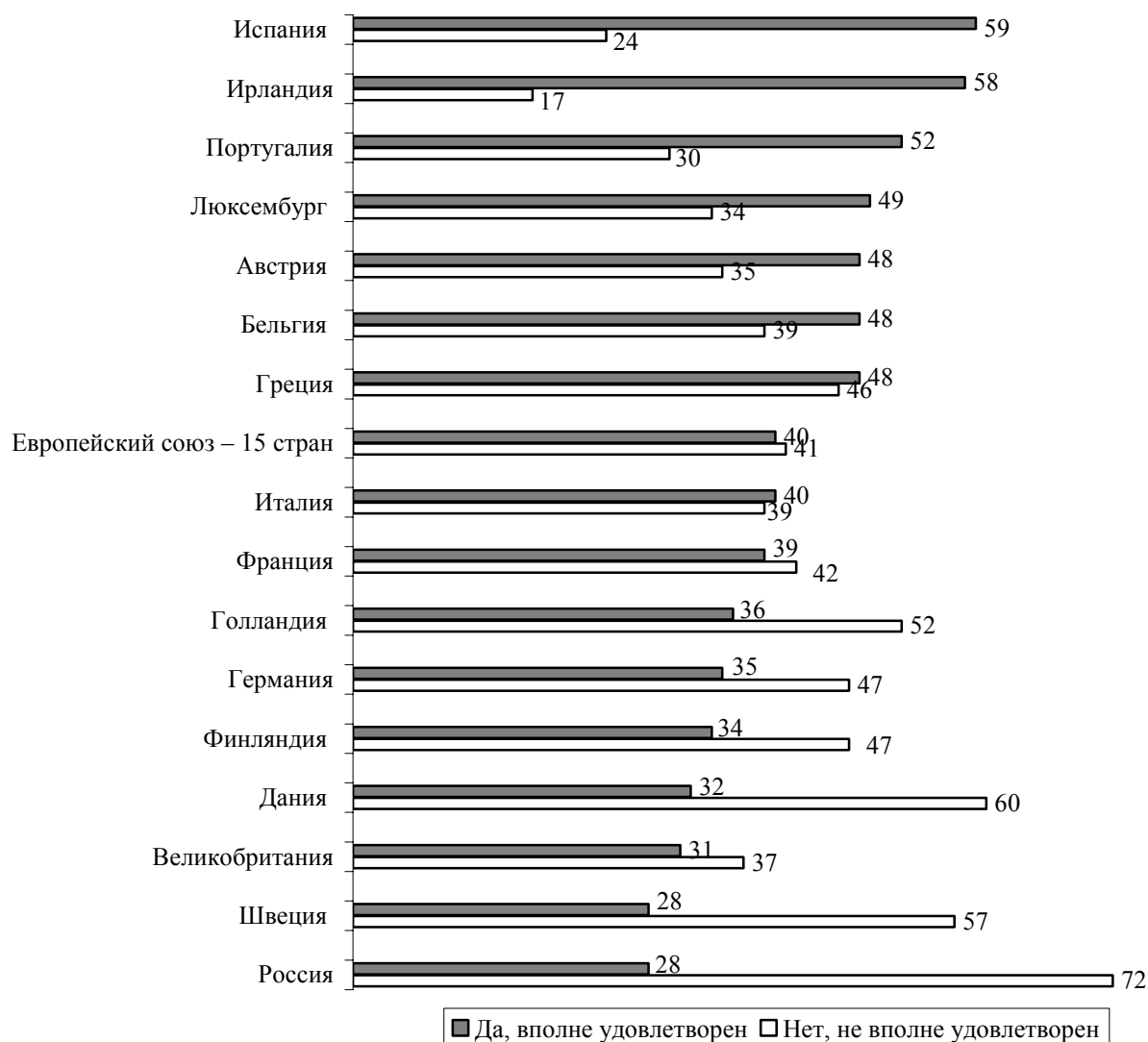
Удовлетворенность/неудовлетворенность россиян тем, как работают демократические институты в целом в нашей стране, в %
(допускался один вариант ответа)

В этом вопросе россияне заметно отличаются от граждан Европейского Союза, хотя и там далеко не все «в восторге» от эффективности функционирования демократических институтов. Особенно в таких странах, как Голландия, Германия, Швеция³¹ (см. рис.30). Что касается названных стран, то у их граждан наверняка есть свои резоны для нелицеприятных оценок эффективности работы демократии в своих государствах. В России критический настрой связан, прежде всего, с тем, что демократия в понимании подавляющего большинства россиян – это такая организация общественной жизни, которая должна обеспечивать, во-первых, законность и правопорядок, а, во-вторых, реализацию социально-экономических прав граждан, чего в реальности многие наши сограждане не ощущают.

³¹ Для полноты сопоставимого анализа использовались результаты исследования «Евробарометр», проводимого в странах Европейского союза в 2004 году. Хотя данное исследование несколько отличается и по объему выборки и в методическом отношении, тем не менее оно позволяет выявить общее и особенное в восприятии демократических процессов в России и странах Европейского союза. Постоянный адрес ссылки в сети Интернет - http://ec.europa.eu/public_opinion/cf/subquestion_en.cfm

Удовлетворенность/неудовлетворенность граждан ряда европейских стран тем, как в их государствах «работает» демократия, в %
(допускался один вариант ответа)

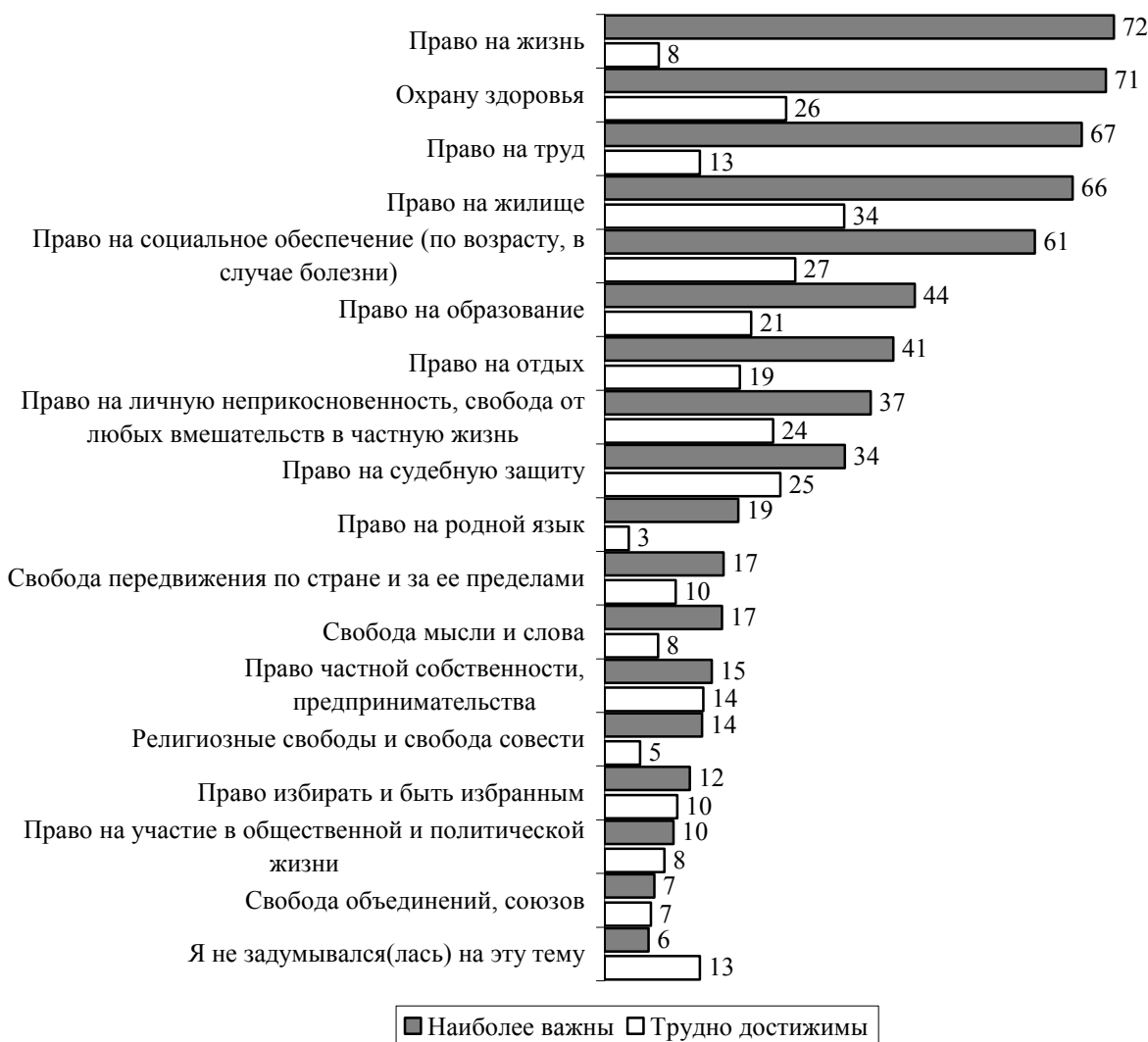

Тот факт, что главная проблема российской демократии лежит, по мнению населения, в социально-экономической сфере, в трудностях для многих реализовать свои социальные и экономические права и интересы, подтверждают и ответы респондентов на вопросы о том, какие из основных прав и свобод сегодня являются наиболее важными и какие – трудно реализуемыми. Как видно из рисунка, наиболее важными являются (помимо права на жизнь) право на труд, свободу и личную неприкосновенность, охрану здоровья, социальное обеспечение, жилище и образование, а также судебную защиту своих интересов. К числу труднореализуемых прав и свобод россияне относят, прежде всего, право на жилище, социальное обеспечение, личную неприкосновенность и судебную защиту. Весь комплекс

гражданских и политических прав и свобод пока находится на периферии интересов большинства россиян (см. рис. 31).

Рисунок 31

Какие из основных гражданских прав и свобод сегодня для россиян наиболее важны, а какие им труднее всего реализовать, в %³²
(допускалось не более семи вариантов ответа)

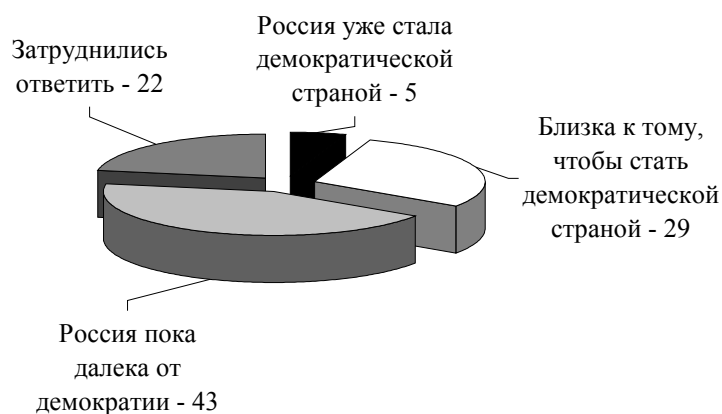
Иначе говоря, подтверждается хорошо известная истина – стабильная демократия не может существовать без такого уровня экономического развития страны, который обеспечивал бы приемлемый для большинства граждан уровень благосостояния. Было бы неправильным при этом считать, что россияне смотрят на демократию исключительно сквозь «призму своего кошелька». Просто им бы хотелось, чтобы власть, именуемая демократической, делала все от нее зависящее, чтобы

³² Сумма ответов превышает 100%, так как респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов.

«наполнить» демократические преобразования решением значимых социальных проблем. А поскольку это делается не везде и не всегда, вряд ли стоит удивляться тому, что значительное число российских граждан отказываются иметь место в стране преобразованиям именоваться демократическими. Лишь 5% опрошенных полагают, что за последние 15 лет в России утвердился такая демократия, которая полностью отвечает их представлению о том, какой она должна быть. В свою очередь, 29% россиян полагают, что, несмотря на серьезные издержки, российская демократия, тем не менее, уже близка к оптимальной модели. Больше, однако, тех (43%), кто уверен, что Россия сегодня так же далека от демократии, как и во времена Советского Союза (см. рис. 32).

Рисунок 32

Мнения российских граждан о том, насколько Россия продвинулась за годы, прошедшие после распада СССР, в деле строительства демократии, в %
(допускался один вариант ответа)

Чаще других соглашаются с точкой зрения, что «Россия уже демократическая страна» или «на пути к этому», молодая активная часть населения, которая составляет костяк группы, выделенной по коду «модернисты». Противоположной точки зрения чаще придерживаются пожилые россияне, жители российской глубинки, то есть те, кого принято называть традиционалистами. Но и те и другие в целом достаточно сдержаны в своих оценках и суждениях по поводу реализуемой в России модели демократии (см. рис. 33).

Как следствие, в массовом сознании происходит «селекция» жизненных и ценностных приоритетов, когда ценности демократии и прав человека все чаще воспринимаются как ценности второго, третьего ряда, которые признаются важными, но не актуализированы настолько, чтобы бороться за их утверждение всеми доступными, легальными способами. Подобное характерно и для социально-

экономической сферы, где ситуация с правами граждан уже не может быть интерпретирована только в категориях социальной дифференциации.

Рисунок 33

Мнения российских граждан о том, насколько Россия продвинулась за годы, прошедшие после распада СССР, в деле строительства демократии, в %
(допускался один вариант ответа)

Таким образом, результаты настоящего исследования свидетельствуют: восприятие россиянами нормативной модели демократии и ее основных ценностных слагаемых мало чем отличается от того, что имеет место в странах так называемых развитых демократий. Одновременно с этим, в целом позитивное отношение к ценностям демократии сочетается со скепсисом в отношении ее инструментальных возможностей.

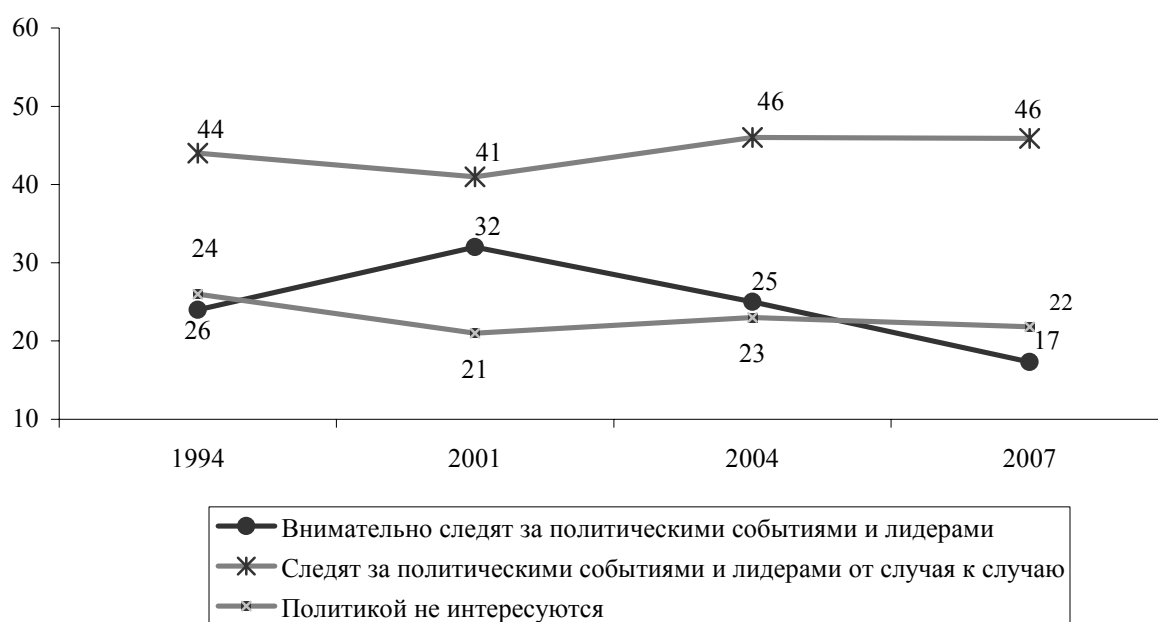
Это в свою очередь привело к тому, что у большинства населения демократические ценности не трансформировались в поведенческие установки. Многие россияне, признавая их приоритет и значимость, в то же время полагали и полагают, что в конкретных условиях современной России в силу разных причин ими можно пренебречь ради достижения жизненных общественных целей или индивидуальной адаптации к новым порядкам. В результате этого российская демократия реализовалась в первую очередь на уровне нормативной модели, но не переросла в демократию участия, а отношение к ней большинства граждан можно охарактеризовать как «благожелательный скептицизм».

7. Политическая активность и гражданское участие в контексте российской идентичности

Одной из фундаментальных основ любой демократической системы является участие граждан в общественной и политической жизни страны, которое должно «захватывать» все компоненты политической системы и задавать через запросы различных групп и слоев населения приоритеты общественного развития. Но, это в теории. В действительности, все выглядит несколько иначе, в том числе и в России. За последнее десятилетие в нашей стране выросло целое поколение людей, которые уже ничего не ждут ни от власти, ни от общественных институтов, и действуют в автономном режиме. Их жизненная энергия направляется в сферы и области, как правило, далекие от политики. Так, настоящее исследование показало, что с 2001 года постоянно снижается доля россиян, активно интересующихся политикой (с 32% до 17% в 2007 году) (см. рис. 34).

Рисунок 34

Интересуются ли россияне политикой?, в %
(допускался один вариант ответа)

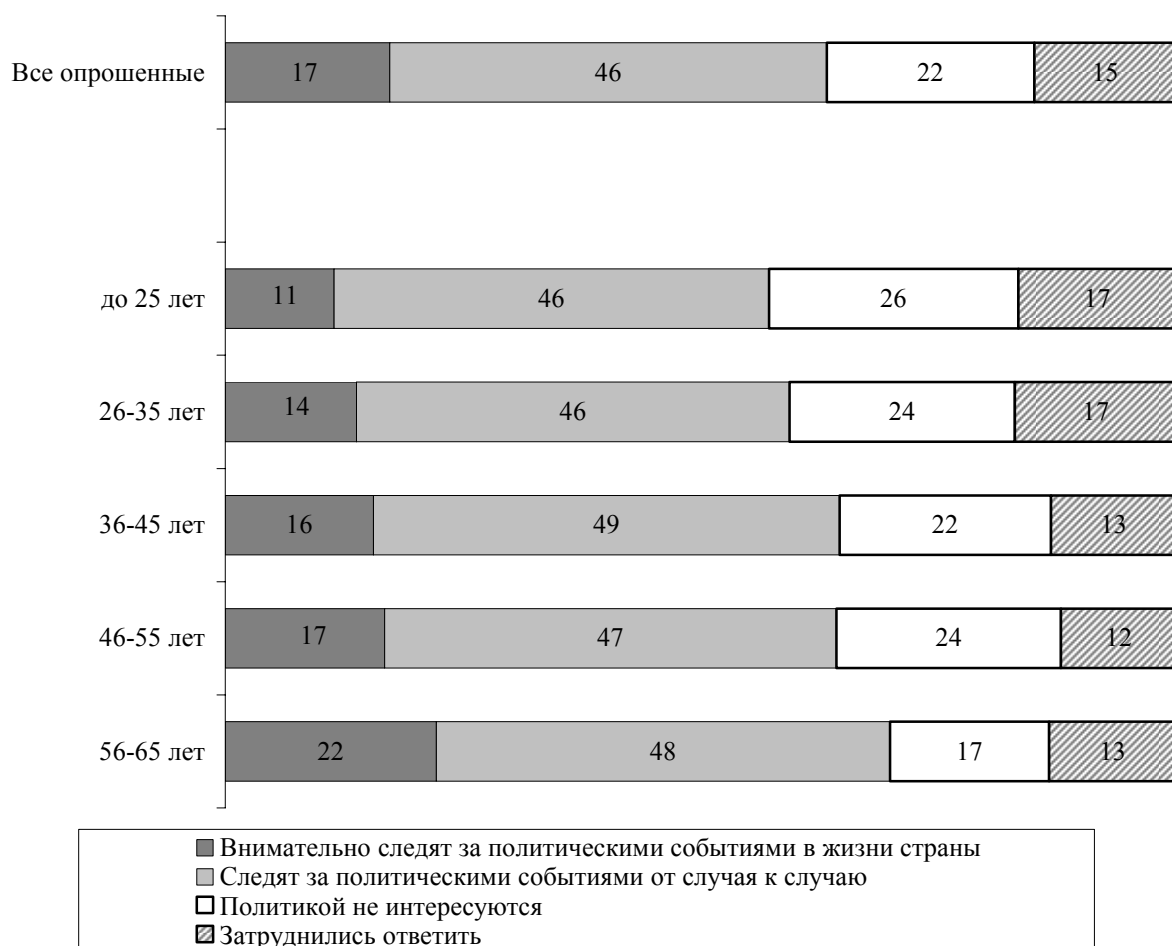
Большинство (эта тенденция практически не меняется) политикой интересуются от случая к случаю, в основном тогда, когда в жизни страны случаются какие-то важные события.

Как уже неоднократно отмечалось, главным дифференцирующим фактором в данном вопросе является возраст – чем моложе респондент, тем реже он интересуется политической жизнью. Но по мере решения проблем, важных на начальном этапе

становления современного молодого человека (учеба, поиск работы, семья и т.п.), этот интерес растет. Хотя, надо признать и не слишком сильно (см. рис. 35).

Рисунок 35

Интерес россиян к политике в составе различных возрастных групп, в %
(допускался один вариант ответа)

В этом плане россияне мало чем отличаются от граждан многих стран Европейского Союза. В целом по ЕС доля интересующихся политикой в той или иной степени составляет 67%. В России – 63%. Не интересуются в ЕС – 32%, в России – 22%³³.

Безусловно, включенность в общественную и политическую жизнь не ограничивается лишь интересом к политике. Важны и другие установки и ориентации, касающиеся, в частности, важности участия, уровня информированности и компетентности о происходящих в обществе процессах и явлениях, потенциале влияния. Если оценивать всю совокупность условий, необходимых для эффективного участия в политической жизни, то ситуация выглядит довольно противоречивой. Наши

³³ Более высокий процент и в том и в другом случае в странах ЕС обусловлен тем, что среди россиян было почти 15% затруднившихся ответить, в то время как среди жителей ЕС в среднем – 1%.

исследования показывают, что абсолютно одинаковое количество наших сограждан соглашаются с прямо противоположными суждениями, касающимися, с одной стороны, важности участия, а с другой, возможности такого участия. 57% опрошенных признают, что вовлечение граждан в общественно-политическую жизнь, в решение текущих государственных дел является абсолютно необходимым для нормального функционирования общества. Однако гораздо больше тех (71%), кто полагает, что такие люди, как они, такой возможности не имеют. Этот парадокс легко объясним, учитывая то, что большинство опрошенных (54%), по их собственному признанию, не разбираются в хитросплетениях российской политики и не представляют, что нужно сделать для того, чтобы голос отдельного человека, прежде всего, их собственный голос, мог быть услышан при принятии важных государственных решений. У респондентов более «продвинутых» групп и в этом случае показатели чуть выше, чем у среднестатистических россиян. 34% респондентов, оценивающих свое материальное положение как хорошее в целом информированы о политической жизни страны. Тем не менее, даже вполне благополучные в материальном отношении россияне соглашаются с тем, что у них нет никаких рычагов влияния на действия властей, и они не вполне понимают, что нужно предпринять, чтобы эту ситуацию изменить (см. табл. 20).

Таблица 20

Согласие/несогласие с суждениями об уровне информированности и включенности россиян в общественно - политическую жизнь, в %
(допускался один вариант ответа по каждой позиции)

	Все опрошенные	Материальное положение		
		Хорошее	Среднее	Плохое
Я достаточно хорошо представляю, что сейчас происходит в политике и текущих государственных делах				
Скорее согласен	20	34	20	16
Скорее не согласен	54	41	56	56
Затрудняюсь ответить	25	24	25	28
Такие люди, как я, не имеют возможности оказывать влияние на действия правительства				
Скорее согласны	71	57	73	73
Скорее не согласны	17	24	17	14
Затруднились ответить	12	19	11	13
Люди должны больше участвовать в политической жизни и текущих государственных делах				
Скорее согласны	57	53	58	57
Скорее не согласны	18	21	17	17
Затруднились ответить	25	25	25	25
Я понимаю, что делать, чтобы мой голос был услышан, когда речь идет о важных государственных проблемах				
Скорее согласен	11	19	11	10
Скорее не согласен	54	45	54	56
Затрудняюсь ответить	35	37	35	34

Итак, результаты опросов показывают, что большинство россиян в той или иной степени (постоянно или эпизодически) интересуются политикой. Но лишь 20% заявляют о том, что они не просто интересуются, а хорошо политически информированы и подкованы; лишь 11% знают, как свой политический интерес трансформировать в конкретное политическое действие, как сделать так, чтобы их голос был услышан. В этом главная проблема современной России и ее отличие от стран с давними демократическими традициями.

В России, как видно из нижеприведенных данных, доля уверенных в важности и необходимости политического участия примерно такая же, как и во многих странах Восточной и Южной Европы. Однако Россия заметно уступает по данному показателю странам Европейского Союза в целом (соответственно 57% и 75%). Но в ЕС заметно больше резко критично настроенных граждан, уверенных, в том, что уровень их реального влияния на действия властей явно недостаточен и в три раза больше, чем в России тех (34% против 11%), кто уверен в своей политической компетентности. Причем, по этому показателю Россия занимает последнее место³⁴.

В таких странах Европы, как Голландия, Дания, Финляндия, Швеция уровень уверенности их граждан в том, что они хорошо знают, что нужно делать, для того, чтобы оказывать влияние на власть составляет 52%-67%. Все они известны как страны, где модель государства всеобщего благосостояния реализовалась в наибольшей степени и где граждане на протяжении уже многих лет пользуются плодами социального государства (см. табл. 21).

Как показывают приведенные данные, во всех странах существует заметный разрыв между уверенностью основной части населения в том, что участие граждан в общественно-политической жизни желательно и уровнем осознаваемого возможного влияния граждан на политический процесс. Но в России этот разрыв один из самых заметных – 57% и 11%. На этом фоне вполне закономерным выглядит то, что уровень политической активности в российском обществе все последние годы остается на сравнительно низком уровне.

Обычно в российской и зарубежной литературе, особенно в политической публицистике, постоянно снижающийся уровень политической включенности граждан, объясняется, в первую очередь олигархизацией власти, усилением ее закрытости и

³⁴ Опрос был проведен в январе – феврале 2005 г. среди жителей 15 стран европейского Союза. В опросе приняли участие по тысяче человек в возрасте старше 15 лет, статистическая погрешность не превышает 3,1% // http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_225_report_en.pdf

ростом авторитарных тенденций в политике, сужением пространства публичной политики и т. д. Отчасти так и есть.

Таблица 21

Доля населения европейских государств, согласных с суждениями об уровне своей информированности и включенности в общественно-политическую жизнь, в %

	<i>Люди должны быть в большей степени вовлечены в политику</i>	<i>Влияние на деятельность правительства таких людей как я весьма незначительно</i>	<i>Я знаю, как сделать мой голос услышанным при принятии важных политических решений</i>
Норвегия	93	71	45
Швеция	91	74	54
Германия	87	85	36
Исландия	86	77	45
Люксембург	81	79	34
Чехия	80	89	26
Финляндия	80	71	58
Швейцария	79	65	45
Дания	79	60	52
Европейский союз	75	81	34
Италия	75	77	34
Франция	74	88	33
Эстония	74	86	25
Польша	73	89	17
Кипр	73	77	35
Великобритания	73	77	31
Австрия	72	82	36
Греция	72	80	35
Турция	72	61	46
Голландия	70	71	67
Латвия	69	86	28
Словения	69	83	29
Испания	68	74	33
Мальта	68	71	34
Бельгия	67	81	35
Ирландия	67	72	31
Румыния	66	78	24
Болгария	65	87	13
Хорватия	65	84	20
Литва	64	88	21
Словакия	63	86	29
Португалия	57	80	27
Россия	57	71	11
Венгрия	53	87	26

Но это – лишь одна сторона дела. Другая заключается в том, что спад политической активности последних 10 лет был объективно предопределен целой совокупностью других причин и обстоятельств, связанных не только с властью, но и эволюцией самого российского общества. На масштабах активности, например, сказалось то, что в постсоветской России исчез «госзаказ» на участие. Все мы хорошо помним, что в советской системе существовал строго иерархический механизм

социальной мобильности для политической элиты (хозяйственной, партийной, профсоюзной, комсомольской и прочей номенклатуры), но одновременно имелся своеобразный «государственный заказ» на общественную самодеятельность, на участие в общественной жизни как дополнительное, но очень существенное условие профессиональной самореализации. Сегодня этого не требуется. Соответственно, подавляющее большинство россиян, как, впрочем, и граждан любого другого общества, действует в соответствии с концепцией «рационального выбора». Если общественно-политическая активность не сулит каких-то прямых материальных или карьерных выгод, не выступает в качестве некоего «социального лифта», то, естественно, жизненная энергия людей направляется в иные сферы и на другие объекты приложения их усилий. Это, прежде всего, работа, образование, семья, дети, ближний круг, творчество, досуг и т.п. В России появилась частная жизнь, а граждане страны получили свободу выбора между участием и не участием. Судя по нынешнему уровню политической активности, многие «правом на неучастие» воспользовались в полной мере.

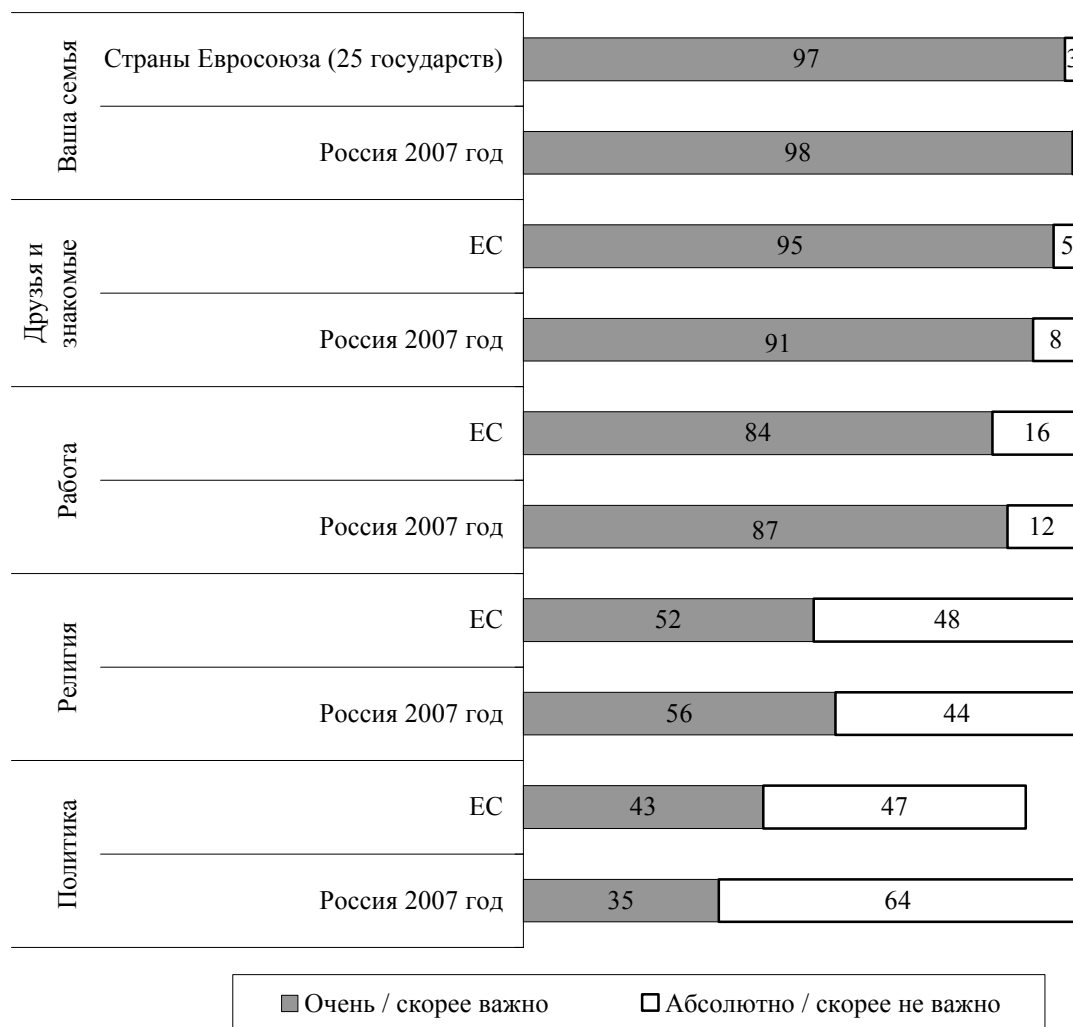
Сегодняшняя Россия, еще недавно чрезвычайно политизированная страна, по уровню интереса к политике ее граждан уступает жителям Европейского Союза. Одновременно, из вышеприведенных данных отчетливо видно, что приоритеты везде примерно одни и те же: работа, семья, близкие. Затем – общественная и политическая жизнь (см. рис. 36).

Сказывается и то, что все последние годы россияне в большинстве своем концентрировали свое внимание на адаптации к новым условиям и обстоятельствам жизни и у многих просто не было ни времени, ни возможностей всерьез заниматься чем-то помимо «зарабатывания хлеба насущного». Отсюда низкий уровень не только политической, но и общественной активности. Как показало настоящее исследование, из всего многообразия политических, общественных, религиозных, творческо-досуговых организаций относительной популярностью у россиян пользуются профсоюзы, в деятельности которых в той или иной степени участвуют 16% опрошенных, религиозные организации (13%) и спортивные сообщества (12%). Еще примерно каждый десятый заявляет о том, что он либо постоянно, либо от случая к случаю работает в профессиональных сообществах (учителей, врачей, ученых) и обществах потребителей, а 9% и 8% в творческо-досуговых объединениях (музыкальных, просветительских, художественных и т.п.) и организациях по защите окружающей среды. Наименьший интерес у россиян вызывают благотворительные

организации и деятельность политических партий. В странах ЕС уровень общественно-политического участия несколько выше.

Рисунок 36

**Что представляется для граждан стран ЕС и России
важным/не важным в жизни, в %**
(допускался, один вариант ответа, ответ «затрудняюсь ответить»
не был предусмотрен)

О своем неучастии в деятельности добровольных объединений заявило 64% граждан Европейского Союза и в среднем 90% в России. Если в спортивных клубах, секциях и т.п. там активно занимаются 13% респондентов, то в России – 3%. В художественных, просветительских объединениях – 8% и 2% соответственно. В религиозных общинах состоят 6% и 2%, в благотворительных организациях – 5% и 1%, а вот что касается таких объединений, как профсоюзы, политические партии, организации по защите окружающей среды, то здесь ситуация примерно одинаковая – активными членами профсоюза в Европе являются 4% опрошенных, столько же и в

России. По 2% и в Европе, и в России являются активистами экологических движений. В политических партиях состоят или работают 2% и 1% соответственно (см. табл. 22).

Таблица 22

Являются ли россияне добровольными активными участниками, неактивными участниками или вовсе не принадлежат ни к одной из нижеприведенных организаций?

(допускался один вариант ответа в КАЖДОЙ строке)

<i>Организации</i>	<i>Активно участвуют в ее работе</i>	<i>Участвуют от случая к случаю</i>	<i>Не являются участниками данной организации</i>
Церковная или религиозная организация	2	11	87
Спортивная организация	3	9	88
Художественное, музыкальное или культурно-просветительское объединение	2	7	91
Профсоюз	4	12	84
Политическая партия	1	3	97
Организация по защите окружающей среды	2	6	92
Профессиональная ассоциация (учителей, врачей, ученых, работников с/х и т.д.)	4	6	90
Гуманитарная или благотворительная организация	1	4	95
Общество потребителей	3	7	90

Безусловно, приведенные данные не слишком впечатляют, однако следует иметь в виду, что в любом современном обществе (Россия теперь уже не исключение) имеет место чрезвычайно широкий спектр каналов и форм личностной и общественной самореализации. Но одновременно, есть серьезный ограничитель – необходимость концентрации энергии на профессиональной деятельности, и, как следствие, серьезный дефицит свободного времени.

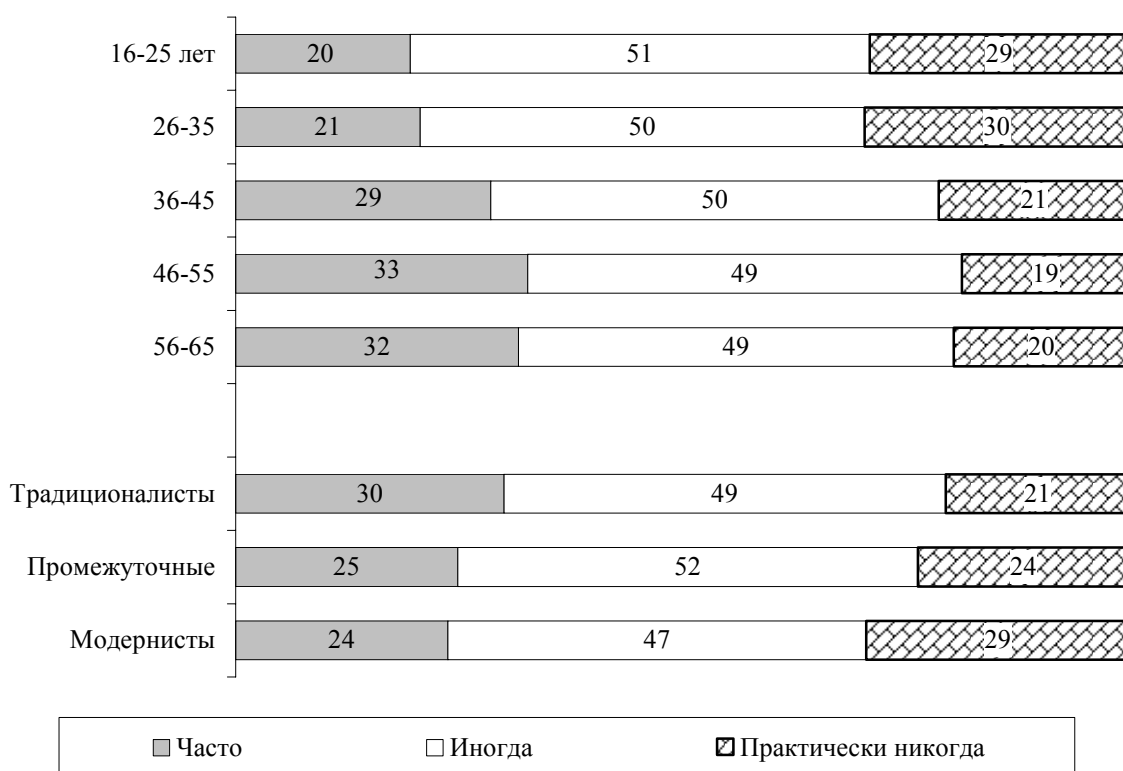
В то же время было бы неверным считать, что россияне абсолютно безразличны к тому, что происходит в стране и погружены исключительно в свою частную жизнь. Почти каждый третий опрошенный (28%) постоянно ощущает свою общность с людьми, близкими ему по политическим взглядам, каждый второй (52%) эту общность ощущает от случая к случаю. И лишь менее четверти россиян (24%) – ни с кем политически себя не идентифицируют. Хотя, надо признать, что существование политических единомышленников чаще ощущают респонденты старших и средних групп, представляющие традиционалистов (см. рис. 37).

В то же время, наши исследования последних лет свидетельствуют о наметившемся росте интереса многих россиян к различным формам общественной самодеятельности, которая происходит на фоне снижения вовлеченности людей в политику. Делегируя управленческие и политические функции «наверх», многие россияне демонстрируют сравнительно высокий уровень включенности в решение тех

или иных проблем, с которыми они сталкиваются в своем непосредственном окружении, но в еще большей степени, готовности к такого рода участию в будущем. Скажем, отличительной особенностью российского общества является то, что в нем, как нигде, широкое распространение получили движения «одного требования». Имеется в виду движение автомобилистов, обманутых пайщиков и дольщиков жилищных пирамид и т.п., которые, с одной стороны, спонтанны, а с другой, организованы и эффективны.

Рисунок 37

Как часто россияне ощущают чувство общности с разными группами людей, близкими им по политическим взглядам, позициям, в %
(допускался один вариант ответа)

Подобные формы участия, в отличие от «большой политики», не требуют каких-то существенных затрат (временных, материальных, организационных) и поэтому востребованы, прежде всего, активной дееспособной частью общества. Эти формы участия представляют интерес не только потому, что они позволяют решать какие-то конкретные социальные и материальные проблемы людей, но, что также немаловажно, стимулируют людей к общению, расширяют сферу досуга и создают предпосылки для формирования групповой идентичности в рамках локальных обществ с перспективой выхода на более широкие социальные и общественные институты.

8. Историческое самосознание и национальный менталитет россиян

Граждане современной России, как уже отмечалось в предыдущих разделах, испытывают серьезные проблемы с коллективной идентичностью – по большому счету, их мало что объединяет: нет ни общей идеологии, ни общих целей и интересов, хотя за последние годы появилась надежда на возможность формирования «новой общей идентичности» – российской. Неопределенность общегражданской, государственной идентичности заставляет пристально всмотреться в альтернативные формы – этническую, конфессиональную, различные локальные идентичности, а также в историческое прошлое страны.

Страна «зависла» на промежуточной ступени между распадающейся советской идентичностью и так пока не сложившейся до конца национально-государственной идентичностью. Если в 90-е годы многим казалось, что идея великой державы окончательно умерла не только политически, что проявилось в распаде СССР, но и в умах и душах людей, больше озабоченных «своими собственными делами», чем величием и амбициями государства, то в последнее десятилетие идея «державы» стала явно получать «второе дыхание». Хотя необходимо признать, что символы величия россияне сегодня в основном «черпают» в советском прошлом страны. Прежде всего, как показывает проведенное исследование, это Победа советского народа в Великой Отечественной войне (67%). Еще у 61% опрошенных гордость вызывает восстановление советским народом страны после Великой Отечественной войны. Среди «пятерки» достижений - успехи советской космонавтики (54%) и первый полет в космос Юрия Гагарина (42%).

Еще более половины (56%) опрошенных гордятся наши российскими поэтами, писателями, композиторами. Учитывая, однако, что общемировую славу снискали в первую очередь поэты, писатели и композиторы XIX – начала XX веков, можно смело говорить, что и здесь к числу духовных ценностей российского гражданина должно быть отнесено наследие предшествовавших культурно-исторических эпох. В немалой степени успехами советской эпохи объясняется и то, что более чем четверть респондентов (26%) гордятся достижениями российских спортсменов.

Здесь можно заметить, что к авангарду «славного наследия прошлого» наши сограждане относят, прежде всего, те достижения государства (в разные периоды его

истории), которые не только высоко ценятся во всем мире, но и в некотором смысле имеют общемировую значимость. Те же достижения прошлого, значимость которых может быть расценена как, скорее, внутрirosсийская, у респондентов вызывают сомнение.

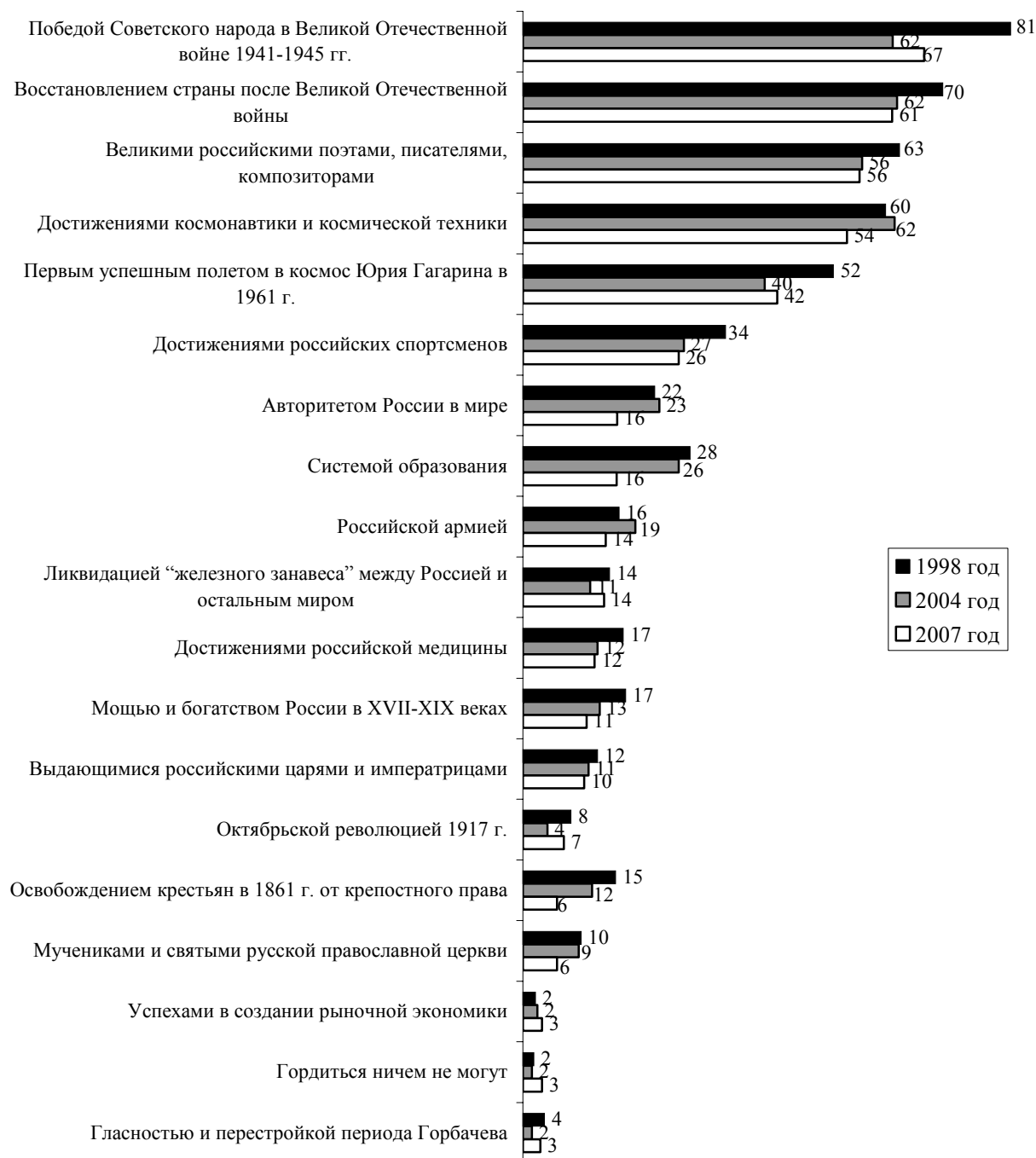
Например, такое значимое событие, как освобождение крестьян от крепостной зависимости в 1861 году, вызывает гордость лишь у 6% россиян, Октябрьская революция и установление советской власти – 7%. Выдающиеся российские цари и императрицы, а также мощь и богатство страны в период правления династии Романовых вызывают гордость у 10% и 11% россиян соответственно. Подвиги православных мучеников и святых вызывают гордость лишь у 6% опрошенных.

Приметы современной эпохи воспринимаются россиянами без особого энтузиазма. Так, 16% опрошенных считают, что сегодня можно гордиться авторитетом России в мире. У стольких же гордость вызывает система образования. Часть респондентов с уважением относятся к российской армии и достижениям российской медицины (14% и 12% соответственно).

Наследие же эпохи «перестройки» и периода правления Б.Ельцина у россиян гордости не вызывает. Лишь у 3% гордость вызывает период гласности и правления Горбачева. На этом фоне выделяются ответы 14% россиян, считающих одним из значительных достижений прошлого ликвидацию «железного занавеса» между Россией и остальным миром. Однако вероятнее всего, «ценность» данного события определяется не его доктринальной значимостью (то есть не крушением СССР), но интеграцией общества в общемировое пространство (см. рис. 38).

Однако если посмотреть на эти результаты в сравнении с данными аналогичных исследований, проведенных за последнее десятилетие, хорошо заметно снижение абсолютных показателей практически по всем пунктам. Современный россиянин все больше удаляется от советской истории, которая становится далеким прошлым, лежащим за пределами исторического опыта новых поколений. Для современной молодежи, например, российская культура (великие писатели, музыканты, поэты, художники) по своему значению обогнали события Великой Отечественной войны (62% и 54% соответственно), не говоря уже об Октябрьской революции и других историко-политических событиях советского и досоветского периода.

Чем из прошлой истории страны сегодня гордятся граждане России, в %
(допускалось не более 5 вариантов ответа)

Из приводимых данных видно, что многие россияне, особенно молодые, «дистанцируются» от великих исторических эпох в истории страны, гордятся ими «на расстоянии». Особого стремления оказаться в «эпицентре событий», вызывающих чувство гордости (то есть «хронологически сосредоточенных» в промежутке 40-х – конца 70-х гг.), у россиян не наблюдается. Эпохи глобальных перемен не представляются респондентам временем, привлекательным для жизни.

Несмотря на то, что у россиян не вызывает особой гордости современное состояние российской медицины, образования и вооруженных сил, заметное их большинство не хотело бы жить в России каких-либо иных исторических эпох. 57% опрошенных (в случае выбора) хотели бы жить в настоящее время в эпоху путинской стабильности.

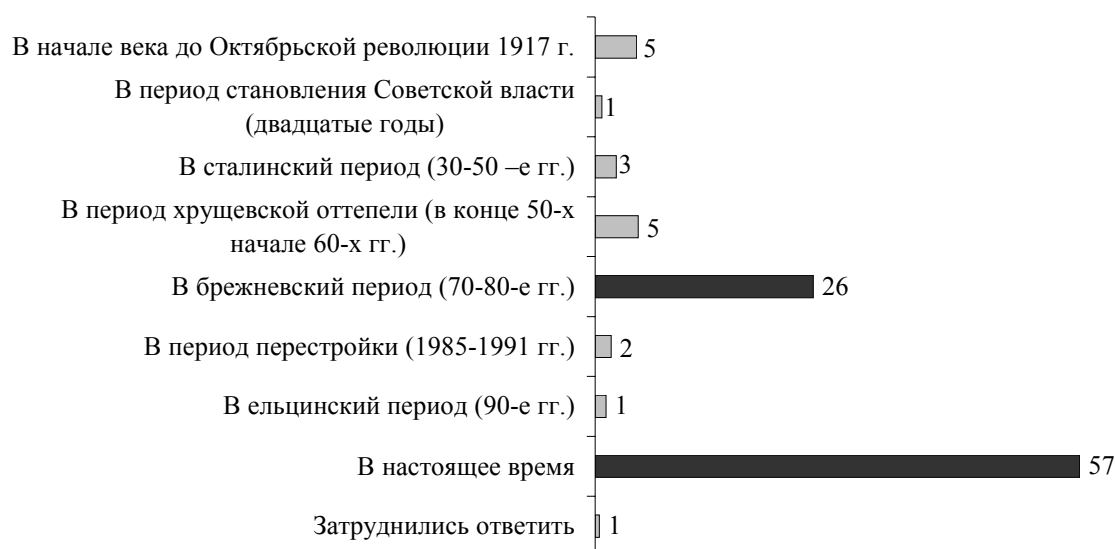
Еще более четверти (26%) опрошенных также кажется привлекательной эпоха стабильности, но не путинской, а брежневской. «Застой» 70–80-х гг. оказывается более привлекательным, чем сталинская эпоха и эра освоения космоса. В сталинские 30–50-е гг. хотели бы жить лишь 3% опрошенных.

Равновеликий энтузиазм вызывает у россиян как период, предшествовавший падению монархии и Октябрьской революции 1917 года, так и хрущевская оттепель (по 5%).

Самые «крутые» годы вызывают у россиян неприятие – в период «перестройки» (1981-1991 гг.) предпочли бы вернуться и остаться в России 2%. Ельцинские же годы кажутся привлекательными лишь 1% экспериментаторов. Столько бы желало оказаться в 20-е гг. XX века – в период «Триумфального шествия Советской власти» (см. рис. 39).

Рисунок 39

Выбор россиянами периода истории Советского Союза и России, в котором они хотели бы жить, в %
(допускался один вариант ответа)

Иначе говоря, россияне по-прежнему гордятся своей историей и великими достижениями советской эпохи. Однако жить во времена «бури и натиска» им бы не хотелось. Это еще одно подтверждение того очевидного факта, что современная Россия

находится на промежуточной стадии – между распадающейся идентичностью советской и пока до конца несостоявшейся российской национально-государственной идентичностью. Тем не менее, процесс этот идет.

Так, часто ассоциируют себя с общностью «Советский народ» лишь 18% опрошенных, иногда – 41%, никогда – 42% опрошенных. В то время как с «гражданами России» 36% (иногда – еще 49%). Но, как уже подчеркивалось, наибольшее чувство общности характерно с представителями своей национальности (часто испытывают это чувство 55% опрошенных, а еще 38% – такое чувство испытывают время от времени). В категориях этнической принадлежности себя чаще ассоциируют граждане с высоким материальным достатком (65%), а также жители мегаполисов (74%).

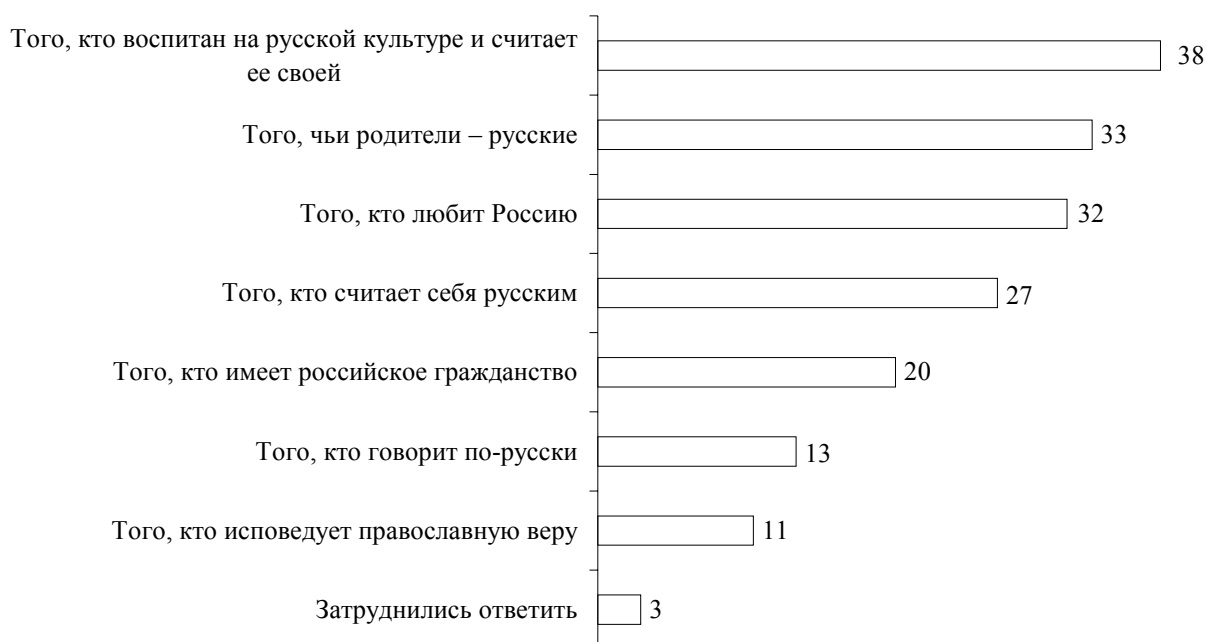
Популярность этнической самоидентификации в этих группах по всей видимости обусловлена дефицитом традиционной культуры, потерянной в «вестернизированных» столицах.

Однако бóльшая теплота и интенсивность национальной идентичности, на наш взгляд, все же не позволяют сделать вывод о том, что за ней стоят социально-биологические факторы. Речь скорее идет о компенсации на уровне «малых, неформальных» групп дефицита общегражданской идентичности, традиционных связей межличностного общения.

Что определяет само понятие «русские»? Стоит ли за ним биологический фактор или социальный? Данные, полученные в ходе настоящего исследования, не дают на этот вопрос однозначного ответа. 38% опрошенных россиян все же полагают, что «русские – это те, кто воспитан на русской культуре и считают ее своей». Однако ненамного меньше и тех, кто главным фактором, определяющим «русскость», называет «наличие русских родителей» (33%). 32% россиян считают, что русский – это тот, кто любит Россию, 27% – тот, кто сам называет себя русским, 20% – тот, кто имеет российское гражданство, 13% – тот, кто говорит по-русски, и, наконец, 11% – тот, кто исповедует православную веру (см. рис.40). Все эти варианты ответов носят скорее культурологический, почвенный, гражданский характер, чем биологический, связанный с пресловутым «звонком крови». Как это следует из результатов исследования, в мегаполисах доля тех, кто считает русскими тех, у кого «родители русские», составляет 56%, то есть почти вдвое больше, чем во многих других социальных и возрастных группах общества. Если эти данные найдут свое подтверждение в дальнейших исследованиях, можно будет сделать вывод, что «голос национальной крови», если он и существует, характерен именно для наименее традиционалистских и наиболее модернизированных слоев общества.

**Кого, по мнению россиян, в первую очередь можно назвать
русским человеком, в %**

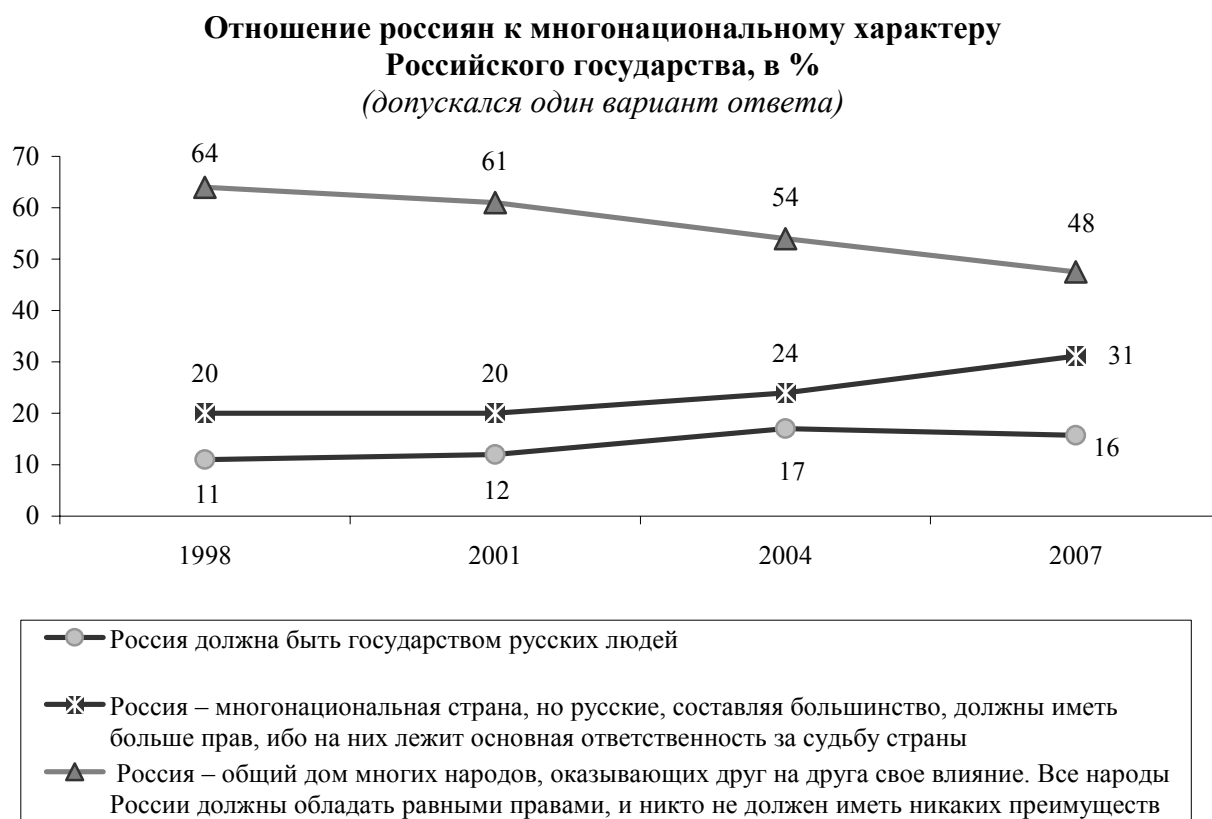
(допускалось не более двух вариантов ответа)

С другой стороны, нельзя отрицать того очевидного факта, что в обществе есть крайние националисты и их немало. По сложившейся традиции к числу радикальных русских националистов социологи относят тех, кто разделяет идею «Россия должна быть государством русских людей». За последние семь лет доля сторонников этого лозунга не выросла, оставаясь на уровне 10%-15%. Причем, учитывая некоторый «всплеск» радикального русского национализма в период 2001-2004 гг., когда доля радикальных «русистов» доходила до 17% (2004 г.), можно сделать вывод, что в настоящее время ситуация в определенной степени стабилизировалась. Иное дело – нерадикальные формы массового сознания, в наилучшей степени отражаемые лозунгом «Россия – многонациональная страна, но русские, составляя большинство, должны иметь больше прав, ибо на них лежит основная ответственность за судьбу страны». Доля сторонников этой идеи выросла с 20% в 1998 г. до 31% в 2007 г. В равной степени сократилась и доля интернационалистов, которые считают, что «Россия – общий дом многих народов, оказывающих друг на друга влияние. Все народы России должны обладать равными правами, и никто не должен иметь никаких преимуществ». В 1998 году интернационалисты составляли 64% россиян, а ныне – их 48%. Тревожным симптомом является и то, что идея «Россия для русских» начинает овладевать значительной частью молодежи. Так, среди самой младшей возрастной группы до 25

лет доля сторонников этого лозунга достигает 25%, а в самой старшей возрастной группе – 13%. Особенно высока доля националистически ориентированной молодежи среди жителей мегаполисов – 30%, граждан с хорошим материальным положением (23%) (см. рис. 41).

Рисунок 41

Различия в интерпретациях национального характера российского государства коррелирует с неоднозначностью подходов к пониманию «русскости». В частности, сторонники тезиса о том, что все народности, проживающие на территории России, равноправны и равноответственны, чаще считают русским человеком того, кто воспитан на русской культуре и традициях, кто любит Россию и сам себя считает русским. То есть, исповедуют предельно широкое понимание русской идентичности.

Представители данной группы кажутся в целом вполне сознательными и адекватно воспринимающими как вопрос о гражданстве, так и вопрос об этнической принадлежности, апеллируя в обоих случаях к осознанному выбору человека.

Одобряющее привилегированное положение русских связывается с теми, кто, в первую очередь, имеет русских родителей, воспитан на русской культуре и любит Россию. Наконец среди тех, кому близка идея о том, что Россия должна быть государством исключительно русских людей преобладает идентификация по признаку общей культуры, образа жизни и первородства (см. табл. 23).

**Кого, по мнению россиян,
в первую очередь, можно назвать русским человеком, в %**
(допускалось не более 2-х вариантов ответа)

<i>Мнение среди сторонников различного понимания национальной сущности российского государства</i>	<i>Россия должна быть государством русских людей</i>	<i>Россия – многонациональная страна, но русские, составляя большинство, должны иметь больше прав, либо на них лежит основная ответственность за судьбу страны</i>	<i>Россия - общий дом многих народов, оказывающих друг на друга свое влияние. Все народы России должны обладать равными правами, и никто не должен иметь никаких преимуществ</i>
Того, кто говорит по-русски	17	15	10
Того, кто считает себя русским	22	24	32
Того, кто имеет российское гражданство	22	25	18
Того, кто исповедует православную веру	17	12	8
Того, чьи родители – русские	35	35	31
Того, кто любит Россию	26	31	35
Того, кто воспитан на русской культуре и считает ее своей	36	33	43
Затруднились ответить	2	3	1

Обращает на себя внимание то, что среди всех опрошенных и тех, кто исповедует более радикальный взгляд на «русский вопрос», и тех, кто стоит на более толерантной позиции сравнительно небольшая доля тех, кто «увязывает» «русскость» и гражданство.

Возможно, именно поэтому, формирование общегражданской идентичности идет достаточно сложно и противоречиво. Так же, как и непросто формируется собирательный образ российского народа. В ходе настоящего исследования этот образ изучался через так называемую матрицу автостереотипов, где фиксировались качества, которые сами россияне считают наиболее себе присущими, но и где выявлялись качественные отличия россиян от представителей других народов и национальностей. Матрица автостереотипов скорее отражает миф народа о самом себе, и в контексте исследования можно говорить, что в основе такого представления лежит исторически сложившееся (в какой-то мере даже фольклорное) восприятие русского народа. Важным представляется вопрос, сможет ли в дальнейшем такое самопозиционирование «дополниться и расшириться» за счет характерных качеств представителей иных национальностей, входящих в состав российского народа.

В нынешний исторический период в рамках своего автостереотипа россияне видятся сами себе гостеприимными (83%), добрыми (82%), смелыми (76%), терпимыми (76%), обладающими чувством юмора (71%), духовными (67%), любознательными (65%), и в то же время, ленивыми (60%), расхлябанными (60%) и необязательными (53%). Это скорее образ традиционного русского человека, пронесенный через столетия русской истории. Причем, по высоким позитивным оценкам россияне в значительной степени превосходят европейцев (немцев и англичан). При этом, украинцы – будучи этнически близким народом – по положительным качествам также превосходят европейцев, однако «несколько отстают» от россиян в их собственном представлении.

Если россияне, как они считают, значительно превосходят европейцев своими душевными качествами, но лишь незначительно «опережают» «братьев-славян» украинцев, то украинский народ, в свою очередь, оказывается в российском самосознании носителем общих для славян недостатков. Так, например, украинцы, по оценкам россиян, воплощают хвастливость – 52% (а самим россиянам приписывают такое качество 25% респондентов), лживость – 40% (у россиян 23%), скупость – 33% (у россиян 7%), эгоизм – 26% (у россиян 14%). В отдельных «номинациях» россияне превосходят украинцев в обладании негативными качествами, но показатели у «братских народов», тем не менее, расходятся незначительно. Так, необязательность приписывают россиянам 53% опрошенных, а украинцам 40%, неряшливость – 43% и 37% соответственно, расхлябанность – 60% и 36%.

Единственное качество, в обладании которым россияне превосходят не только европейцев, но и заметно опережают украинцев – это честность (о честности россиян заявляют 42% россиян, о честности украинцев только 2%). Если в процессе сравнения с европейцами россияне апеллируют скорее к нерациональному стремлению морально-нравственного превосходства, то отношение к украинцам обусловлено, скорее, комплексом исторических «межгосударственных» обид («газовыми войнами», стремлением Украины в НАТО и т.д.)

Немцы и англичане оказываются в представлении россиян в чем-то похожими друг на друга – и в равной степени противоположны по качествам обоим славянским народам. Немцы представляются русскому человеку аккуратными (79%), пунктуальными (69%), законопослушными (61%), расчетливыми (59%), жестокими (52%), трудолюбивыми (50%). А англичане – вежливыми (58%), деловитыми (55%), законопослушными (47%), уверенными в себе (43%) и пунктуальными (41%).

Как показывают специальные исследования, целостность и устойчивость «матрицы автостереотипов» во многом способствует пробуждению национального самосознания, усилению чувства общности по национальному признаку (см. табл. 24).

Таблица 24

**Представители разных народов различаются по чертам национального характера.
Как Вы считаете, какие черты в наибольшей степени присущи немцам,
англичанам, украинцам и россиянам?, в %**

<i>Черты характера</i>	<i>Присущи немцам</i>	<i>Присущи украинцам</i>	<i>Присущи россиянам</i>	<i>Присущи англичанам</i>
1. Аккуратность	78,8	4,8	6,7	38,2
2. Деловитость	49,8	10,5	14,8	54,6
3. Гостеприимство	5,8	43,5	82,8	5,0
4. Скупость	43,3	33,4	6,7	27,5
5. Вежливость	33,0	10,3	19,1	57,9
6. Честность	22,4	2,1	42,1	21,4
7. Расчетливость	58,5	28,9	11,3	32,6
8. Эгоизм	32,5	25,9	14,3	28,9
9. Доброта	4,5	26,6	81,8	4,9
10. Необязательность	3,5	40,1	53,3	5,4
11. Законопослушание	60,8	5,7	15,5	47,8
12. Неряшливость	5,6	36,5	43,3	3,8
13. Жестокость	51,7	12,2	17,5	11,3
14. Пунктуальность	69,4	3,9	7,5	41,0
15. Расхлябанность	2,7	36,1	59,5	2,5
16. Духовность	9,8	18,1	66,5	15,1
17. Терпимость	8,9	15,0	75,5	8,1
18. Смелость	9,5	15,6	76,4	5,9
19. Лень	3,8	32,3	60,4	5,8
20. Лживость	13,9	40,1	23,3	15,0
21. Уверенность в себе	40,6	10,5	28,1	43,4
22. Трудолюбие	50,4	20,5	45,5	19,7
23. Хвастливость	9,4	51,5	24,7	10,7
24. Инертность	10,5	17,5	41,2	19,5
25. Чувство юмора	4,5	31,5	70,7	11,9
26. Индивидуализм	30,7	11,1	26,7	40,9
27. Любознательность	14,6	19,4	64,8	15,1

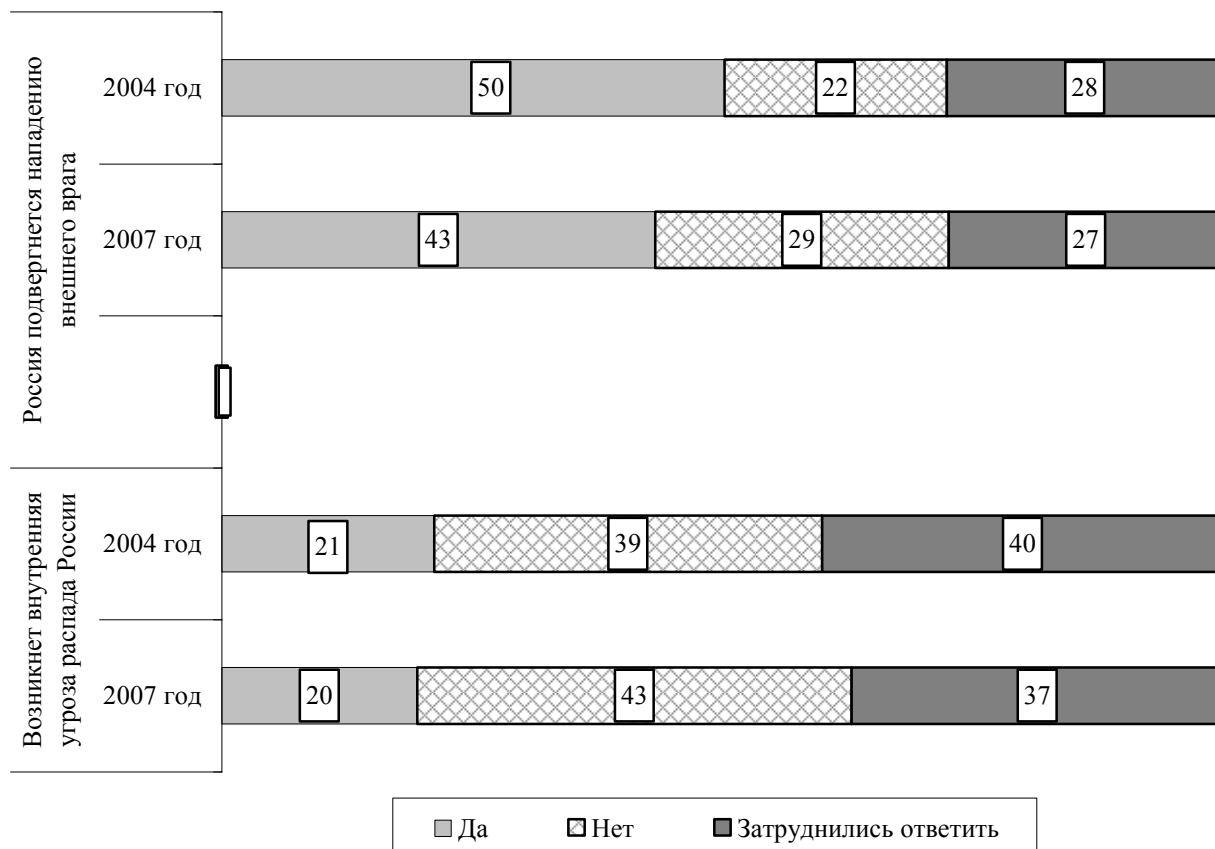
То есть, сегодня российское общество представляется в целом внутренне неоднородным, но обладающим всеми предпосылками для консолидации. В случае же слабости единой общегосударственной идентификации, традиционная дихотомия «мы–они» в сегодняшней России с большей долей вероятности направлена «вовнутрь». В частности, в случае возникновения внутренней угрозы распада государства (то есть, возникновения тенденций к сепаратизму отдельных регионов или угрозы гражданской войны) рисковать жизнью ради целостности страны готовы лишь 20% опрошенных (не готовы – 43%).

В случае внешней угрозы государству в целом (когда все сограждане окажутся равны перед лицом угрозы и столь же равным будет в этом случае вероятный ущерб) степень их готовности жертвовать жизнью вдвое выше (43%).

Характерно, что за последние годы число патриотов, готовых рисковать жизнью, как в случае угрозы внешнего, так и внутреннего распада, сокращается (см. рис.42).

Рисунок 42

Готовы ли россияне рисковать своей жизнью, если: ..., в %
(допускался один вариант ответа по каждой позиции)

В составе тех, кому важна безопасность и целостность государства преобладают материально обеспеченные граждане. Среди жителей столичных мегаполисов также в целом выше доля декларирующих патриотические унастроения.

Среди тех, кто готов противостоять внешней угрозе несколько преобладают сторонники идеи о многонациональной сущности российского государства (48%), тогда как приверженцы лозунга «Россия для русских» в целом несколько чаще высказывают готовность противостоять распаду страны изнутри (25%).

9. Внешнеполитические аспекты российской идентичности

Одной из главных составляющих политического курса, с которым Россия вступила в XXI-ое столетие, стало стремление восстановить во многом утраченные ею в предшествующий период политический вес и влияние в международных делах. Не заявляя претензий на роль сверхдержавы, администрация В. Путина поставила задачей

закрепиться в числе ведущих глобальных игроков в рамках отстаиваемой ею концепции многополярного мира. При этом ставка делалась не столько на материальную мощь, сколько на «попутные ветры» геоэкономики и геополитический ресурс «хартленда», занимающего срединное положение в перекрестии коммуникаций, связывающих между собой главные точки роста современной цивилизации. При всех оговорках, которые в этой связи могут быть сделаны, нельзя не признать, что эта стратегия в целом проводилась достаточно эффективно. Причем не только в плане осуществления тех или иных внешнеполитических комбинаций и многосторонних экономических проектов (прежде всего, разумеется, трубопроводных), но и с точки зрения общего тонаса внутренней политической жизни и унастроений населения.

Как же преломляется, проводимая страной, внешняя политика в сознании россиян? Что они думают по поводу складывающейся внешнеполитической ситуации? Как оценивают отношения с другими странами и народами? Какое место в мире, по их мнению, занимает современная Россия?

Как неоднократно отмечалось, центральное место в российском политическом дискурсе занимает образ Запада. Причем не только по вполне понятным прагматическим мотивам: исторически Запад выступает для России в роли «значимого другого», с которым так или иначе связана вся система смыслов, задающих характерные для российской ментальности картины мира. Здесь всегда обнаруживается некий иррациональный остаток, проявляющийся то в предельной открытости, то в замкнутости и изоляционизме, то в доходящей до самоотречения уступчивости, то в нежелании учитывать даже «разумные» (с точки зрения партнера) аргументы.

Как показывают данные социологического мониторинга массового сознания, проведенного Институтом на протяжении всей второй половины 90-х годов, в российском обществе шел процесс смены подходов, ценностей и ориентиров. В ходе этого процесса менялся как образ самой России, так и эмоциональная тональность восприятия других стран и народов. Отношение практически ко всем странам, составляющим «активный» международный горизонт Российской Федерации, претерпело заметное охлаждение. Но особенно резко и быстро изменились отношения россиян к Западу. Если первая половина 90-х годов была временем увлечения перспективами вхождения в «сообщество цивилизованных государств», сопровождавшееся попытками массивного переноса зарубежного опыта на отечественную почву, то в середине десятилетия в российском обществе формируется своего рода неоконсервативная волна, лейтмотивом которой становится отход от западных увлечений периода становления демократии. В середине 90-х годов в

массовом сознании постепенно утверждается мнение, что западный путь развития, при всех своих привлекательных сторонах, для России не подходит. Культурно-историческая самобытность России интерпретировалась в этом контексте уже не как «проклятие», а как непреходящая базовая ценность. Соответственно этой новой парадигме переосмыслилось и отношение между «Мы» и «Они» в его международном преломлении, в том числе и применительно к внешнеполитическим задачам государства.

Первоначально эти сдвиги в общественном сознании имели характер внутреннего самоутверждения и не несли в себе собственно антизападной направленности. Уровень симпатий к США и ведущим государствам Западной Европы вплоть до конца 90-х годов оставался высоким, превышая уровень антипатий не менее чем в 7-9 раз (по разным странам данная пропорция несколько варьировалась). Однако неуклонно осуществляемое вопреки опасениям и протестам Кремля расширение НАТО на восток, бомбардировки Сербии, появление американских военных баз в государствах Центральной Азии и планы развертывания элементов американской ПРО в Восточной Европе, настойчивые попытки выстраивать систему глобальных коммуникаций в обход России, явственно выраженная склонность к поощрению антироссийского политического вектора в СНГ и Балтии убеждали россиян в том, что западный мир в целом занимает далеко недружественную по отношению к России позицию. В результате образ Запада в сознании большинства российских граждан получил прочную смысловую связку с факторами угрозы.

Данные социологических опросов указывают на то, что такие умонастроения очень широко распространены в российском обществе и сегодня. Вместе с тем картина, которую мы получили в результате проведенного исследования, оказалась отнюдь не черно-белой. Она выявила разновекторность массового сознания, наличие в нем противоположно направленных тенденций. Отметим, в частности, что тестирование наших респондентов на эмоциональную окрашенность различных понятий выявило некоторое улучшение отношения к Западу по сравнению с концом 90-х годов. Так, в 2000 г. это слово вызывало негативные ассоциации у 53%-54% россиян, а положительные – у 46%-47%. В настоящее время это соотношение выровнялось и стало практически паритетным. Еще более показательно распределение мнений по поводу того, как складываются в последнее время отношения России с Западом. Несмотря на явно нарастающее взаимное недовольство, вылившееся в настоящую медиаканонаду взаимной критики, около 35% наших сограждан убеждены в

том, что эти отношения в последнее время улучшились, тогда, как противоположного мнения придерживаются в два раза меньшее число опрошенных – чуть более 16% (наряду с этим приблизительно каждый четвертый ответил, что отношения остались такими, какими и были).

В этой связи представляют интерес некоторые результаты, полученные в ходе выявления представлений россиян о том, к каким странам мира, символизирующим соответственно Запад и Восток, ближе всего Россия: а) по культуре, б) по экономике, в) по национальному характеру. В ходе опроса респонденты давали оценку социокультурной дистанции между цивилизациями, отмечая место России по 11-балльной шкале. Этот методический прием, начиная с 1998 г., неоднократно включался в программу наших исследований, что позволило к настоящему времени сформировать эмпирическую базу для построения временного ряда данных, в рамках которого достаточно отчетливо просматриваются определенные тренды. Ниже, в таблице 25, представлены полученные нами данные за 1998, 2004 и 2007 годы.

В процессе интерпретации данных в таблице 25, естественно было бы считать, что оценки, проставленные респондентами в одной из клеточек в левой части предложенной им 11-балльной шкалы, относят Россию к Западу, а в правой – к Востоку. При этом сравнительная интенсивность «западных» и «восточных» черт культуры, экономики или национального характера выражается положением соответствующей клеточки на шкале – проставившие крестик или галочку в крайней левой из них, очевидно, придерживались мнения, что Россия в соответствующей сфере социальной жизни практически ничем не отличается от стран Запада, а те, кто выбрал крайне правую, стремились тем самым подчеркнуть ее «восточную» или, если угодно, «азиатскую» сущность. Остается еще центр шкалы, одинаково удаленный и от крайней правой, и от крайней левой позиций. Его нельзя однозначно соотнести ни с Западом, ни с Востоком, поэтому в настоящем контексте разумно было бы интерпретировать проставленные здесь оценки как указывающие на промежуточную «евразийскую» природу России. Поскольку сопоставление «веса» одной-единственной позиции с «весом» любой из полуосей уже априори представляется методологически сомнительным, то в качестве «евразийского» участка шкалы мы обычно рассматривали все ближайшие позиции к центральной точке шкалы (т.е. не только 6-ю позицию, но и примыкающие к ней справа и слева 5-ю и 7-ю).

К каким группам стран Россия ближе всего, в %
(цифры в каждой из клеток 11-балльной шкалы обозначают процентную долю респондентов, отметивших в своем ответе данную клеточку, в общем числе ответивших)³⁵

1998 г.												
<i>А) По культуре</i>												
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	
США, Франция, Германия	9,3	8,1	14,9	17,0	10,3	23,6	4,2	5,1	4,1	1,5	1,9	Китай, Япония, Индия
<i>Б) По экономике</i>												
США, Франция, Германия	2,4	2,0	5,3	7,3	5,8	25,9	10,2	12,9	11,9	6,1	10,2	Китай, Япония, Индия
<i>В) По национальному характеру</i>												
США, Франция, Германия	7,1	5,2	10,0	11,5	10,5	39,1	5,0	4,5	3,5	1,6	2,0	Китай, Япония, Индия
2004 г.												
<i>А) По культуре</i>												
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	
США, Франция, Германия	8,0	8,0	16,5	16,1	10,1	21,4	4,7	4,9	4,1	1,0	1,6	Китай, Япония, Индия
<i>Б) По экономике</i>												
США, Франция, Германия	3,8	2,3	6,5	9,4	9,0	24,7	8,4	11,6	10,3	4,5	6,8	Китай, Япония, Индия
<i>В) По национальному характеру</i>												
США, Франция, Германия	5,6	5,0	9,6	12,4	11,4	32,7	6,8	5,4	3,6	2,3	2,6	Китай, Япония, Индия
2007 г.												
<i>А) По культуре</i>												
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	
США, Франция, Германия	12,2	10,9	18,6	12,7	9,8	17,3	4,8	2,9	3,7	2,1	2,1	Китай, Япония, Индия
<i>Б) По экономике</i>												
США, Франция, Германия	8,9	6,4	11,4	9,7	10,8	23,1	6,7	5,9	7,2	2,8	4,0	Китай, Япония, Индия
<i>В) По национальному характеру</i>												
США, Франция, Германия	10,1	9,0	13,1	9,7	11,0	25,8	5,4	3,6	4,2	2,2	2,5	Китай, Япония, Индия

Исходя из сделанных только что методологических пояснений, дающих ключ к интерпретации полученных данных, обратим внимание на некоторые особенности распределения ответов, которые были даны нашими респондентами в разные годы и применительно к различным сферам жизнедеятельности российского общества.

³⁵ В таблице не указаны затруднившиеся с ответом.

В 90-е годы большинство россиян (50%-51%) отождествляли себя с Западом только в культуре. Экономика, царившего в те годы «дикого» капитализма, казалась им чисто азиатским или, в лучшем случае, каким-то смешанным, «евразийским» явлением (количество ответов, проставленных в 4-х правых клеточках шкалы и в центральной ее части было примерно равным и составляло в обоих случаях чуть больше 41%). Что же касается национального характера, то по этому параметру россияне совершенно определенно аттестовали себя как «евразийцев» (в центральной части шкалы сконцентрировано около 55% ответов, тогда как в «западной» – приблизительно треть, а в «восточной» – менее 12%). Несмотря на колебания значений соответствующих показателей (которые, впрочем, чаще всего не выходили за рамки значения возможной статистической погрешности), эта картина, в общем и целом, сохранялась и в 2004 г.

Однако позднее ситуация стала меняться, причем довольно парадоксальным образом. Любопытный наблюдатель легко заметит, что психологическую атмосферу российской общественно-политической жизни сегодня во все возрастающей степени определяет крепнущее чувство самостоятельности, растущая уверенность в себе, сопровождаемые стремлением дистанцироваться от Запада. Однако индикаторы, характеризующие российскую идентичность в ее отношениях к Западу и Востоку, как это ни странно, сдвинулись в прямо противоположном направлении. И если в оценках культуры, где россияне традиционно более всего сближали себя с Западом, указанная тенденция лишь слегка просматривается (доля считающих, что по культуре Россия стоит гораздо ближе к США, Англии, Франции, чем к Индии или Китаю, увеличилась с 2004 г. всего на 6%), то применительно к экономике можно говорить уже о значительной корректировке взглядов. Хотя наибольшее количество ответов так же, как в 1998 и 2004 гг., пришлось на центральную – «евразийскую» – часть рассматриваемой нами шкалы, процентный «вес» которой почти не изменился (ныне он составил 40,6%), однако в остальном картина изменилась «с точностью до наоборот». Доля считающих, что современная российская экономика приобрела «западные» черты увеличилась по сравнению с 1998 г. более чем в 2 раза (с 17% до 36,4%), в результате чего она почти вплотную подтянулась к «евразийскому» центру. В то же время процент тех, у кого народное хозяйство России по-прежнему ассоциируется с Востоком, в такой же пропорции сократился и ныне составил не более пятой части от общего объема выборки.

Но если динамику оценок экономики можно объяснить рационально (за последние годы действительно была проделана очень большая работа, направленная на то, чтобы придать российскому капитализму более или менее «цивилизованный»

облик), то полученные в ходе опроса данные, касающиеся национального характера, оказались достаточно неожиданными, в том числе и для нас самих как последователей. Здесь стабильным оставался уже не центр, а правая часть шкалы, где аккумулируются мнения той довольно немногочисленной части россиян, которые соотечественникам представляются «людьми востока»; перераспределение же голосов происходило между центром и левой частью шкалы. Если в 1998 г. и в 2004 г. более половины опрошенных старались разместить россиян на приблизительно равном удалении от американцев, англичан, французов, с одной стороны, и китайцев, индийцев, японцев с другой, то в 2007 большая часть ответов (около 42%) впервые оказалась сконцентрирована на левой оконечности шкалы, перевесив «евразийский» ее участок примерно на 3%-4%.

Чем вызвана эта совершенно «нелогичная» тенденция, на первый взгляд, идущая вразрез с мейнстримом российской политической жизни? Единственным разумным объяснением, на наш взгляд было бы то, что в действительности она сформировалась вовсе не вопреки, а, скорее, даже благодаря той переоценке Запада, которая произошла в российском обществе на рубеже истекшего и нынешнего столетий. Определившись со своими целями и интересами, и более отчетливо осознав собственную самостоятельность, российское общество просто утратило психологическую потребность в том «надрывном» антизападничестве, которое до недавнего времени достаточно сильно проявлялось и в общественно-политической публицистике, и в массовом сознании: зачем без конца подчеркивать то, что и так стало вполне очевидным? В результате многие оценки и самооценки стали более объективными, утратив эмоциональный накал, обычно присущий борьбе за самоутверждение. В такой ситуации психологически легче признать в себе какие-то «западные» черты без риска утратить собственную идентичность. Надо учитывать и то, что Запад в российском самосознании выступает в разных ипостасях, причем в зависимости от конкретных условий на первый план может выходить то одна, то другая из них.

В качестве доминирующего субъекта международных отношений Запад представлен различными политическими, военно-политическими и экономическими структурами. Наиболее проблемной из них, в глазах россиян, является НАТО. Еще в середине 90-х годов, когда российская политическая элита уже активно заявляла о своей обеспокоенности решениями и действиями этого блока, большинство россиян воспринимало ситуацию весьма благодушно. Так, в 1998 г. только 4,4% опрошенных считали Североатлантический альянс источником реальной опасности. Однако всего через год, под влиянием спланированной и осуществленной натовскими стратегами военной акции в Югославии, уже около половины опрошенных характеризовали его

как враждебную России структуру. С тех пор отношение к НАТО в российском обществе продолжает оставаться устойчиво негативным, причем такое положение уже достаточно прочно закрепилось на уровне эмоционального восприятия. Сегодня, согласно данным настоящего опроса, само слово «НАТО» вызывает положительные чувства менее, чем у одного респондента из четырех, тогда как отрицательные – у 76% опрошенных.

Уже давно целый шлейф негативных ассоциаций сопровождает в массовом сознании образ США и американской политики. Если в 1995 г. свыше 77% наших респондентов воспринимали упоминание о США вполне благожелательно и только 9% неприязненно, то в начале текущего столетия доля первых сократилась до приблизительно 37%, вторых же, напротив, выросла до 40%. В дальнейшем этот ушедший в минус баланс мнений стабилизировался и с тех пор практически не менялся. Нынешний опрос вновь подтвердил эти цифры: положительно относятся к США примерно 37% опрошенных, а отрицательно – почти 45% (см. табл. 26).

Таблица 26

Какие чувства вызывает у россиян упоминание о различных странах мира, в %

<i>Страна</i>	<i>В основном положительные</i>	<i>В основном отрицательные</i>	<i>Затруднились ответить</i>
1.США	37	45	18
2.Польша	37	38	25
3.Великобритания	52	25	23
4.Франция	75	9	16
5.Германия	62	21	17
6.Япония	60	18	22
7.Китай	45	32	23
8.Индия	64	11	25
9. Сербия	44	22	34
10. Украина	49	34	17
11. Казахстан	63	15	22

Негативная аура Соединенных Штатов, конечно, не могла так или иначе не распространиться на их союзников, в совокупности составляющих Запад как особый геополитический и культурно-исторический субъект. По сравнению с началом и даже серединой 90-х годов практически все они также лишились некоторой части своих приверженцев из числа россиян, хотя и не в такой степени, как США. При этом довольно отчетливо просматривается следующая закономерность: чем более самостоятельную и критическую позицию по отношению к американской стратегии глобального доминирования занимает та или иная страна Запада, тем теплее относятся к ней россияне. Безусловным их фаворитом, несомненно, является Франция, которая со

времен де Голля держится особенно независимо. Количество россиян, которым нравится эта страна, превышает число ей не симпатизирующих, примерно в 8,5 раз. Несмотря на нелегкие для многих представителей старшего поколения воспоминания о Второй мировой войне, достаточно уважительно и дружелюбно воспринимается также Германия. В данном случае перевес симпатий над антипатиями также достаточно убедителен – он составляет приблизительно 3:1. Свыше 72% российских граждан оценивают нынешние отношения России с Германией как хорошие и очень хорошие, тогда как плохими или очень плохими их назвали всего 7,5% (кстати, до 37% россиян считают, что общая трагедия времен войны, скорее сближает, чем разъединяет бывших противников). А вот «туманный Альбион», который часто безоговорочно поддерживает даже такие действия США, которые другим кажутся чрезвычайно сомнительными, на этом фоне несколько проигрывает. Если в 1995 г. по уровню популярности среди россиян Великобритания почти не уступала Франции и на 7%-8% опережала Германию, то в 2007 г. она уже отстает от Германии примерно на 11 процентных пунктов.

Попытки сыграть роль противовеса России не прошли даром даже для традиционно близкой ей Украины: в данном случае обращает на себя внимание не только довольно скромная позиция, которую она заняла в «рейтинге симпатий», но и необычно высокий для «братской республики» уровень антипатий. Однако, как видно из приведенной таблицы, еще хуже выглядит в глазах россиян Польша, пытающаяся играть роль лидера проамериканских сил в Евросоюзе и одновременно – одного из главных критиков политической стратегии Кремля и спонсируемых им геоэкономических проектов.

Подвижный баланс прозападных и антизападных настроений в российском обществе, несомненно, надо рассматривать как фактор, влияющий на складывающийся в массовом сознании образ Европы. Этот образ в целом привлекателен и окрашен в отчетливо позитивные тона. Европа для россиян – это нечто более близкое, чем Америка или, допустим, Азия (хотя, как видно из таблицы 26, отношение к таким традиционно связанным с Россией азиатским странам, как Индия или Казахстан, отнюдь не хуже, чем к любой отдельно взятой европейской стране, исключая подчеркнуто позитивное отношение к Франции). В ходе настоящего и предшествующих исследований выяснилось, что индикатор положительных реакций

на слово «Европа» весьма высок. В 2007 г. он зафиксирован на уровне 72%. Выше по рейтингу идет только Россия (около 96%). А вот «Азия» и «Америка» в этом плане существенно проигрывают восприятию слова «Европа» (соответственно 20% и 30%).

Интересно отметить, что между числовыми значениями индикаторов, отражающих эмоциональное восприятие понятий «Европа» и «Европейский союз (ЕС)», существует разительный перепад, который устойчиво держится на уровне около 20%. Летом 2002 г. положительные ассоциации с первым из этих понятий зафиксированы у 79%, а со вторым – только у 59% респондентов, в 2007 г. – соответственно у 72% и 53%. Объяснить этот факт, который, на первый взгляд, может показаться логической аномалией, можно только тем, что Европа, как особое культурно-историческое образование, ближе и понятнее россиянам, чем Европа – ЕС, выступающая в виде институционального субъекта международной политики.

Сопоставляя мнения наших респондентов по разным вопросам, касающимся положения России в мире, мы в свое время сделали вывод о том, что Европа выступает в политическом мышлении наших сограждан как бы в двух ипостасях – «западной» и «собственно европейской». Из чего, в частности, следовало, что недоверие к ней как *Западу* может уравновешиваться тяготением к ней именно как к *Европе*³⁶.

В то же время отмеченная выше тенденция к сокращению дистанции, которая, в глазах наших сограждан, отделяет их от Запада, по идее должна была бы способствовать снятию негативной нагрузки с «западной» составляющей образа Европы и тем самым способствовать в общем итоге еще большему распространению благоприятных оценок Европы в российском обществе. Однако, на деле этого не произошло. Если сопоставить результаты наших исследований, в которые, начиная с 2000 г., включался тест на эмоциональное восприятие социально-политических концептов, можно заметить, что доля респондентов, у которых слово «Европа» вызывает положительные чувства и ассоциации все это время постоянно уменьшалась. Происходило это не очень быстро, но неуклонно, и за какие-нибудь 6-7 лет уменьшение, о котором идет речь, стало весьма ощутимым (2000 г. – 83%, 2004 г. – 79%, 2007 – 72%). Соответственно этому неприязненные реакции на слово «Европа» стали встречаться значительно чаще (в 2000 г. они были зафиксированы у 17% опрошенных, а в 2007 – уже у 27%).

³⁶ См. подробнее: Изменяющаяся Россия в зеркале социологии. М., 2004

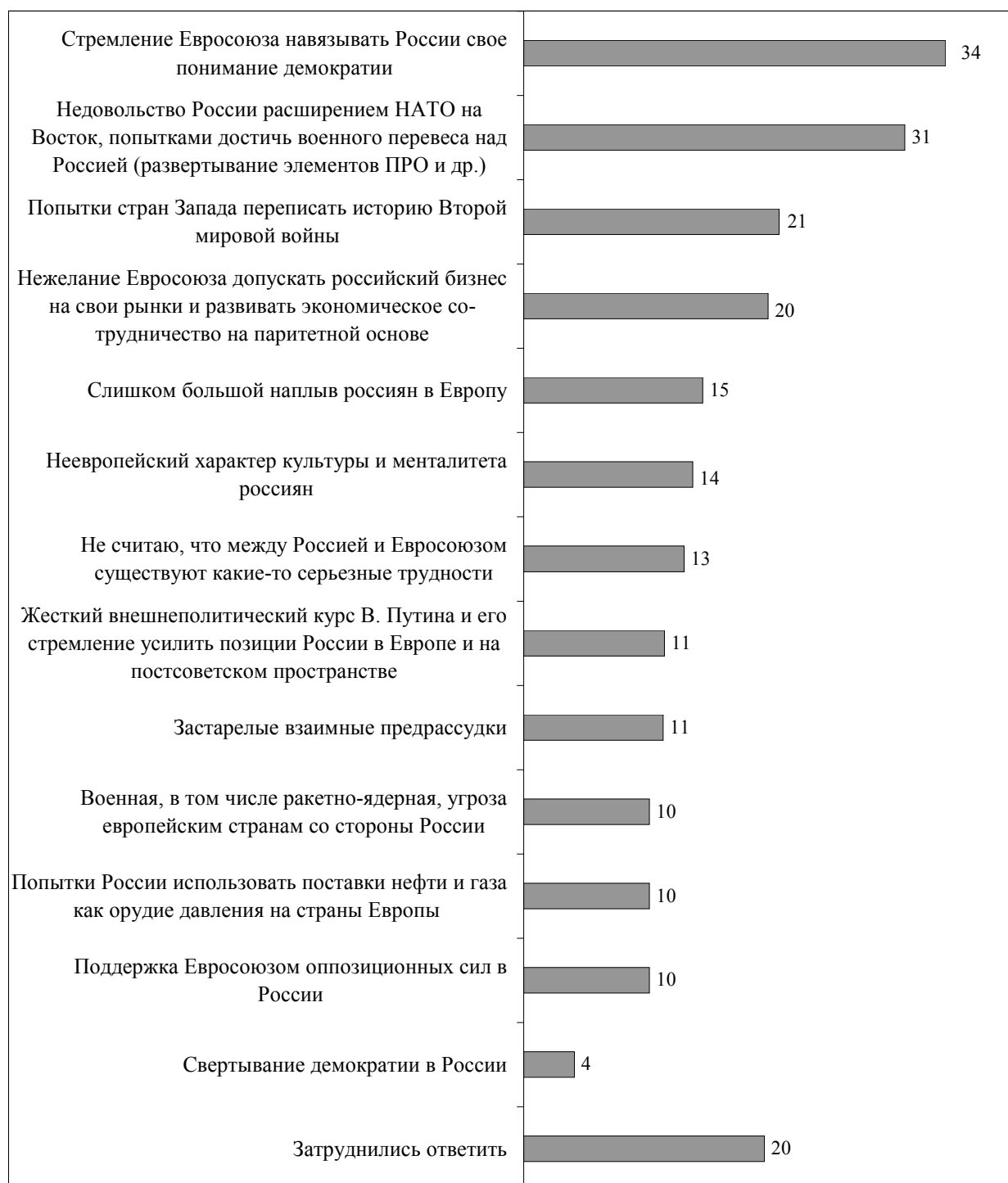
Симптомы охлаждения россиян к Европе проявились и в идеологически отрефлектированной «картине мира». В 2002 г. и 2004 г. большая часть наших сограждан (почти 42%) поддерживала тезис о том, что Россия – это часть Европы, которая органически принадлежит европейской истории и в XXI веке будет теснее всего связана именно с этой частью мира. Сегодня за это утверждение высказалась меньшая доля населения – 35%. Прежняя точка зрения уже не преобладает: примерно такое же количество опрошенных считает, что Россия не является в полной мере европейской страной, а представляет собой совершенно особую – евразийскую цивилизацию, и в будущем центр ее политики будет смещаться на восток.

Учитывая то обстоятельство, что вопрос об отношениях с Европой (и одновременно об отношении к Европе) имеет не только сугубо прагматический смысл, но и глубоко укоренен в проблематике российской идентичности, эта тенденция, на наш взгляд, заслуживает пристального внимания.

Что вызвало ее к жизни? Ответ на этот вопрос во многом подсказывает анализ мнений по поводу того, какими мотивами руководствуются развитые европейские государства в своих отношениях с Россией. В настоящее время лишь около четверти наших сограждан придерживаются той точки зрения, что европейские страны заинтересованы в выходе России из кризиса, причем за последние 5 лет эта цифра весьма заметно сократилась (на 12%). Еще меньшее число (приблизительно один человек из пяти) согласилось с тем, что европейцы стремятся к всестороннему и равноправному сотрудничеству с Россией. Большинство же россиян убеждены в совершенно обратном: около половины – в том, что Европа видит в усилении России угрозу и потому не желает ее действительного подъема, а почти 2/3 – в том, что ее интерес к России ограничивается исключительно природными ресурсами. Такая интерпретация намерений и действий европейских стран преобладает по существу во всех социально-демографических группах и лишь несколько смягчается у категории граждан, имеющих материальный достаток выше среднего.

В этой связи полезно поразмышлять над тем, что, по мнению россиян, мешает развитию доброжелательных и конструктивных отношений между Россией и странами Евросоюза. Поскольку возможных помех такого рода можно назвать довольно много, удобнее всего привести распределение высказанных на этот счет мнений в виде таблицы, дифференцированной по параметрам, которые, как показал анализ, дали наибольший разброс точек зрения по данному вопросу (см. рис. 43).

**Что мешает конструктивному развитию отношений между Россией и ЕС
(в % к числу опрошенных)**

Как видно из приведенных данных, респонденты не склонны видеть проблему ни в «неевропейском» характере российского менталитета, ни в слишком большом наплыве наших сограждан в Европу, ни в застарелых предрассудках и предубеждениях, ни в слабости молодой российской демократии, ни в чрезмерно жесткой внешней политике нынешней российской администрации и ее «газовой» дипломатии. Не

придают они особого значения и поддержке Евросоюзом оппозиционных Кремлю политических сил и отдельных политиков. Самым главным фактором, сдерживающим взаимное сближение, они назвали стремление Евросоюза навязывать другим свое понимание демократии, а также расширение НАТО на Восток. На это указали в своих ответах до трети опрошенных. Приблизительно каждый пятый называл также нежелание Евросоюза допускать российский бизнес на свои рынки и стремление Запада переписать историю Второй мировой войны, поставить под сомнение решающий вклад СССР в победу над фашизмом (при этом на первое – больше внимания обращает молодежь, а на второе – люди предпенсионного и пенсионного возраста).

10. Социокультурные аспекты европейской идентичности россиян

В связи с приведенными выше данными, уместно поставить ряд вопросов, касающихся «культурной повседневности» современной России. Насколько «европейскими» являются культурные интересы россиян? Насколько интенсивны их культурно-информационные связи с Европой? В какой степени политический диалог России с Европейским сообществом подкрепляется культурной практикой «среднестатистического» российского гражданина?

Некоторые эмпирические данные, позволяющие дать ответы на эти вопросы, содержатся в таблице 27.

Таблица 27

Как россияне в течение последнего года познакомились с теми или иными явлениями европейской жизни и культуры, 2002/2007 гг., в %

<i>Явления европейской жизни и культуры</i>	<i>2002 г.</i>	<i>2007 г.</i>
Посетили одну из европейских стран	5	4
Прочитали книгу европейского писателя	27	17
Посетили выставку, посвященную европейской культуре	6	3
Сходили на концерт европейских артистов	6	3
Посмотрели европейский кинофильм	57	42
Читали специальные издания (газеты, журналы) о жизни и культуре в странах Европы	20	14
Смотрели телевизионные передачи, посвященные европейской культуре	56	39
Слушали радиопередачи, посвященные европейской культуре	21	12
Получали информацию о жизни и культуре Европы через Интернет	4	6
Получали информацию о жизни Европы от друзей и знакомых, проживающих или часто бывающих там	20	18
Другое	1	0,2
За последний год не познакомились с теми или иными явлениями европейской жизни и культуры	22	31
Трудно сказать	6	8

Как видно из приведенной таблицы, основным источником информации о жизни европейских стран и их культуре для россиян являются кино и телевидение, в меньшей степени – книга. Причем сразу же бросается в глаза то, что за последние 5 лет все эти три информационных потока заметно сократились. Так, доля читателей книг европейских писателей в 2007 г. сократилась по сравнению с 2002 г. на 10%, количество зрителей, посмотревших европейские фильмы и телепередачи о Европе, – примерно на 16%. Сократилось и потребление специализированной информации – читать специальные издания о жизни и культуре европейских стран стали на 6% меньше. Правда, это снижение отчасти компенсировал Интернет, однако действительно значимым источником сведений о Европе он является только для молодежи: в возрастной категории до 25 лет им пользовались с этой целью примерно 15% опрошенных, но уже после 35 лет эта доля становится меньше средней по выборке.

Непосредственные личные впечатления имеют довольно ограниченное распространение. Это связано с тем, что россияне все еще мало бывают за рубежом, а если бывают, то часто предпочитают познавательным турам по крупным городам Европы чисто «пляжный» отдых на курортах Турции или Египта. За последний год хотя бы одну из европейских стран удалось посетить всего 4% опрошенных, да и то в основном молодым людям (в категории 16-25 лет приведенная цифра становится заметно более весомой – 8%). Такие, дающие определенный запас живых впечатлений, формы культурных контактов, как посещение выставок и концертов европейских артистов, охватывают в общей сложности довольно незначительную часть населения, которая к тому же сократилась по сравнению с 2002 г. примерно вдвое. Более широко циркулирует опосредованная информация, почерпнутая от знакомых, но и она доходит лишь до одного человека из шести. К тому же подобная информация касается в основном бытовых вопросов и не имеет специфического достоинства живой наглядности.

Российское пространство, если рассматривать его с точки зрения перспективы культурной интеграции с Европой, неоднородно. Вполне понятно, что менее всего ее влияние ощущается в деревне и рабочем поселке. Жители поселений такого типа уступают в этом отношении не только крупному, но и малому городу буквально по всем позициям, причем по некоторым из них в несколько раз. Например, выставки и концерты европейских артистов они посещают в 4–8 раз реже, чем жители районных

центров, о москвичах же и петербуржцах даже говорить не приходится: в этом случае разрыв становится 15–20 даже 25-кратным.

Таким образом, города выступают в качестве своеобразных «конденсаторов» зарубежного социокультурного опыта. Различия в этом плане между городами также существуют, но надо заметить, что самые крупные из них не являются безусловными лидерами межкультурной коммуникации. Так, ни областные центры, ни даже районные центры практически не уступают Москве и Санкт-Петербургу по степени «телевизионного» знакомства с европейскими странами. Их жители с той же или почти с той же частотой смотрят европейские фильмы и слушают радиопередачи, рассказывающие о жизни и культуре европейских стран. Не слишком сильно различается и уровень знакомства со специализированными изданиями. А вот европейскую беллетристику в областных и, что особенно удивительно, в районных городах знают даже лучше, чем в мегаполисах.

Очень интересно отметить, что за последние 5 лет провинциальные города преодолели разрыв со столичными по включенности в международное общение через Интернет. В 2002 г. получали этим путем информацию о жизни и культуре Европы: в Москве и Петербурге 8% жителей, в областных городах около 5% и в районных 3%. В 2007 г. данный показатель по мегаполисам снизился (что косвенно свидетельствует о снижении здесь интереса к Европе вообще), но по областным и районным он вырос. В результате областные города по этому показателю перегнали мегаполисы чуть ли не в 2 раза, а районные практически сравнялись с ними.

Информация от часто бывающих в Европе или постоянно там живущих друзей и знакомых доступна горожанам практически в равной степени. Вместе с тем, когда обращаемся к показателям, характеризующим интенсивность *непосредственных* контактов с жизнью и культурой современной Европы, картина становится совершенно другой. Здесь четко обозначаются разрывы культурного опыта, причем последние заметны уже при сопоставлении Москвы и Санкт-Петербурга с другими крупными городами. Различия между областными центрами и глубиной также значительны, но все же они в целом менее выражены. Всего за последний год в странах Европы побывали примерно 15,5% жителей мегаполисов. В областных центрах этот показатель примерно в 3,5, а в районных – в 5 раз ниже. Возможности селян и жителей небольших поселков оказались еще более ограниченными, но все же они бывают в европейских странах не реже, чем жители районных городов.

Впрочем, социокультурная среда современного российского города в свою очередь также очень неоднородна, и «линии» культурно-информационного взаимодействия с Европой распределены в ней весьма неравномерно. Дело в том, что «чувствительность» к европейским влияниям в современном российском обществе зависит от социально-демографических различий. Как известно, открытость к зарубежным культурам и интенсивность взаимодействия с ними более всего проявляются в молодости. Тенденция эта действует не только на уровне культурных предпочтений и установок (соотношение оценок «нравится» и «не нравится»), но и на уровне реального выбора культурных объектов (получение информации, знакомство с теми или иными книгами, посещение культурных мероприятий). Проведенное исследование подтвердило, что у молодежи «окно в Европу» открыто шире, чем у россиян более старшего возраста. При этом, значения большинства индикаторов, характеризующих степень включенности молодежи до 35 лет в культурно-информационное поле Европы, заметно снизились: по чтению книг европейских писателей с 31%-38% до 16%-22%, по посещению выставок и концертов с 7%-12% до 3%-5%, по просмотрам кинофильмов с 62%-78% до 43%-56%, по знакомству со специальными изданиями о жизни Европы с 25%-35% до 15%-20%. Выросло же за рассматриваемый период значение всего лишь одного показателя – активности использования в качестве источника информации о жизни европейских стран Интернета (и кроме того практически неизменной осталась доля молодых респондентов, повидавших эту жизнь своими глазами).

Отметим и еще одно обстоятельство – резкое снижение порогового возраста, когда россияне проявляют наибольшую заинтересованность в получении информации о Европе. В 2002 г. он составлял примерно 40 – 45 лет; лишь после этого интерес к информации такого рода начинал заметно снижаться. В настоящее время показатели, характеризующие вовлечение наших респондентов в поле культурно-информационного взаимодействия с Европой, довольно резко падают уже после 25 лет.

Не раз отмечалось, что мощным фактором дифференциации культурных практик в современной России стал уровень материального благосостояния. Это, естественно, имеет свое специфическое преломление в сфере культурных контактов россиян с Европой. Так, из числа той части участников проведенного опроса, которые считают свое материальное положение хорошим, побывало за последний год в Европе в 5,5 раза больше, чем среди тех, кто оценил его как среднее, и в 8 раз больше, чем

среди назвавших его плохим. Малообеспеченные реже, чем их состоятельные сограждане, посещают выставки и концерты европейских знаменитостей, менее активно черпают информацию о Европе в Интернете и даже несколько меньше читают. Единственное, в чем малоимущие слои населения почти не уступают более состоятельным, – это интерес к освещающим зарубежную жизнь телепередачам.

Вместе с тем материальное благосостояние чаще всего оказывает влияние на культурную практику не само по себе, а в комбинации с другими социальными факторами, определяющими «базисный» уровень духовного развития данного индивида. Понятна, в частности, положительная корреляция между степенью проявления интереса к жизни и культуре Европы и уровнем образования. Тем не менее, дело не только в образовании как таковом, но и в роде занятости, в принадлежности к той или иной социально-профессиональной группе. Так, инженерно-технический персонал, безусловно, существенно превосходит рабочих по образовательному цензу, но не слишком сильно отличается от них по знакомству с европейской литературой, по интересу к европейскому кино и посвященным Европе телепередачам, по частоте посещения выставок и концертов. Резкий скачок категория ИТР дает только по Интернету, но это связано, скорее всего, не с собственно культурными, а со специфически профессиональными потребностями.

Реконструировать «семантическое наполнение» образа Европы в массовом сознании и сопоставить его с образом России, позволяют ответы респондентов на вопрос о том, какие слова из предложенного им списка, ассоциируются с Западной Европой и/или с Россией. Полученные в результате этого данные приведены ниже (см. табл. 28).

Нетрудно заметить, что представленный на данной таблице ассоциативный «портрет» Европы в 2007 г. оказался почти таким же, как в 2002. Обращает на себя внимание увеличение веса некоторых отрицательных характеристик («угроза», «угнетение», «скука», моральный упадок», «эгоизм»). Но если выделить 4-5 общезначимых смысловых ассоциаций, которые респонденты отмечали чаще всего, то окажется, что их набор остался тем же, что и в 2002 г. «Западная Европа» для россиян это по-прежнему в первую очередь *благосостояние, цивилизация, права человека, демократия, дисциплина*. Причем на указанных характеристиках сходятся по существу все основные социально-демографические группы.

**Ассоциации с Западной Европой и Россией
в массовом сознании россиян 2002/2007 гг., в %**

<i>Слова</i>	<i>Западная Европа, 2002 г.</i>	<i>Западная Европа, 2007 г.</i>	<i>Россия, 2002 г.</i>	<i>Россия, 2007 г.</i>
Права человека	80	79	17	27
Расцвет	67	64	17	31
Гуманизм	41	45	38	47
Угроза	43	57	25	28
Воля	29	31	42	56
Культура	64	53	57	69
Слабость	12	25	57	60
Благосостояние	82	88	6	15
Угнетение	19	34	42	49
Скука	27	36	34	43
Свобода	59	63	34	36
Кризис	14	24	80	72
Безопасность	53	59	17	31
Насилие	39	45	57	47
Цивилизация	79	80	16	27
Патриотизм	25	21	68	78
Интеллект	42	41	62	65
Энергия	35	32	49	62
Честность	28	30	40	55
Духовный мир	30	25	64	73
Лицемерие	56	60	35	31
Дисциплина	70	70	27	22
Наркотики	75	68	76	62
Моральный упадок	33	45	63	58
Демократия	63	70	29	31
Эгоизм	50	59	29	29
Гармония	37	42	18	37
Взаимопомощь	31	29	55	66
Сила	45	39	49	59,

Образ России изменился за это время в гораздо большей степени. Подсчитаем общее количество включенных в таблицу семантических индикаторов, значение которых выросло или уменьшилось по сравнению с 2002 г. более, чем на 5% (что заведомо превышает величину статистической погрешности, и, стало быть, уже никак не может рассматриваться как случайная флуктуация). В столбце «Россия» их будет 22, а в столбике «Западная Европа» – 13. Если же говорить не обо всех, а только о *значительных* изменениях, подняв соответственно и порог расчета (допустим, с 5% до 10%), то в первом случае их обнаружится 13, а во втором случае только 1. Однако еще более важна перегруппировка смыслов по их рейтингу. В 2002 г. Россия, к сожалению, ассоциировалась, в первую очередь, с «кризисом» и «наркотиками», и только вслед за этими безусловно негативными понятиями шли позитивные – «патриотизм» и «духовный мир», от которых лишь немного отставал завершающий список 5 самых значимых ассоциаций «моральный упадок». В 2007 г. первая пятерка характеристик

России выглядит уже иначе: «патриотизм», «духовный мир», «кризис», «культура», «взаимопомощь». Кризис, как мы видим, в этом ассоциативном ряду все еще остается, но он уже не выходит на самый первый план, и в общем итоге положительная семантика начинает преобладать над отрицательной (4 положительных признака против 1 отрицательного) (см. табл. 29).

Таблица 29

С какими словами, прежде всего, ассоциируется Западная Европа и Россия в массовом сознании россиян, 2002/2007 гг., в %

<i>Слова</i>	<i>Западная Европа, 2002 г.</i>	<i>Западная Европа, 2007 г.</i>	<i>Россия, 2002 г.</i>	<i>Россия, 2007 г.</i>
Патриотизм	25	21	68	78
Духовный мир	30	25	64	73
Кризис	14	24	80	72
Культура	64	53	57	69
Взаимопомощь	31	29	56	66

Рассматривая эволюцию образа России в массовом сознании, нельзя не обратить внимание на существенный рост всех индикаторов в очень важном смысловом кластере, характеризующем внутренний динамизм страны («сила – воля – энергия»). При этом наблюдается не только абсолютное повышение значений этих индикаторов, но и значительное увеличение разрыва в частотах соответствующих ассоциаций в пользу России: так, по понятию «сила» этот разрыв составлял в 2002 г. 3%, а в 2007 г. уже 20%, по понятию «энергия» – 14% и 30%, «воля» – 13% и 25%. Обращают на себя внимание и заметно более высокие «баллы», которые Россия получила практически по всему спектру положительных духовных качеств, причем не только морального, но и интеллектуального плана: «честность», «патриотизм», «духовный мир», «интеллект», «гуманизм». Сюда можно отнести и понятие «культура». Если еще 5 лет назад оно ассоциировалась в сознании наших респондентов больше с Европой, чем с Россией, то сегодня ситуация поменялась на прямо противоположную. Правда, это практически не отразилось на сопоставлении Европы и России с точки зрения цивилизации (и, очевидно, цивилизованности): хотя по этому показателю позиции последней тоже несколько улучшились, все же общепризнанным эталоном «цивилизации» для россиян по-прежнему остается Европа.

И образ России, и образ Западной Европы в массовом сознании в достаточной степени инвариантны относительно социальных и демографических различий. «Вес» отдельных семантических компонентов в каждом из образов несколько колеблется по возрастным группам, а также в зависимости от уровня образования и материального

положения респондентов. Но эти колебания носят хаотический характер. Во всяком случае, какие-либо отчетливые тенденции, выявляющие разрывы в интегральном восприятии России и Европы между поколениями, образовательными группами, а также социальными слоями, различающимися по своим доходам и статусу, не обнаруживаются. Скорее, можно говорить об отдельных оттенках мироощущения, связанных с возрастом, образованием, социокультурным опытом. Например, у молодых россиян образ России почти в 1,5 раза чаще, чем у пожилых ассоциируется со словом «угроза». Но в целом молодые и пожилые, имеющие высшее образование и не имеющие даже среднего образования, живущие в достатке и малообеспеченные, на ассоциативно-эмоциональном уровне приблизительно одинаково представляют себе как свою собственную страну, так и Западную Европу.

Описанные тенденции, безусловно, в чем-то субъективны. Тем не менее, из этого не следует, что россияне воспринимают себя и свою страну в розовом свете. Об этом говорят, в частности, весьма критические оценки России по таким параметрам, как, например, «демократия», «свобода», «угроза», «скука», «моральный упадок», которые по сравнению с данными пятилетней давности улучшились очень незначительно или совсем не улучшились. Впрочем, россияне вряд ли рассматривают «демократию» как предмет первой необходимости. Психологически им сейчас гораздо важнее утвердиться в ощущениях выхода страны из затяжного кризиса, а это ощущение, судя по тому, как меняется образ России в сознании ее граждан, у них сейчас появилось. Поэтому сопоставляя свою страну с Западной Европой и сознавая многочисленные и важные преимущества последней, россияне сегодня не чувствуют себя подавленными или, тем более, «потерпевшими поражение». Как говорил когда-то канцлер А. Горчаков, «Россия сосредотачивается». Именно так, судя по всему, воспринимается складывающаяся на сегодня ситуация в массовом сознании.

В массе своей наши сограждане являются сторонниками повышения роли своей страны в мире. Согласно полученным в ходе проведенного исследования данным, лишь около 7% населения считает, что ей не следует стремиться ни к каким глобальным целям (правда, в мегаполисах эта цифра повышается до 14%). Но в отношении высоты той «планки», которую при этом надо преодолеть, респонденты разошлись во мнениях. Чуть более трети (если быть более точным, то 34, 6%) полагают, что общей целью должно быть возвращение статуса сверхдержавы. Такая точка зрения особенно популярна у людей, чья молодость и большая часть сознательной жизни пришлось на

послевоенный период СССР. Однако более распространенным оказался иной подход: России достаточно будет войти в число 10-15 ведущих государств мира. В пользу такой постановки вопроса высказалось примерно 45%, а в группе молодежи до 16-25 лет – свыше половины опрошенных.

Как обстоят дела в реальной действительности? Подавляющее большинство респондентов, вероятно, не слышали про вывод, сделанный не так давно экспертами Денверского университета, согласно которому Российская федерация в настоящее время вышла на первое место в мире по уровню международного влияния, опередив другие ведущие страны мира, не исключая США. Оценки самих россиян намного скромнее. Тем не менее, возрождающееся чувство уверенности в своих силах способствовало тому, что международный статус России в глазах ее населения за последние годы явно повысился. Так, сравнивая политический вес различных европейских государств, наши респонденты в 2002 г. поставили Германию выше России. В настоящее время их мнение изменилось на противоположное (хотя перевес очень незначительный). Превосходит Россия, по мнению наших сограждан, и Францию, но заметно уступает Великобритании, не говоря уже о Евросоюзе в целом. В этом последнем случае «соотношение сил» не в пользу России становится в глазах наших сограждан совершенно подавляющим (см. табл.30).

Таблица 30

Сравнительные оценки влияния России и некоторых других субъектов мировой политики (в % к числу опрошенных)

	<i>Россия более влиятельна</i>	<i>Россия менее влиятельна</i>	<i>Примерно одинаково влиятельны</i>	<i>Не знаю</i>
Россия – Германия (2002)	20	30	33	17
Россия – Германия (2007)	21	20	32	27
Россия – Франция (2007)	26	22	27	27
Россия – Великобритания (2007)	17	34	21	29
Россия – ЕС (2007)	7	48	17	29

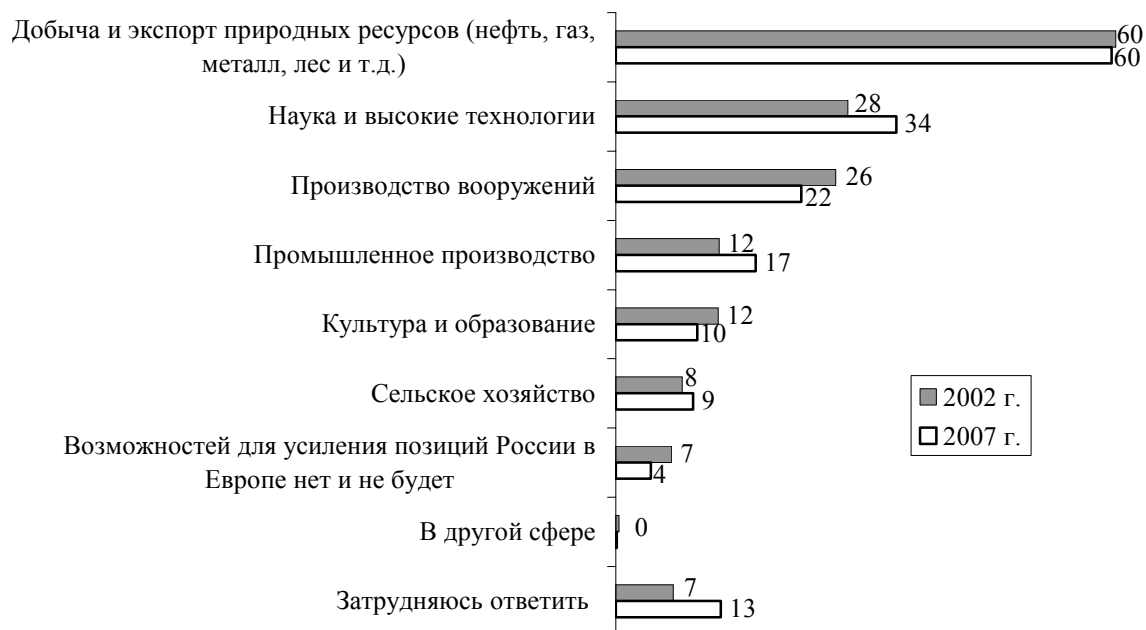
В разных социально-демографических группах по данному вопросу наблюдается большой разброс мнений, причины которого пока не вполне понятны. Так, жители мегаполисов и областных центров, а также граждане, оценившие свое материальное положение как плохое, не поддержали преобладающую в общем итоге точку зрения, что Россия в настоящее время более влиятельна, чем Германия. В отношении Франции мегаполисы уже не выделяются, а присоединяются к доминирующей точке зрения, но областные города почему-то с этим не соглашаются.

Что касается «соотношения сил» между Россией и Великобританией, то преимущество последней признали все типы поселений. Но если везде соотношение голосов, отдающих приоритет той или иной стороне, достаточно близко к среднему по выборке (2:1 в пользу англичан), то в мегаполисах мы зафиксировали какую-то не совсем понятную, но довольно сильную флуктуацию – 5,5:1.

Сравнительно сдержанные оценки степени влияния России на мировые дела, несомненно, связаны с тем, что россияне не слишком уверены в весомости некоторых важных составляющих этого влияния. В частности, отвечая на вопрос, в каких сферах Россия могла бы усилить свои позиции в экономике Европы в ближайшие 10 лет, подавляющее большинство опрошенных (почти 60%) безоговорочно выдвинули на первый план добычу и экспорт природных ресурсов. Остальные сферы промышленного производства и сельского хозяйства идут уже за добычей и экспортом природных ресурсов, причем с большим отрывом (см. рис. 44). Правда, за последние 5 лет несколько увеличилась доля тех, кто склонен связывать усиление позиций России и с некоторыми областями промышленного производства. В частности – с производством вооружений. Но рост этих цифр незначителен – всего 3%-4%. Несколько больше возможностей наши респонденты видят в сфере науки и высоких технологий, но и здесь число оптимистов увеличилось только на 6%. Специально отметим, что россияне довольно низкого мнения о возможностях своей страны в сфере образования и культуры – и это при том, что едва ли не главной отличительной особенностью России по сравнению с Западом считается особо высокий потенциал духовности. В то же время количество пессимистов, считающих, что у России вообще нет возможностей и шансов для усиления своих позиций по отношению к Европе, очень невелико. Оно лишь слегка превысило 4% от общего объема выборки. Эти умонастроения особенно распространены среди пожилых людей и, как это ни странно, среди жителей мегаполисов – в указанных категориях данная цифра увеличивается примерно вдвое.

Многие наши респонденты выразили уверенность в том, что повышению престижа России будет способствовать подготовка к Олимпийским играм 2014 г. в Сочи и, разумеется, сами эти игры. Такое мнение выразили примерно 45% участников опроса – столько же, сколько считают, что это всегда вызывающее огромный общественный интерес мероприятие будет способствовать развитию физкультуры и спорта в стране. Около 30% россиян убеждены в том, что проведение Олимпийских игр вызовет патриотический подъем и рост национального самосознания и почти столько же ожидают значительного притока в этой связи иностранных инвестиций и общего оживления российской экономики.

По каким направлениям Россия могла бы в ближайшие 10 лет усилить свои позиции в Европе (в % к числу опрошенных)

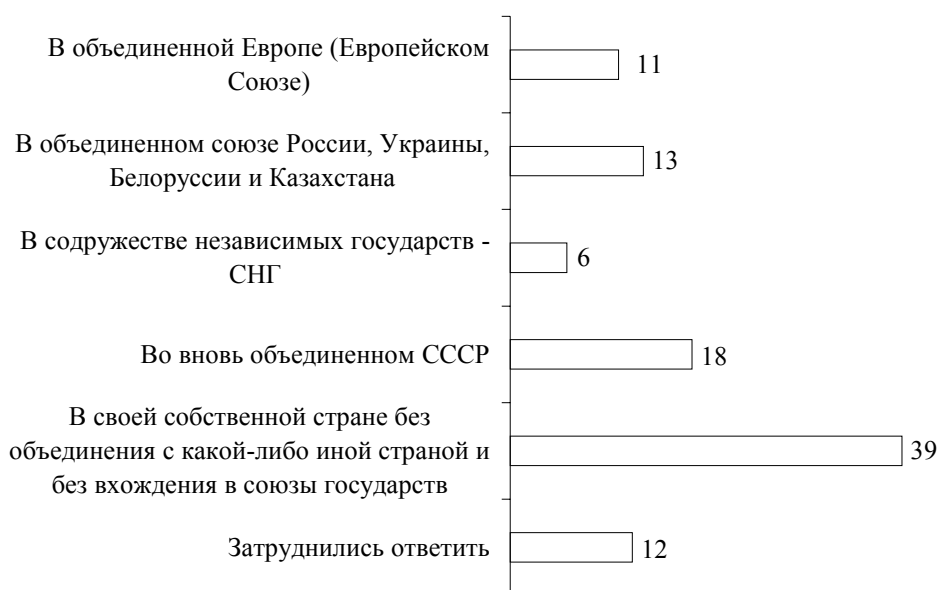
Есть, однако, и скептики. Около трети наших респондентов утверждают, что огромные деньги, ассигнованные на Олимпиаду, могут быть частично расхищены, и их было бы лучше потратить на социальные нужды. Приблизительно столько же предсказывают, что строительство олимпийских объектов приведет к спекулятивному росту цен на недвижимость. Определенная, правда, не очень большая, доля опрошенных (около 12%) высказала опасения, что масштабное строительство нанесет ущерб экологии черноморского побережья. Впрочем, многие наши сограждане одновременно высказывали и позитивную, и скептическую точку зрения на зимнюю Олимпиаду 2014 г.

Зондируя мнения россиян по поводу международного положения России и ее места в мире, не могли обойти вопрос об их отношении к различного рода процессам, играющим системообразующую роль в формировании современного глобального мира. Разнообразные наднациональные структуры россияне воспринимают весьма настороженно. Например, по вопросу об отношении к МВФ и ВТО население расколото практически пополам: 50%-52% оценивают их в целом положительно, но у 46%-47% они вызывают отторжение. Слово «глобализация» для большинства россиян в настоящее время нагружено отрицательными ассоциациями (у 58% наших респондентов оно вызвало негативные чувства, у 40% позитивные), зато антиглобалисты вызывают симпатии почти у 2/3 наших сограждан.

А как выражены уوناстроения россиян применительно к тому, чтобы объединиться с Евросоюзом? Этого хотели бы лишь 10%-11% наших сограждан. Среди респондентов в возрасте до 35 лет данная цифра на 5%-8% выше. Но, хотя интерес к Евросоюзу среди россиян гораздо больше, чем к СНГ, доля желающих войти в состав объединенной Европы оказалась в целом несколько меньше, чем доля отдавших предпочтение такому союзу, как Россия–Белоруссия–Украина–Казахстан (около 13%) и заметно меньше доли желающих жить во вновь объединенном СССР (18%). Правда, среди сторонников двух последних вариантов преобладают лица среднего и старшего возрастов, а процент молодежи по сравнению с «европейской» перспективой, напротив, снижается примерно в 2 раза. Большая часть россиян (почти 40%) хотели бы жить в своей стране, ни с кем не объединяясь (см. рис. 45). Таким образом, в настоящее время россияне, скорее, умеренные изоляционисты, чем сторонники интеграции с кем-либо, не исключая и столь привлекательную для многих наших сограждан Европу.

Рисунок 45

С кем хотели бы объединиться россияне, в %

Переходя с «государственного» уровня на уровень индивидуальных человеческих планов отметим, что свыше половины россиян, в том числе 40%-43% юношей и девушек, не хотели бы надолго покидать Родину, а примерно каждый пятый вообще не хотел бы уезжать ни при каких обстоятельствах. В то же время довольно значительная часть населения страны достаточно мобильна и готова активно осваивать пространства за пределами своей Родины. Правда, судя по полученным данным, очень популярная еще совсем недавно мечта о миграции в Соединенные Штаты значительно потускнела. Во всяком случае, в неевропейских странах, включая СНГ, зарубежную

Азию и Америку, сегодня хотели бы жить не более 3% россиян. Но страны Евросоюза по-прежнему выглядят в глазах россиян привлекательнее. Доля желающих переехать сюда на постоянное жительство в целом составляет до 6% опрошенных, но среди молодых до 35 лет эта цифра поднимается почти в 2 раза, превышая количество желающих оказаться в Америке, странах Азии или СНГ не менее чем в 3-4 раза. Массовый характер носит стремление молодежи выехать в европейские страны на учебу или временную работу. В категории до 25 лет настроенных таким образом насчитывается едва ли не треть от общего числа опрошенных.

Результаты нынешнего и ранее проведенных социологических исследований позволяют говорить об определенной склонности (но не о безусловном стремлении) россиян к сближению России и Европы. Психология и культура российского общества, а также конкретная социальная ситуация накладывают на этот процесс целый ряд условий ограничительного характера. В отличие от какой-либо другой внешнеполитической ориентации он не вносит в российское общество нежелательной психологической напряженности и не провоцирует в нем значительных духовных расколов и разрывов, помимо тех, которые неизбежно возникают естественным путем (таково, к примеру, извечное различие во вкусах и ориентациях между поколениями). Образно выражаясь, осуществление разумной стратегии сближения с Европой не потребовало бы от россиян «переступить через самих себя». И это само по себе уже достаточно важно. В конечном счете «европейский путь» без особого внутреннего сопротивления может быть с теми или иными оговорками принят всеми основными социально-демографическими группами и социальными слоями. При том, конечно, условии, что движение по данному пути не принесет россиянам очевидных и болезненных разочарований, что зависит уже не только от России, но и от партнеров нашей страны.

К общим выводам

1. Особенности общенациональной идентичности россиян (как в целом, так и каждого гражданина) обуславливаются в настоящий период многими обстоятельствами. Это и исторический опыт, и особенности его субъективного осмысления, и последствия пережитой за годы реформации «культурной травмы», и динамика материального положения, и самоощущение своего социального статуса в обществе, и целым рядом других факторов. Все их можно свести в один наиболее общий показатель – уровень удовлетворенности жизни в целом. Приходится, к сожалению, отмечать, что по данному показателю положительной динамики за последние годы не наблюдается. Если в 2004 г. 35% россиян признавались в том, что их жизнь в целом складывается хорошо, то в 2007 г. таких оказалось только 26%. Для большинства населения (63%) она складывается в основном удовлетворительно.

Как показывают результаты настоящего исследования, и по многим частным материальным аспектам удовлетворенности жизнью улучшение показателей не отмечается. Прежде всего, это касается возможностей питаться, одеваться, иметь удовлетворительное жилье, полноценно использовать время для отдыха. Более того, по ряду этих аспектов жизни, как это показано в докладе, показатели «неудовлетворенности» выросли сравнительно с прежними годами.

И это при том, что рост среднедушевых доходов населения за последние три года подошел к отметке в 50%. Однако и рост инфляции за этот же период оказался весьма существенным – не менее 40%. Получается, что положительная динамика начала 2000-х годов, которую россияне почувствовали и оценили, когда государство «повернулось к ним лицом», не набрала в последующем, несмотря на огромный профицит госбюджета, должного ускорения. Фактически роста текущих доходов населения хватало в последние годы лишь на компенсацию инфляции и не более того, что и проявилось в эффекте «несбывшихся ожиданий».

Как видно по данным исследования, доля относительно благополучного населения страны с 1998 г. устойчиво составляет 28%, а самым распространенным и типичным для России является состояние малообеспеченности (40-41%). Если же говорить о том, как эта тенденция поразительной устойчивости структуры населения по доходам за последние 10 лет проявляет себя в возрастном разрезе, то можно выделить две основные тенденции – медленный, но устойчивый рост доходов у групп до 55 лет и, затем, в более старших возрастных группах, резкое сокращение доходов с одновременным «взрывообразным» ростом малообеспеченности и бедности. То, что

именно в старших возрастных группах (56-65 лет) доля бедных за последние 10 лет возросла в 2,5 раза, говорит о явной неэффективности реализуемой в стране модели пенсионного обеспечения.

2. Как выяснилось в ходе исследования, по самооценкам россиян, нижний порог денежного довольствия, открывающий сегодня путь к состоянию благоприятного социального самочувствия людей, – это ежемесячный доход на одного члена семьи не мене 8-10 тысяч рублей. В свою очередь, критическая точка, определяющая острое недовольство людей своим материальным положением, – душевой доход, не превышающий 2,5-3 тысяч рублей в месяц. Однако, как еще раз подтвердило настоящее исследование, только к уровню материального обеспечения самооценка человеком своего общего благосостояния и социального самочувствия не сводится. Немаловажную роль здесь играют и другие аспекты жизни: самооценка состояния здоровья, отношений в семье, общения с друзьями, возможности получения знаний и реализации себя в профессии, и многое другое. Как же здесь обстоит дело?

Выше всего оцениваются отношения в семье и общение с друзьями (соответственно 49% и 42% оценок «хорошо»), уже заметно хуже – место, регион, в котором проживают респонденты, и ситуация на работе (32% и 30% оценок «хорошо»). А в целом же, по нематериальным аспектам жизни, для россиян характерно отсутствие оптимизма и доминирующей их оценкой является «удовлетворительно». Главным образом, это относится к самооценкам возможности реализовать себя в профессии, уровня личной безопасности, состояния здоровья. Но что особенно обращает на себя внимание – наличие довольно значительной доли опрошенных, особенно среди молодежи, негативно оценивающих возможность получения необходимых образования и знаний (в целом по массиву 24% оценок «плохо»).

Наличие явного неравенства разных категорий населения в доступе к качественному образованию, в возможностях получения необходимых для них знаний (уже даже после получения какой-то ступени образования), сказывается и на довольно низкой (сравнительно с жителями развитых стран) частоте использования россиянами компьютерных технологий. Так, по данным настоящего исследования, большинство наших сограждан (52%) вообще не пользуются компьютером, а почти 70% – Интернетом.

Что же получается? А получается, что, живя в массе своей фактически еще в доинформационную эпоху, находясь по уровню жизни в положении, соответствующем положению населения развитых стран примерно 30–40-ых годов XX века, на две трети имея образование не выше среднего специального и пройдя первичную социализацию в

селах и малых городах (лишь 30% россиян в возрасте до 65 лет пошли в школу в крупных городах), большинство населения России заведомо имеет качественно иные «стартовые» условия для формирования мировоззрения современного типа, нежели граждане Западной Европы или Северной Америки. И, как бы противоестественно с точки зрения национальной гордости это ни звучало, но величайшие достижения российской науки и технологического развития продолжают пока мирно соседствовать в России с тем, что основная часть трудоспособного населения страны живет еще в раннеиндустриальную эпоху со всеми вытекающими отсюда последствиями для их мировоззрения. И сравнивать их видение мира в конкретно-историческом плане было бы правильнее не с их ровесниками в развитых странах, а, как минимум, с их дедушками.

3. В современной социологии, изучающей реальные социальные процессы в обществе, принято использовать и такой интегральный показатель состояния социального самочувствия, как самооценка гражданами своего положения в обществе, иначе говоря, своего социального статуса. Исследование показало, что доля россиян, довольных своим положением в обществе, доминирует над долей недовольных в соотношении 4:1. Причем, в составе молодежных групп (16-25 лет) удовлетворенность своим социальным положением оказалась в 2,5 раза выше, чем в составе старшего поколения (56-65 лет).

Заметим, что рост удовлетворенности своим социальным статусом – это весьма существенное обстоятельство, т. к. являет собой не только важнейшую предпосылку социальной стабильности, но и очень важное для людей условие комфортности их социально-психологического состояния в целом. Достаточно сказать, что среди тех, кто оценивает свое место в обществе как «хорошее», 68% считают, что жизнь у них складывается хорошо. И этот показатель мало зависит от возраста: даже в группе старше 55 лет 51% удовлетворенных своим местом в обществе считают, что их жизнь в целом складывается хорошо. Среди тех же, кто недоволен своим социальным статусом, картина оказывается обратной – 38% из них (при 7% по массиву в целом!) считают, что жизнь у них складывается плохо.

Изучение в ходе исследования модели социальной структуры России, построенной на основе самооценок респондентами своего места в обществе, приобрела к осени 2007 г. более «сглаженный» характер. Учитывая прежние и нынешние результаты исследований ИС РАН, это позволяет утверждать: социальная структура российского общества, построенная на основе оценки самими россиянами своего места в нем, приближается в настоящее время к модели, характерной для стабильно

развивающихся стран, где большинство населения ощущают себя представителями средних слоев, а пребывание в состоянии «социальных аутсайдеров» – удел сравнительного меньшинства. Особенно наглядна тенденция качественной переоценки россиянами своего места в обществе выглядит при сравнительном анализе данных 1998 и 2007 гг.

Этот анализ показывает: изменения в самоощущениях людьми своего места в обществе за последние десять лет поистине колоссальны. И проявляются они прежде всего в резком сокращении числа тех, кто ощущает себя «социальными аутсайдерами», и, одновременно, в резком росте считающих себя представителями средних слоев (т. е. идентифицирующих себя как представителей 4, 5 и 6 социальных ступеней по 10-балльной шкале). Таким образом, впервые за весь период реформ в середине 2000-х годов средние слои населения (по самооценкам) стали составлять большинство российского общества, что, несомненно, сказалось на его социальной стабильности. Причем, за эти годы произошел коренной перелом в социальных самоощущениях всех без исключения возрастных групп.

4. В целях лучшего понимания тенденций формирования общенациональной идентичности россиян в условиях трансформационных процессов, важно было выяснить, с кем, с какими социальными общностями наши сограждане чаще всего себя отождествляют.

Выявленное распределение идентификаций свидетельствует, прежде всего, об очень большой роли абстрактных, символических общностей в жизни россиян. Наблюдается устойчивая самоидентификация более чем половины россиян с такими символическими, абстрактными общностями как люди с аналогичными взглядами на жизнь, как представители определенного поколения, как люди той же профессии. Трудно сказать, что здесь играет решающую роль – особенности национальной культуры, огромные пространства России, заставляющие искать «сквозные», интегрирующие линии отождествления себя с внешним миром, или же какие-то другие факторы. Безусловно, одно – абстрактные, символические общности очень важны для наших сограждан и имеют для них личностную, эмоционально окрашенную значимость.

Анализ динамики изменения положительных «мы-самоидентификаций» россиян за пятнадцать лет реформ позволяет сделать три принципиально важных вывода:

Во-первых, за этот период резко (почти в полтора раза) выросли идентификации, характерные для классовых обществ индустриального этапа развития – имущественная и политическая. Причем, и это особенно важно, освоение этих идентификаций

интенсивно происходило не только в старших возрастных когортах, но и (в отношении идентификации по материальному положению) в младших возрастах. А вот с самоидентификацией по политическим взглядам динамика взглядов молодежи имела иной вид, пройдя фактически «по синусоиде» – в 1998 г. молодежь довольно часто идентифицировала себя с людьми, близкими по политическим взглядам – в 22% случаев. В 2004 г. этот показатель достиг максимума – 26% – и спустился к 2007 г. до 20%. Относительно значима в 2007 г. эта идентификация была лишь в группах 36-45 лет (29%), 46-55 (33%) и 56-65 лет (32% устойчивых идентификаций).

Во-вторых, столь же резко выросли различные идентификации, связанные с близкими «по духу» людьми, что свидетельствует о наличии в современном российском обществе значимых мировоззренческих и ценностных расхождений, которые в равной степени характеризуют все возрастные когорты.

И, в-третьих, судя по количественным показателям, основные идентификационные изменения произошли в массовом сознании россиян за период 1992–1998 гг. Последующий период их только закрепил и усилил.

5. Результаты настоящего исследования убедительно показывают, что в пореформенной России сосуществуют традиционалистски и патерналистски настроенная часть общества и те сограждане, в сознании которых доминируют идеи личной ответственности, инициативы, индивидуальной свободы. Понятно, что речь идет о двух полярных типах мировоззрения, или, можно сказать, о двух моделях альтернативного видения мира. Выделяется и та часть населения, которую следует охарактеризовать, как носителей промежуточного типа сознания, сочетающего в себе элементы традиционализма и модернизма.

За последние три года доля модернистов несколько сократилась (с 26% до 20%), а доля традиционалистов возросла (с 41% до 47%); распространенность промежуточного сознания осталась практически в прежних границах (33%). Причем эта тенденция затронула все возрастные группы и даже возрастную когорту до 25 лет (где доля модернистов снизилась с 2004 г. с 37% до 27%, а доля традиционалистов возросла с 29% до 39%).

О чем говорят полученные данные? Они подтверждают выводы, которые были сделаны по итогам исследования в 2004 г. Речь идет о том, что традиционные ценности, несмотря на воздействие трансформационных процессов, постоянно восстанавливают свое влияние на общество, переходящее от романтических увлечений к реальной жизни в условиях современного демократического устройства и рыночной экономики. Тем самым ценностно-смысловое ядро российского менталитета продолжает

демонстрировать удивительную устойчивость и непохожесть. Даже в условиях системной трансформации российского общества практически все аспекты и проблемы современного мира – демократия и рыночная экономика, свобода и социальная ответственность, отношения между личностью, обществом и государством, получают в России специфическое звучание и окраску. А это говорит о том, что и под воздействием глубоких экономических и социально-политических преобразований общенациональный менталитет россиян представляет собой если не константу, то, во всяком случае, величину достаточно независимую, которую нельзя изменить по заказу, но можно и нужно использовать через государственный политический курс и политическую волю, что весьма убедительно смог сделать за короткий исторический срок В. Путин.

Наличие среди наших сограждан носителей разных типов мировоззрения свидетельствует не столько о том, что различные слои населения являются сторонниками резко противоположного видения того общества, в котором они хотели бы жить, сколько о наличии среди россиян приверженцев разных моделей развития общества.

С одной стороны, плюс такой ситуации в том, что она препятствует дезинтеграции российского общества на макроуровне. С другой же стороны, на микроуровне такое положение дел ведет к росту значимости мировоззренческой близости (что, как показало исследование, наблюдается при анализе динамики «мы-идентификаций»), так как в одной и той же микрогруппе (семья, друзья, производственный коллектив) могут оказаться люди, имеющие взаимоисключающие взгляды. Наконец, с третьей стороны, возникает серьезная проблема представительства интересов групп с разным видением желаемой модели развития российского общества на политической арене, поскольку редко какие политические партии в России учитывают, даже на уровне предвыборной риторики, особенности основных моделей видения мира и желаемого мироустройства, существующих у населения страны.

В то же время каждая из выделенных мировоззренческих групп действительно является сторонником отличных от других идеальных моделей общества. Особенно интересны в этом отношении во многом полярные позиции «модернистов» и «традиционалистов», различия между которыми проявляются и в оценке исторического прошлого страны, и в представлениях об эпохе, в которую они хотели бы жить, и в отношении к реформам, и в представлениях о том, какие социальные силы способствуют развитию страны, а какие препятствуют этому, и во многих других вопросах. Но самое главное отличие связано с принципиально различным отношением

традиционалистов и модернистов к всевластию государства и свободе личности. Причем, именно в этом различии проявляется специфика социокультурной модернизации, которую переживает ныне российское общество. Если для модернистов важны индивидуальная свобода, а западная модель развития с характерными для нее ценностями представляется им в целом вполне подходящей для России, то для традиционалистов (и «промежуточные» в этом вопросе к ним примыкают) это совершенно неприемлемо. Для них оптимальна традиционная для России этакратическая модель развития, основанная на всевластии государства, служащего в идеале в этой модели выразителем интересов общности в целом и обеспечивающего безопасность как каждого отдельного гражданина, так и общности. Причем подобная модель воспринимается, скорее, как хаотическое сообщество, где каждый выполняет свою функцию, чем сообщество свободных индивидов, осознанно выстраивающих разнообразные жизненные стратегии, руководствуясь правами человека, признаваемыми как базовые и государством, и обществом.

6. Уместно напомнить: еще исследование 1998 г. наглядно показало, что для россиян одним из важнейших объектов общественного внимания, своего рода, несущей конструкцией мировосприятия, являются место и роль государства в экономической и социальной жизни. Результаты нынешнего исследования не только подтверждают, но и показывают обостренное восприятие нашими согражданами всего того, что связано с деятельностью государства в экономической и социальной сферах. Как и десять, и шесть лет назад, сегодня главная установка россиян направлена на доминирование государства в экономике, в управлении собственностью. Означает ли это, что большинство населения выступает за возврат к огосударствлению всего и вся, а тем более за переход к плановой экономике? Нет, не означает.

Во-первых, потому, что, как показывают все три наших исследования, у россиян нет антагонизма к рыночной экономике как таковой, хотя та ее модель, которая существует сейчас в России, большинством из них отторгается. Причем, не только потому, что они сами проиграли в процессе ее утверждения, но и потому, что она, с их точки зрения, наносит ущерб интересам государства и общества в целом. А во-вторых, как это показали исследования 1998, 2004 и 2007 гг., притом, что все отрасли стратегического характера (электроэнергетика, добывающие отрасли, транспорт и др.), по мнению россиян, должны быть «в руках» государства, в ряде отраслей нестратегического характера, особенно связанных с удовлетворением повседневных потребностей людей, большинство населения допускает доминирование смешанной экономики. Это относится к строительству и эксплуатации жилья, средствам массовой

информации, дорожному строительству, финансовой сфере, телефонной связи, пищевой промышленности. Причем, как и десять лет назад, безусловный приоритет здесь россиянами отдается пищевой промышленности и печатным СМИ.

Таким образом, хотя доминирование частного сектора не допускается россиянами ни в одной сфере, однако даже в старшей возрастной когорте большинство предпочитает наличие в России смешанной экономики, где государственный сектор сосуществует с частным в ряде отраслей нестратегического характера под контролем государства, призванного согласовывать интересы частного сектора с интересами общества в целом. Это означает, что большинство россиян ждет от государства реализации модели государственного капитализма в экономическом развитии страны. Фактически речь идет о возрождении модели нэпа 20-х годов прошлого века, которая, видимо, потому и дала в свое время такой колоссальный экономический эффект, что в наибольшей степени соответствовала социокультурным и психологическим особенностям россиян.

Причем, как показали все три наших исследования, и представления о желаемом типе социально-экономического устройства страны, и представления о роли государства в экономике в целом и в конкретных отраслях, и представления о приоритетах государственной экономической политики разделяются большинством россиян в любой демографической и социально-профессиональной группе. Более того, эти представления остаются очень устойчивыми, хотя по отдельным вопросам и могут слегка видоизменяться под влиянием нового опыта. А это значит, что в ближайшие годы не следует ждать существенного изменения позиций россиян в этом вопросе. Более того, в российском обществе нет сколько-нибудь массовых групп, которые способны были бы обеспечить качественный сдвиг представлений наших сограждан об оптимальной модели социально-экономического устройства страны и в среднесрочной перспективе.

Как показывают наши данные, если в вопросе о модели взаимоотношений общества, государства и отдельного человека в российском обществе сосуществуют группы с противоположными типами мировоззрения, и процесс социокультурной модернизации, хотя медленно, но все же идет, то с экономическими воззрениями россиян картина принципиально иная. И даже та часть россиян, которая выступает сторонниками индивидуальной свободы, личной ответственности, защиты прав человека, являясь носителями модернистского, инновационного типа мышления, в вопросах об оптимальной для России модели социально-экономического устройства, о

роли государства в регулировании экономической и социальной сферы, практически одина со всем остальным населением.

Однако, и это надо подчеркнуть особо, россияне не фетишизируют нынешнее Российское государство, а, напротив, относятся к нему весьма критически – ведь легитимно и одобряемо для них только такое государство, которое на первое место ставит не интересы государственного аппарата, бюрократии, а интересы той самой главной общности, которая определяется понятием «народ». И только законы такого государства россияне будут признавать справедливыми, и готовы будут их соблюдать.

7. Жизненные ценности россиян, «что такое для них хорошо, а что такое плохо» – и есть смысловое и психоэмоциональное ядро национальной идентичности. Как показывает сравнительный анализ (с данными исследований в Германии, Швеции, Великобритании, США) значимость различных сфер жизни для россиян (семья, друзья, работа, свободное время, религия, политика), никаких качественных особенностей, по сравнению с ситуацией в ряде других стран, не имеет. Разве что в ценностном сознании россиян выделяется «работа», как бóльшая значимость, и возрастает значимость свободного времени (самая низкая ценностная значимость последнего в Германии – 28%, в России – 45%, в Швеции – 54%).

Но вот, где действительно наблюдаются существенные отличия, так это в оценке значимости качеств, которые следует воспитывать в детях. У россиян лидеры списка таких качеств – трудолюбие (91%) и чувство ответственности (86%). А в странах со старыми демократическими традициями в два наиболее значимых качества входят толерантность и уважение к другим людям. Кроме того, для наших сограждан гораздо важнее, чем для граждан других стран, воспитание в детях решительности, настойчивости и бережного отношения к вещам и деньгам. Кроме россиян, в числе пяти наиболее значимых качеств их назвали только немцы. Наконец, заметим, что для россиян относительно меньшее значение, чем для жителей старой Европы и США, имеют смирение и воображение.

Как вытекает из результатов исследования, в настоящее время наши сограждане в большинстве своем (56%) исходят из того, что у них нет возможности выбора, и они не в состоянии повлиять на собственную жизнь. Отмечают же наличие подобного выбора и считают, что сами определяют свой жизненный путь 43% россиян. К примеру, в Китае, соответственно – 32% и 63%, в Германии – 16% и 82%, в США – 11% и 89%.

Таким образом, в России сравнительно с сопоставимыми странами доминирует тип так называемого внешнего локус-контроля («человек – игрушка в руках судьбы»),

хотя в 1990 г. ситуация выглядела иначе – меньшинство россиян (38%) полагали, что не в состоянии влиять на свою жизнь. Скорее всего, это говорит о том, что доминирование в нынешний период внешнего локуса-контроля является не столько характерно чертой российской ментальности, сколько следствием объективных условий, сложившихся в стране за годы реформ. Именно собственной беспомощностью изменить неприемлемые обстоятельства жизни во многом объясняется и то, что традиции патернализма по-прежнему доминируют в сознании большинства россиян (62%).

Как показывают результаты данного и предшествующих наших исследований, доминирование патерналистской ориентации в сознании россиян обеспечивается двумя основными факторами – во-первых, сохранением очень значительной доли населения, чьи доходы прямо зависят от государства (госслужащие, бюджетники, пенсионеры – в общей сложности это около 60% всего взрослого населения страны), и, следовательно, они объективно вынуждены рассчитывать в первую очередь на государственную поддержку и с ней связывать свои ожидания. А во-вторых, сохранением весьма значительной по своей численности доли «социально слабых» групп, фактически неконкурентоспособных на современном рынке труда, которые для поддержания сколько-нибудь приемлемого уровня жизни могут рассчитывать только на помощь государства.

В какой макросреде предпочитают жить современные россияне: в обществе индивидуальной свободы или в обществе социального равенства? Ответ на этот вопрос в немалой степени «проливает свет» на одну из важных граней общенациональной идентичности. Для большинства модернистов, что вполне понятно, идеальная модель – общество индивидуальной свободы (66%), а для традиционалистов – общество социального равенства (71%). Причем, во всех возрастных когортах доминирует стремление к обществу социального равенства (больше того, после 35-ти лет это стремление разделяет большинство данной возрастной группы). Суть вопроса, однако, состоит в том, а что понимается под социальным равенством? Как вытекает из результатов исследования, почти 60% россиян трактуют социальное равенство, как равенство возможностей для проявления способностей каждого, а 40% – как равенство доходов и условий жизни. И подобное соотношение в понимании нашими согражданами социального равенства мы наблюдаем в своих мониторинговых исследованиях ценностных ориентаций вот уже более 10 лет.

8. «Горячие головы» в западном экспертном и журналистском сообществе все чаще в последние годы обращаются к теме якобы демократической невоспитуемости

русских, причем, чуть ли как не к врожденной черте их национальной ментальности. Что тут можно сказать с учетом и настоящего, и прежних исследований ИС РАН?

То, что явление и понятие самой демократии, в отличие от общепринятой трактовки в западных странах, в российском самосознании понимается иначе, то да, – это действительно так. Для наших сограждан понятие демократии проникнуто, прежде всего, не политическим, а социально-экономическим содержанием. Но стоит ли этому удивляться, если, по данным наших опросов, уровень жизни 60% населения характеризуется тремя параметрами: «за чертой бедности», «у черты бедности», «малообеспеченность».

Да и «свобода» для большинства россиян – это не столько свод политических прав и свобод, сколько «свобода–воля», стремление быть самому себе хозяином. Надо ли, однако, преувеличивать подобные, пусть и важные, но все-таки нюансы, если по базовым основаниям, ключевым институтам, понимание россиянами демократии идет в русле общепринятого понимания в мире.

Оценивая то, что нужно для эффективного функционирования демократической системы, наши сограждане называют те критерии и элементы, которые имеют первостепенное значение для нынешнего состояния общества. Это, прежде всего, равенство всех граждан перед законом, независимое судопроизводство, политический плюрализм, свободные выборы, включая выборы главы государства, а также отсутствие чрезмерной социально-имущественной дифференциации.

В оценках слагаемых демократии различными социальными группами и слоями видны некоторые различия, за которыми просматриваются их интересы. Так, возможность свободно высказывать свои политические взгляды, необходимость существования оппозиции чаще отмечают россияне, имеющие высшее образование; равенство всех граждан перед законом и свобода вероисповедания – самые бедные; частную собственность и свободу выезда за рубеж – высоко и средне материально обеспеченные респонденты; свободный выбор профессии – молодежь в возрасте до 25 лет; небольшую разницу в уровне доходов – россияне старше 60 лет и малообеспеченные.

Основная претензия россиян к реализовавшейся в России модели демократии – низкий уровень ее эффективности. Прежде всего, это относится к тем институтам, которые призваны выражать и защищать интересы граждан. Исследование выявило парадоксальную картину – именно те институты, которые по самой своей природе и по своему предназначению должны, что называется «играть на стороне» общества, выражать и представлять интересы людей, пользуются меньшим доверием, чем

властные органы, включая силовые. Как показывают наши данные, россияне менее всего склонны доверять политическим партиям, судебной системе, милиции, профсоюзам, Государственной Думе, прессе – как печатной, так и электронной, социальным службам. Лишь правозащитные, женские, ветеранские, экологические организации и церковь пользуются поддержкой граждан.

Наиболее же высокое доверие проявляется ко всей вертикали власти – президенту, правительству, губернаторам, а также ФСБ и армии.

Но даже при этом, итог мало утешителен: лишь 28% россиян удовлетворены тем, как «работает демократия», а 72% – не удовлетворены. В этом вопросе оценки россиян заметно отличаются от оценок граждан Европейского Союза, хотя и там далеко не все население выражает удовлетворение работой демократических институтов (в Швеции – 28%, в Великобритании – 31%, в Германии – 35%; выделяется Ирландия – 58% и Испания – 59%).

Судя по результатам настоящего и прежних исследований, можно сделать вывод: последние пятнадцать лет не прошли для страны даром. Россия изменилась, как изменились и ее граждане, изменилось и их отношение к демократическим ценностям и институтам. В целом, восприятие россиянами основных ценностных слагаемых демократии мало, чем отличается от того, что имеет место в странах так называемых развитых демократий. С этой точки зрения, бытующее мнение о постоянно увеличивающейся «ценностной пропасти» между Россией и Европой не находит эмпирического подтверждения.

Во всяком случае, положение, при котором вера в идеалы демократии сочетается со скепсисом в отношении ее способности ответить на новые вызовы времени, характерно сегодня и для Запада и для России. Одновременно с этим нельзя не видеть и того, что в российском обществе сложилось устойчивое мнение, о том, что российская версия демократии и рынка далека от совершенства. Упрочилось мнение и о том, что процесс демократизации явно «застопорился» и попал в своеобразный замкнутый круг, когда новые демократические политические институты не могут стать достаточно эффективными, поскольку не пользуются необходимой поддержкой со стороны массовых и элитных групп общества, а получить поддержку и легитимность эти институты не могут, поскольку в глазах большинства населения не являются эффективными, способными помочь в решении возникающих перед обществом проблем, прежде всего, социальных. В этой связи решение вопросов об эффективности деятельности демократических институтов, их поддержки со стороны широких слоев населения приобретают первостепенное значение.

Сегодня общество подошло к рубежу, когда оно либо окончательно согласится с тем, что его мнение для властных структур ничего не означает, либо люди начнут искать свои, в чем-то новые пути и способы более активного влияния на окружающую их жизнь. И, как показывают исследования ИС РАН последних лет, в России уже есть слои и группы, которые способны стать носителями новой «культуры общественного участия».

9. С позиции анализа динамики национального самосознания можно сделать и такой вывод: современная Россия самоопределяется, постепенно встает на ноги. За годы президентства В. Путина она обрела собственную субъектность, причем не только на внешнеполитической сцене, но и как страна с самостоятельной судьбой, собственными планами на будущее. Подавляющее большинство россиян видит будущую Россию великой державой (а возможно даже, и сверхдержавой). Эти планы представляются реальными, в основном за счет ее роли в качестве энергетической сверхдержавы, а также развития науки и научных технологий.

Нынешний период России представляется нашим согражданам самым благополучным периодом всей новейшей истории, затмевая в этом качестве даже спокойную и стабильную эпоху Л. Брежнева. Россияне не стремятся к переменам, именно поэтому периоды перемен, эпохи нестабильности не привлекают их симпатий.

Вместе с тем, национальное самосознание россиян остается противоречивым. Слабость, недостаточная интенсивность общегражданской идентичности, во многом все еще носящей скорее формальный характер, компенсируется усилением роли этнических компонентов в процессе формирования самосознания. Однако за стремлением испытать чувство общности с русскими стоят в большей степени социокультурные факторы, чем какие-либо иные.

Русский радикальный национализм остается уделом меньшинства, а доля его носителей в течение всего последнего десятилетия стабилизировалась на отметке в 11%-15%. Еще меньше тех, кто идентифицирует себя с политическими организациями радикально националистической направленности.

Отличительной чертой русских, в целом россиян остается своеобразный автостереотип, отражающий давние традиционные представления людей русской национальности о самих себе и о своих отличиях от людей других национальностей. В рамках этого стереотипа русские предстают народом с высокими духовными качествами, однако, с явным недостатком качеств деловых.

10. Выясняя мнения наших сограждан по поводу международного положения России и ее места в мире, разумеется, нельзя было обойти вопрос об их отношении к

различного рода процессам, играющим системообразующую роль в формировании современного глобального мира. И здесь следует отметить: разнообразные наднациональные структуры россияне воспринимают весьма настороженно. Например, по вопросу об отношении к МВФ и ВТО население расколото практически пополам: 50-52% оценивают их в целом положительно, но у 46-47% они вызывают отторжение. Слово «глобализация» для большинства россиян в настоящее время нагружено, прежде всего, отрицательными ассоциациями (у 58% наших респондентов оно вызвало негативные чувства, и только у 40% позитивные), зато «антиглобалисты» вызывают симпатии почти у 2/3 наших сограждан.

Вопрос вопросов (и на него в нашем исследовании обращено специальное внимание) – отношение России с Евросоюзом. А точнее говоря, выяснение того, что, по мнению наших сограждан, мешает развитию доброжелательных и конструктивных отношений между Россией и странами Евросоюза.

Как показывают результаты настоящего исследования, наши сограждане не склонны видеть проблему ни в «неевропейском» характере российского менталитета, ни в слишком большом наплыве наших сограждан в Европу, ни в застарелых предрассудках и предубеждениях, ни в слабости молодой российской демократии, ни в чрезмерно жесткой, по мнению Запада, внешней политике нынешней российской администрации и ее «газовой» дипломатии. Не придают они особого значения и поддержке Евросоюзом оппозиционных Кремлю политических сил и отдельных политиков. Самым главным фактором, сдерживающим взаимное сближение, россияне считают стремление Евросоюза навязывать другим свое понимание демократии, а также расширение НАТО на Восток. На это указали в своих ответах до трети опрошенных. Приблизительно каждый пятый называл также нежелание Евросоюза допускать российский бизнес на свои рынки и стремление Запада переписать историю Второй мировой войны, поставить под сомнение решающий вклад СССР в победу над фашизмом.

Очевидно, что антироссийская риторика ряда европейских СМИ, попытки принудить Россию принять не устраивающие ее правила игры в энергетике, лояльное отношение Евросоюза к кампании по сносу советских военных памятников в некоторых странах Восточной Европы не прошли даром. Если в начале текущего десятилетия многим россиянам стало казаться, что Россия и Европа (по крайней мере, так называемая «старая Европа») способны понять друг друга на основе концепции многополярного мира и критического отношения к гегемонии единственной сверхдержавы, то дальнейший ход событий основательно их разочаровал. Коллективно

испытываемое чувство разочарования, по-видимому, и стало толчком к той переоценке отношения к Европе, которое выявило данное исследование. В то же время анализ всей совокупности полученных нами результатов указывает на то, что эту тенденцию вряд ли можно в полной мере объяснить только какими-то конкретными «обидами». Параллельно разочарованию в европейской политике в российском самосознании наблюдается определенная утрата интереса к Европе, в том числе, если так можно выразиться – снижение значимости того, что можно назвать «европейским примером» для России.

Как преломляются эти умонастроения применительно к Европе и гипотетической перспективе интеграции России с Евросоюзом? В 2002 г. количество «еврооптимистов», по нашим данным, связывающих будущее России с ее вступлением в объединенную Европу, значительно превышало количество не видящих в этом особого смысла «евроскептиков»: первых насчитывалось в то время более половины от общего числа опрошенных, а доля вторых составляла менее 30%. Сегодня противников объединения с Евросоюзом в общей массе опрошенных оказалось 42%, в то время как приветствовали бы такую перспективу около 30% россиян. Таким образом, если судить по данным исследования 2007 г., за истекшие 5 лет доля «евроскептиков» в составе населения страны увеличилась почти в полтора раза, приблизительно в такой же пропорции превысив долю «еврооптимистов». И хотя интерес к Евросоюзу среди наших сограждан все-таки гораздо больше, чем к СНГ, доля желающих войти в состав объединенной Европы (11%) оказалась несколько меньше, чем доля отдавших предпочтение гипотетическому союзу России, Белоруссии, Украины и Казахстана (около 13 %) и заметно меньше доли желающих жить во вновь объединенном СССР (свыше 18 %). Правда, среди сторонников двух последних вариантов преобладают лица среднего и старшего возрастов, а процент молодежи по сравнению с «европейской» перспективой, напротив, снижается примерно в 2 раза. Большая же часть россиян (почти 40 %) хотели бы жить в своей стране, ни с кем не объединяясь.

Таким образом, в настоящее время россияне, скорее, умеренные изоляционисты, чем сторонники интеграции с кем-либо, не исключая и столь привлекательной лично для многих Европы.

И все же в социокультурном контексте, как нам представляется, результаты нынешнего и ранее проведенных ИС РАН исследований позволяют говорить об определенной склонности (хотя и не о безусловном стремлении) россиян к сближению России и Европы. В отличие от какой-либо другой внешнеполитической ориентации данный процесс не вносит в российское общество нежелательной психологической

напряженности и не провоцирует в нем значительных духовных разрывов, помимо тех, которые неизбежно возникают естественным путем (к примеру, извечное различие во вкусах и ориентациях между поколениями). Образно выражаясь, осуществление разумной стратегии сближения с Европой не потребовало бы от россиян «переступить через самих себя». И это само по себе уже достаточно важно. В конечном счете «европейский путь» без особого внутреннего сопротивления может быть с теми или иными оговорками принят всеми основными социально-демографическими группами российского общества. При том, конечно, условии, что движение по данному пути не принесет россиянам очевидных и болезненных разочарований. А это уже зависит не только от России, но и от партнеров нашей страны.